

СУДЬБЫ РОССИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

I

НЬЮ-ИОРК
1 9 5 7

СУДЬБЫ РОССИИ

СУДЬБЫ РОССИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

I

НЬЮ-ИОРК
1 9 5 7

**ИЗДАНИЕ
ОБЪЕДИНЕНИЯ
РОССИЙСКИХ
НАРОДНИКОВ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Судьбы России» — сборник статей, написанных людьми двух — и даже трех — поколений; людьми духовно и политически созревшими — одни еще в дореволюционной России, другие уже в Советском Союзе; людьми, примыкавшими к разным партиям или ни к каким партиям не принадлежавшими.

Что же всех этих разных людей объединило? Почему они — вместе — могли написать о судьбах России, несомненно разнствуя в предвидении ее грядущих путей и еще больше расходясь в своих программных политических и социальных воззрениях?

Они написали этот Сборник вместе потому, что все они в своей духовной, политической и общественной жизни подчиняются е д и н о м у верховному закону, долженствующему лечь в основу всей человеческой деятельности. Одни из них с юности знали, другие опытом тяжелой жизни узнали, что самые совершенные — в теории — народовластия, самые превосходные — на бумаге — социально-хозяйственные системы рассыпаются в прах или превращаются в рабовладельческие сатрапии, если они строятся на полном отрицании духовной автономии каждой человеческой личности, на варварском презрении к человеку, к с а м о й его жизни!

Опыт коммунистических лет России неопровержимо доказал, что свобода человека и социальное освобождение людей труда скованы в нерасторжимое единство: где искоренена личная свобода человека, там процесс социального

раскрепощения людей превращается в новое закрепощение... И нет сейчас в стране нашей ни одного честного и преданного родине и народу человека, который не сознавал бы, не видел бы всей безмерности зла бездушной системы управления, где произвол и самоуправство властвующего ничтожного меньшинства не знает предела, где нет независимого общественного мнения, нет равных для всех законов и суда, нет прав человека на его духовную, политическую и социальную свободу.

Современная мыслящая Россия напряженно ищет выхода на новые пути личного, общественного и государственного творчества и она найдет эти пути, если основной идеей станет идея свободного человека.

3 февраля 1957 г.

Традиции русской общественной мысли

1

Больше года тому назад в «Вопросах Истории» (№ 9, 1955) была напечатана передовая статья, посвященная «некоторым вопросам истории русской общественной мысли». Начинаясь в мажорном тоне, рядом заявлений о «плодотворной» работе советских исследователей в этой области, статья переходит затем к критике допущенных некоторыми из них «серьезных ошибок вульгаризаторского и упрощенческого характера». Оказывается многие советские исследователи «стремятся приукрасить действительность», «произвольно подгоняют факты под определенную точку зрения» и даже «исходят не из объективной действительности, не из исторических фактов, а из субъективных побуждений и ложно понятых интересов политики». Так, например, одни исследователи, прибегая к «произвольным подчеркиваниям и умолчаниям», делают из Радищева «революционного демократа» и «идеолога крестьянской революции» в то время, как на самом деле он был только «дворянским революционером». Другие, желая «улучшить» взгляды Новикова, пытаются доказать, что он никогда не был масоном. В порядке такого же «улучшения» большинству декабристов приписывается «последовательное материалистическое мировоззрение, причем затушевываются их колебания и разногласия». «Сглаживаются» и рассматриваются как случайные «серьезные общественно-политические заблуждения» Гоголя. В «приглаженном и идеализированном виде» изображаются взгляды и петрашевцев, которые якобы были последовательными «революционными демократами, социалистами и материалистами» в то время как на самом

деле они только «искали правильного пути и колебались в сторону либерализма». Такой же «идеализации» подвергся и Чернышевский, взгляды которого ошибочно сближали с «научным социализмом» и в котором, вопреки фактам, видели последовательного материалиста*. Редакция «Вопросов Истории» обвиняет «некоторых» советских исследователей русской общественной мысли и в других грехах. Они игнорировали ту «очевидную истину», что эта мысль «испытывала огромное влияние передовых идей Запада». Между тем такое игнорирование «искажает историю»: «отрыв русской общественной мысли от общественной мысли других стран противоречит действительности, принижает ее, изолирует от всего хода исторического прогресса». Наконец, дефектом советской исторической литературы в этой области является еще и то, что она сосредоточилась на изучении «передовой» и «революционной» общественной мысли, не уделяя достаточно внимания другим, «менее известным» (!) мыслителям различных направлений. В числе этих забытых мыслителей оказываются Сперанский, Чаадаев, Станкевич, славянофилы и западники! Редакция «Вопросов Истории» поучает советских историков, что для правильного понимания исторической роли «передовых» мыс-

* В том же номере «Вопросов Истории» напечатана небольшая заметка о двух статьях проф. Щипанова в сборнике «Из истории русской философии 18-19 вв.», изданном Московским университетом. В этой заметке приводится ряд примеров «произвольного обращения с текстом». Приведу из них один. Стремясь доказать материалистический характер теории познания Радищева, Щипанов приводит следующую цитату из одного его произведения: «Я сам знаю, чувствую, что для убеждения в истине... нужно нечто более, чем доводы умственные». Значит, комментирует Щипанов, «в теории познания Радищев отводит значительное место опыту». Но при проверке оказывается, что за тремя точками в приведенной им цитате скрываются выпущенные слова Радищева «о бессмертии человека». Из контекста ясно, что Радищев имел в виду не опыт — в том смысле, в каком этот термин употребляет Щипанов, — а интуицию (по терминологии 18 века — «внутреннее чувство»).

лителей надо изучать также консервативные и реакционные направления и что не следует «целиком и полностью отождествлять либералов с реакционными крепостниками».

Я потому так подробно остановился на этой статье из «Вопросов Истории», что она, вопреки намерению ее авторов, дает очень яркую картину того систематического извращения истории русской общественной мысли, которое на протяжении десятилетий происходило в советской исторической литературе. Придерживаясь обычных правил советской «самокритики», редакция «Вопросов Истории» пытается приписать все указанные ею дефекты индивидуальным ошибкам *некоторых* историков, тщательно обходя вопрос о тех общих условиях, в которых этим историкам приходилось работать, — о том общем подходе, который им был предписан сверху и потому был для них обязателен.

Всякий, кто следил за соответствующей советской литературой знает, что все ошибки и упущения, отмеченные в этой статье, вовсе не были индивидуальными уклонами, а напротив являлись необходимыми составными частями той общей схемы развития русской мысли, которая была продиктована партийно-политическими целями советского режима. В поисках благородных предков, которые сделали бы его более респектабельным, этот режим стремился связать свою доктрину с «передовой» мыслью дореволюционного времени и изобразить себя в качестве ее естественно-го преемника и завершителя, а для этого нужно было соответственно ретушировать портреты в галлерее предков — так, чтобы придать им возможно больше **фамильного сходства** с их мнимыми потомками. Вот почему не «некоторые» советские историки, а все писавшие на эту тему делали из Радищева «революционного демократа» и «идеолога крестьянской революции», так же, как другие преувеличивали «зрелость» воззрений декабристов и петрашевцев, по линии их революционности и материализма.

Вообще едва ли хоть один выдающийся русский мыслитель и писатель, которого можно было бы подвести под категорию «прогрессивных», избежал этого своеобразного причёсывания на большевистский манер. Тем же, кто такому причёсыванию не поддавался, обычно не уделяли особого внимания, и часто они суммарно характеризовались как «реакционеры». То различие между либералами, консерваторами и реакционерами, которое мы встречаем в редакционной статье «Вопросов Истории», есть в значительной мере новшество. В прошлом преобладала типичная большевистская «амальгама» — сваливание в одну кучу, под общим осудительным ярлыком, всех идейных (как и политических) противников.

Всё это началось еще до Сталина и продолжалось в течение десятилетий — и всё это было отражением партийной генеральной линии. При Сталине, с введением официального советского псевдо-национализма, а позже — в связи с развитием «холодной войны» с Западом, к обязательной доктрине был добавлен еще один элемент: утверждение полной самостоятельности русской общественной мысли и отрицание роли западного влияния в ее истории. В редакционной статье «Вопросов Истории» это влияние признается «огромным», а забвение этой «очевидной истины» приписывается только «авторам некоторых работ». Можно подумать, что никакой ждановщины, с ее кампанией против «безродных космополитов» и «низкопоклонничества перед Западом», никогда не было!

По человечеству эту «фигуру умолчания» можно не только понять, но и простить. Хорошо уже и то, что редакция руководящего советского исторического журнала, хоть и с опозданием, но признала наконец за ошибки и даже прямое искажение истины то, что раньше считалось обязательной истиной. И тем не менее, едва ли можно надеяться на скорое и полное восстановление подлинной картины развития русской общественной мысли в советской историче-

ской науке. Упрекая критикуемых ею авторов в ложном понимании *«интересов политики»*, от самого принципа политического — т. е., в условиях советского режима, партийно-коммунистического — подхода редакция «Вопросов Истории» не отказывается и отказаться не может. Опираясь на непререкаемый авторитет Ленина, она по-прежнему ставит перед советскими историками как их главную задачу показать, как эта мысль, пройдя «сложный и трудный путь борьбы и исканий», перешла наконец на «позиции марксизма» (само собою разумеется, в его большевистской интерпретации). Таким образом и общий подход к проблеме, и схема исторического исследования, и конечные его результаты — по-прежнему определены заранее. И определены в соответствии с партийно-политическим заданием коммунистической диктатуры.

2

Всё это в порядке вещей и останется таковым до тех пор пока начавшаяся на нашей родине «оттепель» не приведет к настоящему таянию снегов и к неудержимому потоку «вешних вод». Такая перспектива в расчеты теперешних властителей России, конечно, не входит и осуществиться она может только вопреки их желаниям и намерениям. А в эти намерения не входит — и не может входить — распространение в подвластной им стране правильных представлений об умственном и культурном развитии дореволюционной России — о тех условиях, в которых оно происходило, и о тех традициях, которые оно вырабатывало. Правдивая картина этого развития для них опасна — опасна потому, что сравнение ее с той системой «культурного контроля», которую они, в течение вот уже почти сорока лет, пытаются навязать русскому народу, было бы для них в высокой мере невыгодным.

В правильном освещении и подлинно объективной истории русской общественной мысли советские читатели

наших дней не могли бы не увидеть прежде всего разительного контраста между богатством разнообразия, отличавшего эту мысль в дореволюционное время, и тем унылым однообразием, которое водворилось в ней под гнетущим давлением официальной советской доктрины. Ни в один период русской истории, от 18 века до 1917 г. включительно, для русских мыслителей не существовало одной обязательной истины, одного — только одного — возможного подхода к проблемам мироздания, науки или искусства, личной или общественной жизни. Это был действительно «путь борьбы и исканий», процесс свободного соревнования различных философских, эстетических и общественно-политических течений, — того столкновения мнений, в котором только и может рождаться истина.

Факта этого разнообразия не решается отрицать даже и советская историография. Но она тут же обедняет его содержание и извращает его значение, приписывая его целиком наличию классовых противоречий в дореволюционном обществе и видя в нем не столько положительное, сколько отрицательное явление. Другое дело — созданное октябрьской революцией социалистическое общество, в котором, при отсутствии классовых противоречий, нет почвы и для идеологических разногласий. Отныне русская общественная мысль может наслаждаться обладанием навсегда установленной единой истиной. Нужно ли говорить, что в применении одинаково к истории и к современности это построение является именно «вульгаризаторством и упрощенчеством»? Без насилия над исторической действительностью русских мыслителей дореволюционного времени никак нельзя аккуратно разложить по классовым полочкам, так же как без насилия над очевидностью нельзя серьезно говорить об отсутствии социальных, политических и идеологических противоречий в современной России и изображать ее страной естественного единомыслия и единодушия. Главное же, что опорачивает эту схему, это сказывающе-

еся в ней предельное непонимание необходимости умственной свободы для всякого рода культурного творчества.

В дореволюционной России, за исключением немногих обскурантов и еще более малочисленных наемных правительственных агентов, необходимость этой свободы понимали и отстаивали все умственные деятели — независимо от тех направлений, к которым они принадлежали. Начиная со второй половины 18 века ее одинаково отстаивали масоны и «вольтерьянцы», идеалисты и материалисты, славянофилы и западники, либералы и социалисты, народники и марксисты, «постепеновцы» и революционеры. Это была одна из основных и неотъемлемых черт дореволюционной русской интеллигенции. Можно сказать, что идейная независимость от правительственного давления была ее определяющим качеством.

Происшедшее после Октября вынужденное перерождение интеллигенции в служилый класс специалистов по культурным делам, поставленных в полную материальную зависимость от правительства и под его идейный контроль, является может быть самым трагическим примером тех насильственных изменений, которые советский режим произвел в русском общественном укладе. И в этом случае тоже — контраст между положением дореволюционным и современным чести советскому режиму не делает. Фикция добровольной солидарности советской интеллигенции с режимом настолько прозрачна, что она едва ли многих может обмануть. Против нее слишком громко говорят общеизвестные факты периодических чисток, организованных публичных покаяний, неоднократных изменений ранее высказанных научных мнений, в явной связи с необходимостью следовать зигзагам партийной линии, словом — весь мартиролог советской интеллигенции.

По понятным причинам прямых упоминаний об этом в советской литературе встретить нельзя. Но зато она ча-

сто и много говорит о преследовании царским правительством прогрессивных русских мыслителей, о цензурных стеснениях, от которых страдали выдающиеся русские писатели, или о репрессиях, которым подвергались некоторые университетские преподаватели. Для обвинительного акта этого рода материала в русском дореволюционном прошлом достаточно. И всё же... «Как посмотреть да посравнить век нынешний и век минувший» — сравнение получается не в пользу «века нынешнего».

Это не полемическое утверждение, а простое констатирование исторического факта. Оставим в стороне весь период, начиная со второй половины 19 в., в течение которого пределы умственной и культурной свободы в России непрерывно расширялись — пока в последнее дореволюционное десятилетие эта свобода достигла объема, о каком для сегодняшней России пока еще даже и мечтать не приходится. Возьмем царствование Николая I-го, этот «апогей самодержавия» в русской истории — ведь это про него Герцен сказал, что оно было «удивительным временем внешнего рабства и внутреннего освобождения». Как это могло случиться?

У царского правительства того времени, при всех его огромных недостатках, было одно преимущество перед правительством советским; оно не было тоталитарным. Оно не ставило себе утопической задачи создать «новую породу» людей средствами государственного воздействия. Придумав формулу «самодержавие, православие и народность», оно не превратило ее в систематическую и всеобъемлющую идеологию — у него и в мыслях не было стать *идеократией*. Оно хотело, конечно, иметь покорных, не посягающих на его авторитет подданных и для этого стремилось охранить их от «заразы» «разрушительных» идей. Его цензура носила поэтому преимущественно негативный характер: не допускать выражения превратных идей, не позволять обсуждения щекотливых общественно-политических вопросов.

Но, за исключением субсидируемых изданий официального характера, оно не могло да и не пыталось заставить писателей говорить то, чего они говорить не хотели. Оно не бралось предписывать им, что и о чем они могли писать или как они должны были писать. И уж, конечно, оно не выступало в роли верховного арбитра научных и литературных стилей! Помимо того, для установления действительного всеобъемлющего контроля над всеми проявлениями национальной жизни в его распоряжении не было и тех технических средств, какими располагает современное тоталитарное государство. Даже пресловутое третье отделение кажется ученическим опытом по сравнению с тем колоссальным аппаратом принуждения и подавления, какой удалось создать советскому режиму. Не было у него и сколько-нибудь достаточного пропагандного аппарата для постоянного воздействия на умы и души. Оно не имело монополии на все без исключения средства публичного выражения философской, научной, общественной мысли или литературного и художественного творчества. И наконец ему приходилось обходиться с помощью бюрократической администрации традиционного типа и ничего подобного коммунистической партии в его распоряжении не было. В этих условиях оно никогда не могло осуществить полностью те внутренне-политические задачи, которые оно себе ставило. Его формально абсолютная власть на деле была ограничена его неумелостью — великое благо, когда речь идет об авторитарном или деспотическом правительстве!

Только поэтому эта эпоха «внешнего (т. е. политического) рабства» могла стать и эпохой «внутреннего (т. е. умственного и культурного) освобождения». Царствование Николая I-го было не только периодом блестящего расцвета русской художественной литературы, но и временем, когда сложились многие из основных течений русской общественной мысли — сложились *независимо* от правительства и *вопреки* правительству. Можно ли представить себе

возникновение подобного явления в современной России пока она остается под властью коммунистической диктатуры?

3

При всём разнообразии русской общественной мысли дореволюционного времени в ней всё-таки можно выделить некоторые основные черты, общие для большинства ее течений и настолько постоянные, что их можно рассматривать как традиции.

Как я уже указывал, эта мысль была прежде всего свободолюбива. Было бы ошибкой понимать это свободолюбие только в смысле политическом. Конечно, задача политического освобождения играла очень большую роль в идеях, настроениях и планах русской интеллигенции, начиная с декабристов, и с течением времени задача эта в их сознании становилась всё более настоятельной. Но за этой политической задачей, а в некоторых случаях и независимо от нее, стояла основоположная идея *свободы человеческой личности*.

Вопреки распространенному в некоторых западных кругах представлению, что русская мысль по природе своей коллективистична и не выработала ясного понятия личности, правильно было бы утверждать прямо противоположное: что у целого ряда русских мыслителей, притом очень друг от друга отличных, можно найти чрезвычайно острое сознание ценности и достоинства человеческой личности и ее неотъемлемого права на свободу. Пушкин не был ни философом, ни политическим мыслителем, но его поэзия проникнута чувством свободы — именно в этом более широком смысле. В исканиях идеалистов 30-х годов проблема человеческой личности и ее свободы занимала едва ли не главное место. Знаменитый бунт Белинского против Гегеля был поднят им во имя отдельной человеческой личности, которую он отказывался принести в жертву какой-либо

«всеобщности». У Герцена чрезвычайно широкое понятие свободы, переходившее далеко за рамки даже самых радикальных политических и социальных изменений, в основе своей тоже имело идею личной свободы — свободы человеческой воли, человеческого творчества, человеческой мысли. Выработанное славянофилами понятие «соборности», опять же вопреки распространенному заблуждению, не только не исключало свободной человеческой личности, но наоборот ее предполагало. Писаревский «нигилизм» был прежде всего стремлением к эмансипации личности от мешающих ее свободному развитию традиций, авторитетов и условностей. Народничество 70-х годов было «религией социального долга», но среди его учителей были Лавров, видевший главного двигателя прогресса в «критически-мыслящей личности», и Михайловский, поднявший знамя «борьбы за индивидуальность». Одновременно Достоевский, человек совсем другого лагеря и других политических взглядов, тоже сделал вопрос о личности и ее свободе центральным пунктом своей тематики.

Так исходя из разных мировоззренческих предпосылок, во многом несогласные между собою русские мыслители сходились на признании непререкаемой ценности человеческой личности. Для всех них одинаково — не человек был для субботы, а суббота для человека. Никто из них не соглашался примириться с тем, чтобы человеческая личность была превращена в простое средство для достижения каких-либо государственных, национальных, политических, расовых или классовых целей. Напротив, именно благо этой человеческой личности, понимаемое, конечно, не в одном только материальном смысле, было в их глазах верховным мерилем в оценке всякого государственного и общественного строя, всякой программы его переустройства, всякой теории исторического прогресса.

Это подчеркивание значения и ценности личности не приводило, однако, ни одно из указанных мною течений к

узкому индивидуализму ницшеанского или иного сходного типа, не приводило потому, что в их индивидуализме была необыкновенно сильная этическая струя, ярко выраженное моральное чувство. Свобода личности была для них неразрывно связана с ее ответственностью, с сознанием ее нравственного долга перед каждым из «братий по крови», как писал Белинский. В народничестве 70-х годов эта связь свободолюбия с народолюбием сказалась с особой напряженностью, и знаменитое «хождение в народ», при всей его политической неподготовленности и бесплодности, навсегда останется примером высокого морального воодушевления и бескорыстной жертвенности.

Но ведь та же черта, хотя бы и не всегда в такой же драматической форме, проявлялась задолго до появления народничества (вспомним хотя бы Радищева) и осталась характерной для русской интеллигенции и в дальнейший период ее истории. Едва ли будет преувеличением сказать, что в Европе 19-го и начала 20-го века Россия была страной, интеллигенция которой выделялась сильно развитым чувством социальной справедливости, постоянной озабоченностью о судьбах народа и желанием ему послужить.

И так же как в вопросе об отдельной человеческой личности, так и в своем отношении к народу (в условиях того времени это было прежде всего крестьянство) русская интеллигенция видела в нем не средство для достижения своих целей, не опытное поле для произведения социально-политических экспериментов, а своего рода коллективную личность, в которой она уважала ее самобытность и чаяния и нужды которой она стремилась познать. Пусть это ей не всегда удавалось, пусть в своих попытках определить народную самобытность представители отдельных ее течений далеко не всегда между собою сходились, — ценность ее общего подхода это нисколько не умаляет. За немногими исключениями, в духе своего отношения к наро-

ду дореволюционная интеллигенция была едина. Я не знаю лучшего выражения этой основной солидарности, чем замечательные строки, которые Герцен написал о славянофилах в январе 1861 г., после смерти Константина Аксакова:

«Да, мы были противниками их, но очень страными: у нас была *одна* любовь, но не *одинакая*. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование, любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*».

С признанием за народом права на самобытное существование была неразрывно связана идея народной самодеятельности, народного самоуправления. В своем логическом развитии эта идея приводила к мысли о необходимости создания в России правового демократического государства. Не все из свободолюбивых течений русской общественной мысли пришли к этому выводу с надлежащей быстротой, а некоторые из них и вообще его не сделали. Так славянофилы до конца не изжили своих иллюзий насчет возможности обеспечить русскому народу свободное и самобытное развитие на основе неписанного соглашения между народом и благожелательной властью, без каких бы то ни было конституционных гарантий. Ранние народники, правда — по другим мотивам, тоже проявляли некоторое равнодушие к проблемам политического оформления народной свободы и относились с недоверием к существовавшим тогда на западе образцам конституционного строя. Но уже к концу 70-х годов наиболее активная часть народничества, в лице партии Народной Воли, пришла к сознанию необходимости бороться в первую очередь за поли-

тическую свободу и за установление в России демократического государственного строя.

Как бы то ни было, и здесь наиболее существенным является не различие между отдельными течениями русской общественной мысли, в тех или иных деталях их политических построений, а сходство между ними в основном подходе. Важнее всего то, что для свободной русской дореволюционной мысли, за ничтожными исключениями, характерны отсутствие культа государства как самостоятельной ценности и настойчивое подчеркивание его чисто служебной роли. Не человек для государства, а государство для человека! И это подчеркивалось так часто и подчас с такой силой, что иногда даже могло произвести впечатление склонности к анархизму. На самом деле, несмотря на то, что самые знаменитые анархисты XIX века, Бакунин и Кропоткин, оба были русские (к этим двум именам можно прибавить еще третье — религиозного анархиста Толстого), — анархизм, как определенное политическое течение, никогда не играл в России сколько-нибудь значительной роли. Необходимость государственной власти признавалась, но отрицалась законность притязаний с её стороны на всемогущество, на установление контроля над всеми проявлениями национальной жизни. Славянофилы, как известно, были сторонниками монархии и притом монархии не ограниченной конституционными постановлениями. Но в славянофильской концепции власть монарха должна была быть неограниченной только в пределах определенно ограниченной сферы действия: защиты внешней безопасности страны и обеспечения порядка внутри страны. В обмен на предоставление ей полноты власти в этой области, славянофилы настаивали на добровольном отказе монархии от вмешательства во внутреннюю жизнь народа, под которой они понимали не только религию, образование и вообще всю национальную культуру, но и экономическую деятельность. Нужно ли говорить, что идея всемогущей и всеобъемлющей государственной власти была

одинаково чужда как народничеству, с его приверженностью к общинному началу, к областничеству и вообще к децентрализации, так и русскому конституционному либерализму?

Можно утверждать поэтому, что преобладавшие в дореволюционное время идеи о нормальной роли государства в народной жизни представляли собою прямую противоположность современной тоталитарной концепции.

Не была популярна в русской общественной мысли, включая радикальные ее течения, и идея революционной диктатуры. Еще Радищев осуждал Кромвеля за то, что он, освободив Англию от деспотизма Стюартов, установил в стране свое собственное деспотическое правление. Для Радищева образцом достойным подражания был Вашингтон, который, после достижения американской независимости, добровольно сложил с себя свои полномочия, предоставив народным представителям выбор главы вновь образованного государства. Очень интересны и показательны политические высказывания молодого Пушкина, переживавшего в те годы (1817-1825) свою наиболее «радикальную» фазу. В оде «Вольность» (1817), несомненно вдохновленной Радищевым, Пушкин объявляет своим идеалом —

«...с вольностью святой
Законов мощных сочетанье».

Там, где это сочетание свободы с законом нарушается, открывается дорога для насилия. Оно оправдано только тогда, когда иных средств для борьбы с нетерпимой тиранией не остается. Вот почему Пушкин признает необходимость убийства «увенчанного злодея» Павла I, но осуждает как преступление — казнь «мученика» Людовика XIV-го. Та же мысль и в «Кинжале» (1821). Кинжал это — «последний судия позора и обиды». К нему приходится прибегать только там «где дремлет меч закона». Пушкин видит историческую Немезиду одинаково и в убийстве Юлия Цезаря «вольнлюбивым» Брутом, и в убийстве Марата — Шарлотой Корде. Вот как он говорит о Марате:

«Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник».

Еще сильнее осуждение применяемого революционным правительством террора в «Андрее Шенье» (1825). Пушкин вкладывает это осуждение в уста Шенье, которого он называет «певцом свободы»:

«Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас, о позор!»

Я остановился на политических стихах молодого Пушкина во-первых потому, что они несомненно отражают взгляды распространенные в передовых кругах русского общества того времени, — а время это непосредственно предшествовало декабрьскому восстанию. В связи с этим не мешает отметить, что при всем личном престиже Пестеля среди декабристов те авторитарные элементы в его политическом облике, которые роднили его с якобинцами, сочувствия со стороны большинства членов Тайного Общества не встречали. Во-вторых, ярко выраженное в пушкинских стихах отрицательное отношение к якобинской фазе французской революции (т. е. к периоду революционной диктатуры) стало своего рода традицией в русских оппозиционных и даже революционных кругах. Позднее термин «якобинец» применялся в осудительном смысле к таким революционным деятелям как Нечаев и Ткачев, причем под якобинством понималась сугубо заговорщицкая деятельность, не связанная с массовым движением и направленная на захват власти революционной элитой, рассчитывающей оставить за собой эту власть и после победы революции. Конечно, партия «Народной Воли» тоже состояла из революционной элиты (ее Исполнительный Комитет и был «партией»), а среди ее членов были люди с якобинскими тенденциями, но всё же партия в целом на позиции революционной диктатуры не стояла. Напротив, она выдвинула

идею созыва свободно избранного Учредительного Собрания, решениям которого она вперед обещала безоговорочно подчиняться. Из духовных родоначальников народничества — авторитарные, якобинские настроения и мысли можно найти у Бакунина, но как раз они на русских «бакунцев» того времени влияния не оказали. О каком-либо якобинстве у Герцена и говорить не приходится. Человек огромной внутренней свободы, он не признавал никаких внешних авторитетов, в том числе и революционных. Поклонение «фригийской шапке» (символ французской революции) было для него так же неприемлемо как и поклонение любому монархическому символу. В его глазах революционное идолопоклонство было ничуть не лучше всякого другого*.

На протяжении всей второй половины XIX века и первых десятилетий XX века демократическая концепция революционного переустройства России, основанная на идее массового движения и народной самодеятельности, неуклонно укреплялась за счет якобинских (или как позднее стали говорить — бланкистских) тенденций, и в ней стали видеть единственный возможный путь к достижению поставленных русскими радикальными партиями целей. От Герцена до Плеханова включительно, видные представители русской общественной мысли выступали с предостережениями против отклонения от этого пути, указывая, что авторитарная, диктаторскими методами навешанная революционная программа не могла привести ни к демократии, ни к социализму. Она могла привести только к новому и худшему народному рабству — к господству того «самодержавного коммунизма», о котором так пророчески писал Герцен.

* Я сознательно оставляю в стороне спорный вопрос о якобинских элементах в политических взглядах Чернышевского. Я готов согласиться с Н. Вольским, что они у него были и что именно они оказали сильное влияние на молодого Ленина. Но думаю, что для большинства революционеров того времени личность и учение Чернышевского значили нечто другое.

4

В мою задачу не входит изложение истории образования того, что можно назвать большевистской доктриной. Она сложилась не сразу и в развернутом виде была формулирована ее создателем, Лениным, только в 1917 г. В течение дореволюционного периода своей деятельности Ленин, по крайней мере на словах, присоединялся к той демократической концепции ожидаемой революции, которая была общей для всех русских социалистических партий. Но уже и тогда, и притом задолго до 1917 г., в его высказываниях, а в особенности — в его политических действиях можно было найти элементы, стоявшие в непримиримом противоречии как с этой концепцией, так и вообще с основными традициями передовой русской общественной мысли.

Как бы то ни было, в окончательной своей форме ленинский большевизм оказался не «завершением», а наоборот, — отрицанием этих традиций. Это и привело к изоляции большевизма от всех остальных русских общественно-политических течений — изоляции, начавшейся еще до революции и к 1917 г. в сущности уже завершенной. Большевизм был тогда «сектантской» верой, никакой значительной роли в культурной и умственной жизни русского общества не игравшей. Никаких шансов на победу в свободном состязании идей у него не было. Только захват власти, сопровождавшийся созданием беспрецедентного в истории аппарата контроля над человеческой мыслью, позволил большевикам насильственно навязать стране свою сектантскую веру как обязательное для всех мировоззрение.

Ленинский большевизм представлял собою своеобразную амальгаму (именно амальгаму, а не синтез) *отдельных элементов* марксизма и русской немарксистской революционной традиции. И в том, и в другом случае Ленин взял из наследия прошлого то, что в нем было *наиболее отрицательного и наиболее устарелого*.

Идеологические и психологические корни большевизма приходится искать в раннем марксизме эпохи революционного коммунизма середины прошлого века и в русском революционном подполье якобинского типа 1860-х—1870-х гг. В соответствии с заговорщическим пафосом большевистского движения, Ленин брал из этих двух источников их авторитарные и сектантски-доктринерские элементы: идею диктатуры, идею революционной элиты, веру во всемогущество революционного насилия, презрение к «формальной демократии», политический аморализм и фанатическую нетерпимость в отстаивании революционной доктрины, претендующей на роль всеобъемлющего и общеобязательного мировоззрения.

В результате получилась система, в основных своих позициях полярно-противоположная всему тому, что накануне революции 1917 года составляло общее достояние русской общественной мысли.

Дух свободолюбия ленинскому большевизму был чужд с самого начала и остался чужд ему до конца. Его место занял дух насилия и принуждения. О самоценности и достоинстве человеческой личности для большевизма не могло быть и речи: человек был только средством к достижению поставленных себе большевиками революционных целей. В жертву этим целям они готовы были принести, без каких-либо сомнений и колебаний, не только отдельных людей, но и целые общественные группы. Народолюбие прежних революционеров сменилось чисто «прикладным» подходом к народным массам. Судьбой крестьянства, как такового, Ленин озабочен не был. Крестьянство интересовало его в сущности как «пушечное мясо». Рядом тактических маневров он сначала старался использовать крестьянство в целом для свержения царского правительства и для захвата власти, а потом, когда эта цель была достигнута, началось разжигание «классовых противоречий» в крестьянской среде, ознаменовавшее эпоху «военного коммунизма». НЭП не только оказался временной передыш-

кой, но и был задуман в качестве таковой, и хотя «ликвидация кулачества как класса» и принудительная коллективизация произошли уже после смерти Ленина, нетрудно доказать, что они были только логическими выводами из общего его стратегического замысла. Та же самая стратегия — стратегия политического обмана — была применена Лениным и его последователями и по отношению к национальностям бывшей Российской Империи.

Идея служения народу была подменена в большевизме идеей властного руководства народом. В созданной большевизмом концентрической системе командования — места для народной самодеятельности не нашлось. «Пролетариат» ведет за собою трудящиеся массы; коммунистическая партия ведет за собою пролетариат; центральный комитет командует коммунистической партией; политбюро командует центральным комитетом — в течение многих лет единый вожь командовал политбюро. В этой, построенной по армейскому образцу, системе не остается и тени демократии. Честь изобретения тоталитарного государства принадлежит большевизму: Муссолини и Гитлер были только учениками и подражателями Ленина. Всемоущество этого сверхцентрализованного государства оставляет далеко за собою все прежние деспотические режимы. Этой его сути не могут прикрыть ни употребляемая им демократическая фразеология, ни все те видимости «народного участия», которые он ухитрялся создать. Демократия значит народоправство, а его не может быть без народного волеизъявления и народного самоуправления.

Нам не дано знать ни сроков освобождения России из под власти коммунистической диктатуры, ни тех путей, которыми оно пойдет. Но в том, что оно наступит, — сомневаться не приходится. За это порукой творческие силы русского народа, уцелевшие и под беспримерным гнетом этой диктатуры.

Сейчас для нас не ясен — и не может быть ясен — облик той возрожденной России, которая придет на смену коммунистическому режиму. Но можно сказать с уверенностью, что в процессе этого возрождения сыграют свою роль и традиции дореволюционной русской общественной мысли. Не те или иные из прежних политических или социально-экономических программ, неизбежно утративших сейчас свою актуальность, а те основные, исходные положения, о которых шла речь в этой статье. В отличие от отдельных ошибочных прогнозов и иллюзий, правильность этих основных положений не только не была опровергнута, но напротив была подтверждена историческим опытом нашей эпохи и прежде всего — трагическим опытом нашего народа. Подлинное возрождение России может произойти только на путях свободы и народной самостоятельности и в рамках правового демократического государства.

«Бесы» и большевистская революция

О большевистской революции написано несметное количество умных статей и солидных исследований. Но никто из авторов этих работ не превзошел по глубине мысли пророческих раздумий Достоевского о метафизических основах большевизма.

Живя в 1867 году за границей, Достоевский с тревогой всматривался во всё происходящее на родине. И чем больше он всматривался, тем настойчивее укреплялась в нем мысль о неизбежности столкновения между «европейским антихристом» и «русским Христом». Волновала его больше всего мысль, не заразится ли Россия западными ядами атеизма, позитивизма и социализма.

В этих мыслях застал Достоевского приехавший в Дрезден брат его жены, Анны Григорьевны, студент Петровской Академии. Под влиянием его живых рассказов в Достоевском родилась мысль написать роман о студенческом движении и выдвинуть на первый план фигуру студента Иванова, который, по рассказам шурина, играл в движении большую роль. Узнав впоследствии, что Иванов, названный в романе Шатовым, был расстрелян Нечаевым, Достоевский поразился этим фактом, как сбывшимся предсказанием. Убедившись, что он еще не оторвался от России, что чувствует биение ее пульса, Достоевский окончательно решил засесть за роман-памфлет и показать в нем, как «бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней».

К счастью для русской литературы Достоевский своего романа-памфлета, центральной фигурой которого должен был стать Нечаев-Верховенский, не написал. Длинная и сложная история создания «Бесов», подробно рассказанная Мочульским, является редко убедительным доказательством того, что большой художник не всегда и не до конца властен над своим замыслом, так как сам находится во власти творимого им произведения. Из письма к Каткову от 8 октября 1876 года видно, что «памфлет», который писался без подлинного вдохновения, постепенно начал как бы по своей воле перерож-

даться в глубокомысленный трагический роман, в котором мелкий бес — Верховенский стал постепенно вытесняться сложную фигурой Николая Всеволодовича Ставрогина. Благодаря этой подмене героев роман переместился из плоскости политической в плоскость философскую, как бы в доказательство правды вещей слов датского богослова Киркегарда: «Коммунизм будет выдавать себя за движение политическое, но окажется, в конце концов, движением религиозным», конечно только по структуре своего сознания, по страстности своего исповедничества, но не по содержанию своей веры.

**
*

В замечательном рассказе «Хозяйка», который не разобравшийся в нем Белинский легкомысленно объявил «страшною ерундою», герой рассказа, «снедаемый жаждой знания писатель Ордынцов, в скупых, но глубокомысленных словах рисует образ художника, устремленного не к изображению цветущей плоти мира, но к постижению его идейных первооснов, вскрывавшихся ему иной раз совершенно случайно в связи с какой-нибудь жизненной мелочью. Отрицая порядок научного мышления, Ордынцов всё же стремится к постижению идей и даже к созданию своей собственной философской системы, не системы отвлеченных понятий, а системы конкретных образов.

Всё сказанное Достоевским о природе художественного творчества в «Хозяйке», он впоследствии кратко но точно выразил в своем «Дневнике Писателя», определив себя не как психолога, а как «высшего реалиста», т. е. как исследователя духовных реальностей мира и жизни. Это признание подсказало Мережковскому определение Достоевского, как тайновидца духа. Формула Бердяева: Достоевский не психолог, а пневмотолог — в сущности говорит то же самое. Учения Владимира Соловьева о художнике-теурге и Вячеслава Иванова о религиозном символизме тесно связаны с противопоставлением художника-психолога высшему реалисту и дают очень много для правильного понимания религиозно-философской сущности искусства Достоевского.

Чем, если не этой духоустремленностью творчества Достоевского, объяснить то, что из всех современников только он один в бунтарских идеях Ткачева-Нечаева уловил сущность

коммунистического рационализма и большевистского безумия. Герцен отнесся к нечаевщине гораздо мягче: увидел в ней только смесь Шиллера с Бабефом. Чернышевский осудил крайнюю революционность ткачевских идей и нечаевской практики, но осудил лишь, как бессмысленно быстрый, упреждающий ход событий, революционный темп. Еще слепее были те, что считали нечаевскую деятельность сплошной провокацией, подстроенной тайной полицией.

**
*

Достоевский мыслил в образах, тем не менее он мыслил не импрессионистически, а систематически. Рисуя и анализируя сложные взаимоотношения между героями «Бесов», он без малейших уступок требованиям искусства тщательно вычерчивал свою метафизику революции. Первое, что читателю сразу же бросается в глаза, это подчеркнутое Достоевским диалектическое взаимоотношение между либеральным профессором Степаном Трофимовичем Верховенским и главарями революционного движения. Не случайно, конечно, что все они — родной сын профессора Петр, его воспитанник аристократ Ставрогин и потомок крепостного Шатов, выступают в романе не только как ученики Степана Трофимовича, но, до некоторой степени, и как его духовные дети, перекинувшиеся в лагерь безбожно-аморального социализма. Ясно, что за этим сюжетным построением вскрывается прозорливое убеждение Достоевского, что бессильный либерализм неизбежно порождает насильнический социализм. Было бы несправедливо обвинять Достоевского в злостном отношении к профессору-либералу. Образ Степана Трофимовича написан не без иронии, но и не без любви. Есть в нем и лжегероическая поза и благородная фраза и чрезмерная обидчивость приживальщика, но есть в нем и подлинное благородство и патетическое гражданское мужество. На празднике нигилистов Степан Трофимович не только с вдохновением, но даже с нравственным пафосом выкрикивает, что «мир спасет красота», что Шекспир и Рафаэль выше освобождения крестьян, выше народности и выше социализма. Освистанный на празднике, он надевает дорожную шинель и, умиленно чувствуя себя русским скитальцем и лишним человеком, выходит на большак, чтобы утонуть в русских просторах. На постоялом дворе он встречается с книгоношей, которая читает ему рассказ об исцелении га-

даринского бесноватого. Степан Трофимович потрясен: ему вдруг открываются глаза на народ, за который он всю жизнь боролся, но которого никогда не знал, на великую правду, которой спокон веков живет этот народ, на правду православия. В этом внезапном прозрении: «oui, cette Russie, que j'ai jamais toujours... сядет у ног Иисусовых», Степан Трофимович, сам того не замечая, обретает единственно возможную основу и подлинного либерализма и подлинного народничества, ибо свобода непостижима и незащитима вне связи с освобождающей истиной («Познайте истину и истина сделает вас свободными»), народничество же бессмысленно и беспочвенно вне убеждения, что русский народ воистину является верующим носителем этой истины: корни народничества целиком уходят в славянофильство. Народничество и западнический либерализм, отрицающий связь между свободой и абсолютной истиной в сущности, не совместимы. Таковы выводы, к которым нас приводит перерождение Степана Трофимовича. Этим запоздалым осознанием живых корней своего либерально-народнического мирозерцания в конце-концов и объясняется подчеркнутый сюжетным развитием романа факт, что все питомцы профессора отошли от него: когда место свято превращается в место пусто, оно неизбежно заполняется темными, супостатскими силами.

**

Темные силы «Бесов» располагаются Достоевским как бы по двум палатам. В верхней палате царствуют Кириллов и Ставрогин. В нижней верховодят Верховенский и Шигалев с их многочисленным охвостом. Для бесов верхней палаты характерно, что они бытийствуют, но, в сущности, не действуют, в то время как бесы нижней палаты неустанно крутятся в суете небытия, провозвестником которого является инженер Нил Федорович Кириллов, быть может самый сложный и глубокий образ Достоевского.

Внешность Кириллова нарисована Достоевским с исключительной силой символического означенания его внутренней сущности. Он живет только по ночам, когда всё и вся спит, живет в отрешенности от мира, в глубоком одиночестве. Он почти ничего не ест, как монах аскет, но неустанно пьет крепчайший чай. На всем его образе лежит печать безблагодатно-наркотического мистицизма. Цвет лица у него грязновато-бледный, землистый («прах ты и в землю отыдеши»). У него

черные глаза без блеска: они поглощают, но не излучают света. Его речь порывиста и невнятна («мысль изреченная есть ложь»).

Как ни мрачен мир Кириллова, в нем всё же светятся несколько светлых пятен: лампада перед иконою, которую он, «атеист» зажигает как будто-бы ради своей хозяйки (верно ли это?), дети, с которыми он играет в мяч и зеленые, яркие с жилками листья, о которых он ребенком любил вспоминать зимой. Иногда его мрачное лицо освещается, принимает детское выражение, что очень идет ему.

За этой раздвоенностью внешнего облика скрывается глубочайшая трагедия. Кириллов чувствует, что «Бог необходим, а потому и должен быть», но признать разумом существование Бога он не в силах; разумом он утверждает, что «Бога нет и быть не может». Трагическую глубину религиозной раздвоенности Кириллова отчетливее всего вскрывает его отношения ко Христу. Эта тема, если не ошибаюсь, была впервые затронута Сергеем Булгаковым еще в 1914 году в его статье «Русская трагедия». В ней Булгаков отмечает, что Кириллов горячо любит Христа, но не может поверить в него, как в Сына Божия. Верность этой мысли доказывается разговором Кириллова с Петром Степановичем. На пронизательные слова Верховенского: «Знаете что, по-моему, Вы веруете, пожалуй, еще больше попа», Кириллов отвечает взволнованным рассказом о том, как один из трех распятых до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со Мною в раю». «Но вот кончился день, — продолжает Кириллов, — и ни рая ни воскресения не оказалось». Казалось бы, что для атеиста тут нечему удивляться. Но Кириллов не только удивлен, он потрясен тем, что человек, без которого «вся планета — одно сумасшествие» умер за ложь и этой смертью обесмыслил всю жизнь, не только человеческую, но и планетарную. Спрашивается, не доказывает ли кирилловская антитеза: или Иисус, имени которого Кириллов не называет, единственный смысл вселенной и ее бытия, или вселенная вся целиком — ложь и безумие, что он бессознательно верил в того Господа Бога Иисуса Христа, которого своим сознанием отрицал. Дальнейшее развитие диалога так же неожиданно как и показательно. На рассказ Кириллова Петр Верховенский, как бы улавливая еще не выраженную, тайную мысль Кириллова, неожиданно отвечает вопросом: «Но позвольте, а если вы — Бог. Если кончилась ложь и вы догадались, что вся ложь оттого, что прежде был Бог, что

раньше верили в Него, что тогда?» «Наконец-то ты понял» вскрикивает Кириллов и как бы в обоснование и оправдание богоборческой догадки Верховенского, революционера и убийцы, развивает свою гениально-революционную метафизику.

Известно признание Ницше, что он многим обязан Достоевскому. Говоря об этом, немецкий философ упоминает лишь «Записки из Мертвого Дома». Читал ли он «Преступление и наказание», немецкий перевод которого вышел в 1867 году, точно не установлено, но более чем вероятно, так как ницшеанская концепция сверх-человека весьма напоминает философию Раскольникова, с которой многими чертами связан глубокомысленный бред Кириллова. Ницше и Кириллов согласно утверждают, что Бог умер и объявляют наследником умершего Бога всемогущего человека, по терминологии Ницше — сверхчеловека, по терминологии Кириллова — человекобога. Мысль о смене Бога сверхчеловеком для Ницше никаких трудностей не представляет, так как покоится на учении Фейербаха, что не Бог создал человека, а человек выдумал Бога, вложив в Его образ мечту о своем собственном совершенстве.

В душе и сознании Кириллова всё обстоит гораздо сложнее и мучительнее. Как и Ницше он в личного Бога не верит. Для него Бог только мираж, созданный человеком ради избавления от страха смерти; но от боли этого страха («Бог есть страх смерти» говорит Кириллов) созданный человеком Бог освободить своего создателя не сумел, а потому не остается иного выхода, как низвергнуть бессильного Бога и провозгласить Богом всесильного Человека-Бога. Но как человеку доказать себе, что он действительно вырвал Бога из своей души и поверил в себя, как в истинного Бога? В парадоксальном ответе Кириллова на этот вопрос перед нами раскрывается не только тайна его больной души, но и глубочайшая мысль Достоевского о сверхчеловеке, его революционном пафосе и его революционном замысле. Доказать себе, что он действительно не верит в Бога, что он не боится ни смерти ни загробной жизни, человекобог, по мысли Кириллова, может только «заявлением своеволия», т. е. решением на беспричинное самоубийство. На этом, как бы сакраментальном акте, на черном таинстве самоуправления мечтает Кириллов создать общество новых свободных уже в следующем поколении не только физически, но и психически перерожденных людей.

**

*

С религиозной темой революции связан в «Бесах» не только Кириллов, но и Ставрогин, человек еще более неуловимый, а потому и более страшный, чем Кириллов. Тайна его личности — она же и тайна его безликости в самом романе, как на то было в свое время указано Н. А. Бердяевым — не раскрывается. В сущности Ставрогина в романе нет: он присутствует в нем как только что опустившееся за горизонт солнце. О том, чем Ставрогин был до своего появления в романе, читатель может лишь смутно догадываться по той сложной борьбе идей и чувств, которыми он где-то за границей сумел отравить души своих, впоследствии отвернувшихся от него, друзей и последователей — Кириллова, Шатова и Верховенского. Эта изъятость Ставрогина из всего происходящего в романе, эта его отодвинутость в будущее, а быть может даже и в никогда не бывшее, эта его омертвелость, были впервые отмечены опять-таки С. Булгаковым: «героем трагедии, — читаем мы у него, — бесспорно является Ставрогин; из него исходят все мысли романа, а на самом деле его нет».

В концепции Булгакова это «на самом деле его нет» означает, что Ставрогин является сыном небытия, а тем самым уже и слугою антихриста. Правильность такого понимания подтверждается признанием самого Ставрогина митрополиту Тихону в том, что он «канонически верует в личного беса».

Сообщение Достоевского Страхову, что он собирается написать роман-памфлет из жизни революционеров, вызвало после выхода «Бесов» ряд догадок о том, с кого Достоевским были списаны его темные герои. Не раз высказывалось предположение, что пробразом Ставрогина надо считать Михаила Бакунина. Некоторое и даже существенное сходство бесспорно на лицо. Бакунин, как и Ставрогин, верит в дьявола, быть может даже канонически. В своих размышлениях о Боге и государстве Бакунин, во всяком случае, восторженно славит этого извечного «бунтаря» и «безбожника» как «первого революционера», начавшего великое дело освобождения человека от «позора незнания и рабства». Бог и свобода для Бакунина несовместимы, а потому он и определяет свободу, как действительное разрушение созданного Богом мира. Страсть к разрушению для него подлинно творческая страсть и он вдохновенно призывает революционеров «довериться вечному

духу разрушения, который потому только всё разрушает, что таит в себе вечно бьющий ключ жизни и творчества».

Несмотря на это сходство, Ставрогин и Бакунин всё же весьма разные люди. Бакунин — огнедышащий вулкан, Ставрогин — вулкан уже давно потухший. Бакунин действительно несется над жизнью, Ставрогин мертво и бездейственно созерцает ее полет. О мертвенности Ставрогина Достоевский не раз говорит в «Бесах», отмечая механичность души своего героя и «марионеточность» его тела. И действительно: любое душевное движение Ставрогин может словно поршнем вытолкнуть вперед и снова взять обратно. Романо Гвардини отмечает, что за механичностью Ставрогина чувствуется неподвижность скелета. К этой механичности смерти прибавляется еще механичность летаргика.

Мертвенности Ставрогина, на первый по крайней мере взгляд, противоречит многоликость его души и заразительность его идей. Кириллов просит Ставрогина не забывать, чем он для него был в прошлом. Шатов бьет его по лицу за то, что он так много значил в его жизни. Верховенский целует ему руку и называет солнцем, перед которым он, Верховенский, чувствует себя червем. Перед страстностью этих признаний невольно приходит на память удивление Александра Блока тому, что

«Мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово».

И действительно, как понять, что несуществующий, по слову Булгакова, Ставрогин является движущей силой как фабулезного, так и идейного развития романа. Ставя этот вопрос, мы подходим к последней тайне Ставрогина. Думаю, что эта тайна заключается в полной утрате Ставрогиным своей личности, этой дарохранительницы богоподобия человека. Об этой утрате свидетельствуют как признание Ставрогина в том, что он верит в дьявола, спокон веков озачиненного расторжением связи между человеком и Богом, так и вся его безлично-многоликая провокатерская деятельность или, быть может, вернее его провоцирующая бездейственность.

Глубокомысленная богословская система Николая Кузанского, которую С. Л. Франк положил в основу своей интерпретации православия, покоится, как известно, на принципе единства противоречий (*coincidentia oppositorum*). О Боге,

по учению великого мистика и ученого, могут быть высказаны самые противоречивые мысли и тем не менее все они могут быть согласованы, так как все противоположности и даже противоречия человеческих высказываний погашаются несказуемостью Бога, который выше всех противоречий. Это, на глубоко мистическом опыте основанное, учение представляет собою конечно полную противоположность ставрогинской практике совмещения любых идей и теорий. Разница заключается в том, что неверующий в Бога Ставрогин не ведет опытно того мистического места, в котором могут быть погашены и тем самым примирены все противоречия. В душе же и сознании Ставрогина проповедуемые им противоречивые мирозерцания живут во веки веков непримиримыми, друг с другом враждующими, силами. У Николая Кузанского все высказывания в последнем счете верны потому, что истина — несказуема, для Ставрогина наоборот, потому что никакой несказуемой истины нет: но где нет истины, там нет и лжи, там господствует абсолютное безразличие по отношению к этой разнице. Так мистика негативной теологии превращается в цинизм положительной демонологии.

Провокация, широкой волной разлившаяся по России, по-настоящему еще не изучена. Выяснено только то, что продажностью и корыстной беспринципностью ее до конца не объяснить. В исследовании души Ставрогина Достоевский одним из первых проник в ее тайну. Омертвевшая, оторванная от корней бытия душа Ставрогина всё же тоскует о жизни и действии, на что она, по своей природе и по пройденному жизненному пути — не способна. Для утоления этой тоски она, безликая, перевоплощается в любые обличия и, не верующая ни в какие идеи, отравляет своими вымыслами сердца и сознания своих многоликих двойников; похотливо наслаждаясь своею властью над ними эта опустошенная душа ощущает, что она живет. Но эта иллюзия власти над жизнью неизбежно рассеивается, как случилось и со Ставрогиным; это рассеивание погружает многоликого провокатора в небытие. Как Кириллов, так и Ставрогин кончает свою жизнь самоубийством. Но смысл ставрогинского самоубийства иной. Первый сверхчеловек или, по терминологии Достоевского, — человекобог Кириллов стреляется потому, что не осознал своей любви к Спасителю. Ставрогин затягивает петлю на шею потому, что осознал свою каноническую веру в беса. В очень разных, но в диалектически всё же очень связанных друг с другом обра-

зах и судьбах Кириллова и Ставрогина Достоевский с никем еще не превзойденною глубиной раскрыл богоборческую природу только что еще зарождавшейся на его глазах большевистской революции.

**

Переходим к бесам нижней палаты. Их возглавляет Петр Степанович Верховенский. Мнения решительно всех действующих лиц романа об этом герое — самое отрицательное. Ставрогин называет его помешанным и спрашивает, не служит ли он в тайной полиции. Кириллов считает Верховенского политическим обманщиком и интриганом, Шатов — шпионом и подлецом, а каторжник Федька, сам убийца — первым убийцей. Мистика Кириллову Верховенский внушает такое брезгливое чувство, что он содрогается при мысли осуществить при нем свое «сакральное» самоубийство. В отличие от красавца Ставрогина Верховенский никого не влечет к себе и многих от себя отталкивает. Тем не менее Ставрогин и Верховенский тесно связаны друг с другом. Даже и внешность Верховенского представляет собой несколько карикатурный вариант внешности Ставрогина. Ставрогин — красавец, но в его красоте есть какая-то чрезмерность. «Волосы что-то уж очень черны, светлые глаза что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, зубы — как жемчужины, губы — как кораллы; казалось бы писанный красавец, а в то же время как будто бы и отвратительный». Верховенский не красавец, он всё же недурен собой. Как и у Ставрогина, у него — высокий лоб. Как и в лице Ставрогина есть и в его лице нечто излишнее. Взор слишком пристален, нос слишком остр, губы слишком тонки. Хотя в его лице не чувствуется мертвой маски, как в лице Ставрогина, в нем всё же чувствуется нечто больное. Несмотря на то, что Верховенский хорошо выглядит, его лицо никому не нравится.

Оба молодых человека обладают большою физической силой и самоуверенностью, с той только разницей, что самоуверенность Ставрогина сосредоточена на вере в себя, а самоуверенность Верховенского держится уж очень развязным самодовольством. Сосредоточенность Ставрогина выражается его скупостью на слова. Верховенский напротив — болтлив; он «сыплет словами», «трещит», «тараторит». Он говорит весьма отчетливо, словно ровным зерном засеивает землю. Когда он

входит в комнату, то создается впечатление, что он уже в передней начал говорить, вертеть необычно длинным, тонким, красным языком, с постоянно вертящимся змеиным кончиком. Этим длинным вертящимся языком он снижает и выбалтывает мрачную тайну богоборца Ставрогина.

Глава «Иван Царевич», в которой Петр Степанович умоляет Ставрогина возглавить революцию, одна из самых замечательных глав романа. Всё, что Верховенский говорит о себе с психологической точки зрения более чем неправдоподобно, оно, в сущности, совершенно невозможно. Какой революционер будет признаваться избранному им вождю, которого он к тому же втайне ненавидит в том, что он не социалист, а мошенник, что он — ни во что не верующий нигилист, собирающийся разрушать жизнь пьянством, развратом, сплетнями, доносами, шпионажем и свеженькою кровушкой. Не ясно ли, что все эти мысли не мысли Нечаева-Верховенского о революции, а мысли самого Достоевского о том кровавом кошмаре, который неизбежно вспыхнет в России, когда бесы войдут в стадо свиней, т. е. в Нечаевых, Серно-Соловьевых и др. (Письмо к Майкову). То, что читатель пророческий анализ революции Достоевского послушно принимает за программу и тактику Верховенского, доказывает громадную художественную силу Достоевского. Чтобы придать словам Верховенского некоторую правдоподобность, Достоевский словами Ставрогина высказывает предположение, что Петр Степанович пьян, а может быть даже и помешан. Но, странным образом, все эти догадки, долженствующие объяснить поведение Верховенского, преподносятся читателю так, что он в них как-то не верит, а только чувствует испуганность Верховенского, одержимость его таинственными бесовскими силами.

Если отбросить психологический колорит сумбурно-восторженной речи Верховенского и сосредоточить свое внимание на заключающейся в ней историсофской и социологической характеристике грядущей большевистской революции, то нельзя будет не поразиться исключительной дальнзоркости Достоевского.

До захвата власти Лениным, «Бесы» многими общественными деятелями и почти всеми партийными революционерами воспринимались как злостное издевательство над русским освободительным движением. Таким отношением к «Бесам» объясняется то, что протест Горького против их постановки на сцене Художественного Театра нашел широкий отклик в

кругах русской общественности. Но времена изменились: сейчас думается, всем должно быть ясно, что «Бесы» гораздо в большей степени произведение пророческое, чем злостно-сатирическое.

Ни народникам (социалистам-революционерам и трудовикам), ни социалдемократам меньшевикам нет ни малейшего основания сетовать на Достоевского, так как Достоевскому, когда он писал «Бесы», явно предносилась не февральская, а октябрьская революция. Правильность этого предположения в достаточной мере и степени доказывается его религиозно-социологическим подходом к людям и событиям нарисованной им смуты. Такой подход по отношению к деятелям и партиям «Февраля», явно незнакомым с дьяволом и отнюдь не склонным к разрушению Божьего мира и России, был бы совершенно бессмысленным. Но не менее бессмысленным был бы с другой стороны безрелигиозный, научно-рационалистический подход к таким социалистам, как Ткачев и Нечаев и к таким явлениям, как «Катехизис революции», публицистика «Великоросса» и «Набата» и прокламационные призывы «К топорам». Этот мир кипит и перекипает страстным богоборчеством, глубоким презрением к народу и злым духам фашистской государственности. Здесь идет речь об уничтожении Бога и боговерия, о закрытии монастырей, как рассадников лени и разврата, об освобождении женщин из рабства брака и о государственном воспитании детей. Написанный Нечаевым портрет революционера — явный автопортрет — являет образ человека, лишённого чувств «родства, дружбы, любви, благодарности и чести». В нем всё задавлено холодной страстью революционера, готовностью умереть за свои идеи и уничтожить каждого, кто восстанет против них.

Читая бредовую проповедь Верховенского, нельзя не чувствовать, что она кипит бакунинской страстью к разрушению и нечаевским презрением не только к народу, но даже и к собственным «шелудивым» революционным кучкам, которые он сколачивал, чтобы пустить смуту и раскачать Россию. В духе Нечаева и Ткачева Верховенский обещает Ставрогину, что народ к построению «каменного здания» допущен не будет, что строить они будут вдвоем, он, Верховенский со своим Иван-Царевичем. Надо ли доказывать, что следов бакунинской страсти к разрушению и фашистских теорий Ткачева и Нечаева можно искать только в программе и тактике большевизма. Интересно, что мечтая о великой революционной смуте, Верховенский жалел о том, что мало остается времени и что в Рос-

сии нет пролетариата. Этими жалобами он касался разногласий между народниками и Гилехановым, за примирением которых Вера Засулич в 1881 году обращалась к Карлу Марксу.

Думаю, что не будет преувеличением сказать, что Достоевский предчувствовал, что социалистическая революция будет произведена по рецепту Нечаева и Ткачева, т. е. преждевременно и без участия необходимого для нее пролетариата. Предчувствия его сбылись.

**

Глава «У наших», в которой теоретик коммунизма Шигалев развивает перед собравшимися революционерами свои мысли о будущем социальном строе, быть может единственный в «Бесах» остаток задуманного Достоевским романа-памфлета. Несмотря на то, что в этой главе Достоевский обнаруживает громадное сатирическое дарование, она по своему тону и стилю несколько снижает уровень повествования.

Метод показа Шигалева тот же, что и метод показа Петра Верховенского. Как Верховенский, так и Шигалев не только развивает свои взгляды, но и критикует их. Верховенский называет себя мошенником, а Шигалев — путанником. Под смех своих слушателей он так прямо и заявляет: «я запутался в собственных данных», но прибавляет «однако же, кроме моего разрешения общественной формулы не может быть никакого». Под этой самокритикой Шигалева скрывается, конечно, направленная против шигалевщины критика самого Достоевского. Надо сказать, что созданный Достоевским прием критики «революции» в форме самокритики ее представителей и героев удался ему в применении к Верховенскому много лучше, чем в применении к Шигалеву, что объясняется тем, что безумие может само себе противоречить, не умаляя своего значения, разум же противоречить себе не может, не снижая и даже не отменяя себя самого. Шигалев же не безумец, как Верховенский, в сцене ночного разговора со Ставрогиним, — а рационалист. Безумцем Шигалев становится только в бреду Верховенского, высказывающего непримиримые друг с другом суждения о нем. «Шигалев», вскипает Верховенский, — «гениальный человек. Он выдумал равенство». И тут же: «Шигалев глуп, как всякий филантроп». Что значат эти противоречия? На этот вопрос мы в словах Верховенского находим вполне точный ответ. Гениальность Шигалева в том, что он выдумал *всеразрушающее* равенство, глупость же его в вере, что равен-

ство может привести к счастью. Тут то он и запутался. Исходя из бесконечной свободы (филантроп), пришел к безграничному деспотизму (диктатор). Система Шигалева весьма проста. Чтобы осчастливить всех людей, надо разделить всё человечество на две неравные части. «Одна десятая получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими, которые превращаются в стадо безличных, послушных, но сытых и по-своему счастливых животных». Выслушав это предложение, один из участников беседы (Лямшин) предложил не перерождать, а взорвать 9/10 на воздух и оставить только кучку людей образованных, которые начали бы жить по-ученому. Шигалев считает, что «это было бы самым лучшим разрешением задачи», если бы только такое разрешение было возможно. В возможности такого совершенного рая на земле он, как филантроп, всё же сомневается.

Эту утопию зла нельзя, конечно, выдавать целиком за большевистскую программу перевоспитания русского народа. Но нельзя и не видеть существенного сходства между шигалевщиной и ленинизмом. Как и Шигалев, большевики начали с провозглашения полной свободы и пришли к безграничному деспотизму, начали с борьбы против смертной казни и кончили уничтожением буржуазии, как класса. Как и Шигалев они затеяли свою поравниловку во славу народного счастья, но осуществили ее на всенародное горе. В полном согласии с учением Шигалева они произвели партийный отбор на основе марксистской идеологии и на стремление «жить по-ученому». Превратить 9/10 русского народа в рабов им, славу Богу, не удалось. Но у нас всё еще нет гарантии, что эта мысль окончательно потухла в их сознании. Читая и перечитывая главу «У наших», не перестанешь удивляться тому, с какой отчетливостью Достоевский понял и показал, что глубочайший корень утопического безумия таится в последовательном, бескомпромиссном рационализме весьма не рационально отрицающем иррациональные начала человеческой души, а потому и истории человечества.

Критика диалектического материализма

Материализмом в точном философском значении этого слова следует называть учение, согласно которому единственное основное бытие есть материя и материальные процессы. Психические процессы, по учению материалистов, возникают под влиянием материальных процессов в теле животных и человека. Они появляются, как надстройка над физиологическими процессами в мозгу и никак не влияют на дальнейшее течение материальных процессов, которое совершается по законам физики и химии. Таким образом, душевная (психическая) жизнь есть пассивное производное материальных процессов. Такое учение, согласно которому все процессы подчинены законам механики, называется механистическим материализмом. Словами материя и материальный процесс материалисты обозначают бытие, имеющее пространственную форму, — частицы, имеющие объем и движущиеся в пространстве, процессы отталкивания и притяжения, волнообразное движение.

Диалектический материализм, философия, обязательная в СССР, не подходит под данное мною определение материализма. Диалектики-материалисты исходят из никак не доказываемого ими утверждения, что «материя есть всё существующее», «бытие по самому существу своему есть категория материальная»*. Отсюда следует, говорят они, что дать физическое определение понятия материи нельзя, потому что материя есть самое общее понятие. Ленин, вслед за Энгельсом, дает только гносеологическое определение: «материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении»**. В этом определении сказано лишь, что материя суще-

* Деборин. «Гегель и диалектический материализм», вступит. статья к переводу собр. соч. Гегеля, т. I, 2 изд., стр. XLI.

** Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Собр. соч., т. X, 2 изд., стр. 117.

ствует независимо от нашего сознания, но не указано, какими свойствами она обладает, кроме того, что она производит в нас ощущения. Поэтому диалектик-материалист может приписывать «бытию» самые разнообразные свойства и способности, весьма далекие от материальности, и тем не менее называть свое учение материализмом, ссылаясь на то, что «материя есть всё существующие». Так, напр. следуя Энгельсу, диалектики утверждают, что эволюция материальной природы имеет творческий характер: она создает высшие формы бытия, опирающиеся на низшие, но обладающие своеобразными свойствами, несводимыми к законам низших ступеней. Органическая природа обладает свойствами, не сводимыми к законам неорганической природы; социальное бытие обладает свойствами, не сводимыми на законы биологических процессов. Это учение глубоко отличается от механического материализма, согласно которому биологические процессы отличаются от процессов неорганической природы только тем, что они суть лишь более сложные комплексы механических процессов, чем в неорганической природе, а социальные процессы — еще более сложные комплексы механических процессов. Мало того, советские диалектики-материалисты, утверждая, что идеология, выражающаяся в правовых отношениях, искусстве, религии и т. п., есть надстройка над экономическими отношениями, не считают эту духовную надстройку вполне пассивною; они признают, что она способна влиять даже на свою основу, т. е. на экономические отношения. Отсюда ясно, что диалектический материализм есть не материализм, а представляет собою один из видов натурализма, т. е. учения, объясняющего мир не сверху вниз, исходя из высших начал, а снизу вверх: согласно натурализму, высшие ступени природы возникают из низших и никаких сверхприродных факторов, руководящих миром, не существует.

Основной недостаток как механического, так и диалектического материализма состоит в том, что они не могут объяснить, каким образом движения материальных частиц могут произвести психические состояния. Чувства, желания, акты внимания глубоко отличны от материальных процессов: они имеют временную форму и совершенно лишены пространственной формы, тогда как материальные процессы имеют временную и вместе с тем пространственную форму. Диалектики-материалисты заимствовали из философии Гегеля учение о переходе количества в качество: количественные изменения

приводят на определенной ступени к скачкообразному изменению качества, напр., вода, нагретая до 100° С превращается в пар. Согласно метафизике Гегеля основное бытие есть Абсолютная Идея, т. е. Абсолютный Дух и потому неудивительно, что Гегель может говорить о творении в процессе развития мира всё новых качеств, а марксисты отвергли учение об Абсолютной Идее и положили в основу мира только неорганическую материю. Как бы ни усложнялись и как бы ни ускорялись движения частиц материи в пространстве, они не могут творить чувства и желания. Психические процессы нельзя вывести из других процессов: они столь же первоначальны, как и движение частиц материи. Чтобы доказать этот тезис, рассмотрим свойства непроницаемого объема материальных частиц. Нельзя представлять себе атомы, как множество микроскопических абсолютно твердых комков. Непроницаемость, согласно современной физике, есть не *состояние* частицы материи, присущее ей непрерывно и неизменно, а процесс, именно действие *отталкивания*.

Непроницаемый объем есть не что иное, как бесчисленное множество действий отталкивания, исходящих из одной центральной точки и распространяющихся по всем радиусам. Единство этого бесконечного множества действий, состоящих из множества отрезков в пространстве и времени, указывает на то, что все они суть проявления одного деятеля, который творит содержание их и придает им единую пространственную и временную форму. Творческий источник и носитель множества сменяющихся во времени проявлений называется в философии словом субстанция или, лучше, я буду означать его словом *субстанциальный деятель*. Бытие деятеля резко отличается от его действий: быть источником множества проявлений в пространстве и времени он может только, будучи сам непротяженным и невременным; мало того, чтобы придать своим проявлениям временную и пространственную форму, он должен быть носителем принципов этих форм, т. е. должен быть существом, распоряжающимся ими, сверхвременным и сверхпространственным. Из определенной точки пространства исходят только проявления такого деятеля, а сам он не помещается ни в каком месте пространства и времени.

Можно привести еще и другое доказательство того, что процессы отталкивания производятся сверхвременными субстанциональными деятелями. Всякое событие (в философии

словом событие называется всё, что возникает во времени и отпадает в область прошлого, т. е. всё, что имеет форму времени) возникает не само собою, а имеет причину, т. е. творится кем-то или чем-то. Профессор Лопатин указал на то, что время имеет характер «непрерывной исчезаемости», в том смысле, что содержания событий ежемгновенно отпадают в прошлое. Отсюда следует, что причиной события не могут быть другие события, так как они не могут обладать творческой силой, создающей будущее. Творческую силу может иметь бытие, более основное, чем события, именно сверхвременные субстанциальные деятели.

Отдадим себе теперь отчет в том, как субстанциальный деятель, лежащий, напр., в основе электрона, производит столь простое на первый взгляд действие, как отталкивание. Этот процесс возможен только, как толкание и протivotолкание, производимое двумя деятелями А и В так, что эти два действия возникают абсолютно одновременно, имеют одинаковую силу и осуществляется по одной и той же линии в противоположных направлениях. Понять такую чудесную согласованность двух разных действий в пространстве и времени можно только следующим образом. Необходимо различать стремление осуществить отталкивание с определенной силой в определенном направлении и действительную реализацию этого стремления в пространстве. Стремление есть процесс, совершающийся напр., в частице А и имеющий временную форму, но не имеющий пространственной формы, так как он не осуществлен вовне; это стремление есть внутреннее состояние А, не материальный процесс в нем. На высоких ступенях развития деятелей такое стремление есть *психический* процесс, напр., когда я стремлюсь столкнуть с дороги камень, угрожающий путь. На низших ступенях развития деятелей в неорганической природе такие стремления, хотя и в весьма упрощенной форме, всё же аналогичны нашим психическим состояниям; их можно назвать *психоидными* состояниями. Таким образом, каждый материальный процесс есть или психо-материальный, или психоидно-материальный: источником его служит внутреннее состояние деятеля А, которое затем реализуется вовне в пространстве. Субстанциальный деятель А есть творец и носитель как своего внутреннего стремления, так и соответственного ему материального действия. Всякое стремление имеет в виду цель, ценную для деятеля. Следовательно, все материальные действия деятелей целестремительны;

они имеют определенный смысл и одушевлены этим смыслом. Будучи творцом и носителем как психических (или психоидных) так и материальных процессов, субстанциальный деятель сам не есть ни материя, ни душа; он есть начало *метапсихофизическое*, стоящее выше деления на душевность и телесность и творящее единую душевно-телесную жизнь.

Реализация внутренних, т. е. психических и психоидных стремлений, напр., отталкиваний, вовне возможна лишь в том случае, если на стремление деятеля А оттолкнуть деятеля В, т. е. не дать ему овладеть определенным объемом пространства, этот последний ответит стремлением к противоотталкиванию с такою же силою в обратном направлении по той же линии. Это, в свою очередь, возможно лишь в том случае, если внутреннее состояние А существует не только для него, но и для В; иными словами, В должен непосредственно воспринимать, интуитивно испытывать внутреннее состояние А. Отсюда следует, что субстанциальные деятели, с одной стороны, суть самостоятельные существа, способные самостоятельно творить свои внутренние состояния, а с другой стороны, они тесно сросшены друг с другом и образуют столь единое целое, что состояния каждого из них непосредственно испытывается всеми остальными. Эту спаянность субстанциальных деятелей, можно назвать единосушием их, отмечая, однако, что это единосушие отвлеченное, т. е. составляющее лишь некоторый аспект их бытия. Благодаря единосушию возможно такое теоретическое проявление, как непосредственное заглядывание одних деятелей в глубину бытия других, и такие практические проявления, как любовь и ненависть.

Хорошим примером сверхвременности субстанциальных деятелей может для каждого человека служить его я. Положим, до меня доносятся слабо звуки пения. Я напрягаю внимание, чтобы расслышать их, замечаю, что это запись пения Шаляпина, и с удовольствием слушаю его пение. Через минуту мне приносят телеграмму о тяжелой болезни моего друга. Огорченный этим я беру бумагу и перо, пишу его жене. В этом ряду событий напряжение внимания, удовольствие, печаль, писание письма возникают и исчезают во времени, а мое я, творящее эту жизнь во времени, не есть событие, возникающее и отпадающее в прошлое: оно не имеет временной формы, стоит выше времени и придает форму времени своему акту внимания, слушания, писания письма. Мое я есть то су-

щество, которое, обыкновенно, называют словом «душа». Лучше не называть субстанциальных деятелей словом душа, потому что они творят не только душевные процессы, но и материальное выражение их. К тому же слово душа невольно затрудняет процесс наблюдения, доказывающий существование сверхвременного субстанциального деятеля. В самом деле, говоря «я имею душу», человек высказывает ошибочную мысль, будто я и душа отличны друг от друга. И когда он захочет доказать существование души, он направит свое внимание не на свое я, которое и есть субстанциальный деятель, а куда то в сторону, на душевные процессы, а не на я, творящее их. Существенно важно не делать этой ошибки и научиться анализировать свою душевную жизнь так, чтобы наблюдать само свое я, как сверхвременный источник жизни. Кто умеет так наблюдать свое я, тот в этом опыте имеет наилучшее доказательство нашего бессмертия: сверхвременное я не может отпасть в прошлое.

Все события и процессы, психические и материальные, я называю термином реальное бытие, а всё, что не имеет формы времени, — идеальным бытием. Мировоззрение, согласно которому реальное бытие возникает на основе идеального бытия, можно назвать термином идеал-реализм.

Идеал-реализм прямо противоположен материализму. Психические и психоидные процессы не суть надстройка над материальными процессами: наоборот, они руководят материальными процессами, следовательно, представляют собою более основное бытие, чем материальные события. Психические и материальные процессы настолько отличны друг от друга, что трудно понять, каким образом влечения, стремления или хотения могут влиять на материальные процессы. Чтобы решить эту загадку, необходимо найти нечто третье, служащее посредником между психическими и материальными процессами. Это посредствующее звено мы и нашли, развив учение с сверхвременных субстанциальных деятелей, которые творят материальные процессы соответственно своим стремлениям. У диалектиков-материалистов нет учения о субстанциальных деятелях. Потому, когда они говорят что психическая надстройка может влиять на свою материальную основу, они не могут объяснить, как возможно такое влияние психических процессов.

Диалектики-материалисты отрицают свободу воли; они придерживаются детерминизма, т. е. учения о том, что все

события возникают под влиянием причин, за которыми следует действие по определенному вечно неизменному закону. Психические процессы они считают возникающими в высоко организованных телах животных. Следовательно, по их учению все процессы в неорганической природе и даже в большинстве случаев в организмах растений и животных возникают непреднамеренно. Наоборот, согласно идеал-реализму, все процессы во всех областях природы творятся деятелями на основании стремления их, часто бессознательного, к целям, т. е. ради достижения того, что кажется им положительно ценным, или ради устранения того, что для них есть зло. Каждое такое действие есть свободный акт, не вынужденный никакими законами*. Только формальное строение мира подчинено законам математики и логики, а содержание процессов природы, творимое свободно, не подчинено законам. Конечно, на низших ступенях развития деятелей, напр., в неорганической природе, в поведении электронов, атомов, молекул свобода их проявляется редко. Поэтому физика и химия открывает законы природы, но это законы статистические, т. е. законы поведения миллионов деятелей (напр. законы преломления или отражения света), среди которых, может быть, один, два деятеля проявят свою свободу, что, конечно, не отразится на целом строении процесса.

Все субстанциальные деятели имеют внутреннюю психическую или психондную жизнь, состоящую из свободных актов, имеющих целью достигнуть состояния, ценимого деятелем. Эти свойства субстанциальных деятелей дают право подводить их под понятие личности и называть всё такое мировоззрение словом персонализм. Хорошим примером такой философии служит монадология великого мыслителя Лейбница (субстанциальных деятелей он называл монадами). По степени развития деятели так различны, что одни из них, напр., человек, суть действительные личности, а другие — только потенциальные личности. Животные, растения и т. д. вплоть до электронов суть потенциальные личности: они бессознательно стремятся достигнуть более сложной жизни и могут развиваться настолько, чтобы стать действительно личностью.

Средством для осуществления более сложной жизни служит союз нескольких деятелей, образующих новое более или

* Доказательства свободы воли см. в моей книге «Свобода воли».

менее устойчивое целое. Так, электроны, протоны, нейтроны и т. п. образуют атом, из атомов слагаются молекулы, далее организмы. Все такие союзы входят в состав еще более высокого целого — планеты Земля. Наконец, все системы небесных тел входят в состав единого живого существа — Вселенной.

В таком целом, как организм человека, в центре стоит человеческое я, высоко развитой субстанциальный деятель. Остальные субстанциальные деятели в его теле подчинены ему и служат, как органы, выполняющие различные функции его сложной жизни. Множество элементов так объединены в человеческом организме, что способны сообща совершать сложные акты столь целостно, как если бы их творил один субстанциальный деятель. Это строение становится понятным, если допустить, что субстанциальный деятель, сравнительно высоко развитой, вступает в союз с группой менее развитых деятелей, привлекаемых к нему типом его жизни. Эти деятели привлекают еще менее развитых деятелей и т. д. и таким образом получается иерархическая система, в которой все части служат органами единого целого.

Сторонники персонализма могут показать, что факты, приводимые материалистами, как доказательство зависимости душевных процессов от состояний мозга, можно истолковать в духе противоположной теории, именно учения о зависимости строения мозга и состояний его от душевных процессов. Мозг, как вещество, находящееся в черепе, есть внешнее пространственное проявление множества субстанциальных деятелей, обладающих внутренней психической жизнью. Руководя этими своими союзниками, человеческое я может производить весьма сложные восприятия и поступки*. В настоящее время психиатры производят операции мозга для излечения некоторых душевных болезней. Успех этих операций вовсе не служит доводом в пользу материализма. Излечение пациента может быть объяснено тем, что из мозга его выключены такие деятели, психическая активность которых нарушала нормальный характер душевной жизни.

Сторонники материализма скажут, что персоналистическая философия не научна; естествознание успешно развивается, не ссылаясь на психические и психодные процессы,

* См. мою статью «Психология человеческого я и психология человеческого тела». Зап. Научн. Инст. в Белграде, 1940, вып. 17.

и не пользуется понятием сверхвременных и сверхпространственных субстанциальных деятелей. На это возражение ответить не трудно. На низших ступенях природы психоидные процессы так однообразно руководят материальными процессами, что естествоиспытатели имеют право наблюдать и измерять только материальную пространственно-временную сторону процессов. Они имеют дело с производимой ими *абстракцией*, а не конкретным целым деятельности электронов, протонов, атомов, кристаллов и т. п. Что же касается понятия сверхвременных и сверхпространственных субстанциальных деятелей, очень жаль, что современные ученые не изучают истории метафизики и разнообразных учений о понятии субстанции. Они пришли уже к мысли, что выяснить внутриатомную жизнь с помощью пространственных моделей им не удастся.

Наука пользуется позитивистическим понятием причинности: физик, химик задается целью найти группу событий, вслед за которой возникает новое событие законосообразно; он интересуется только порядком событий во времени. Метафизическое динамическое понятие причинности имеет в виду причинение, как творение нового события субстанциальным деятелем; это творение есть свободный акт, не подчиненный законам. Согласно персонализму, события не суть причина новых событий: они суть только повод, по которому субъективный деятель творит новое событие. Это различие между персоналистической метафизикой и приемами научного исследования природы не есть непримиримое противоречие. Отыскивая группу событий, вслед за которой возникает новое событие, ученый, интересующийся только порядком их во времени, а не актом творения событий, совершает правомерную абстракцию и, если, находя законы, напр., отражения или преломления лучей, химических реакций и т. п., он отдает себе отчет в том, что это законы статистические, а вовсе не законы поведения индивидуальных деятелей, т. е. единичного электрона, фотона и т. п., то никакого противоречия между его учениями и персоналистической метафизикой нет. Метафизика, вырабатывая учение о конкретном целом мира, дополняет научные теории сведениями, не противоречащими науке.

Религиозность в Советской России

Во что сейчас, через 40 лет революции, веруют русские люди? И во что больше не веруют? Или, может быть, они ни во что не веруют? Точные ответы на эти вопросы дали бы нам знание о духовном облике современной России.

Но точного ответа быть не может, и не только потому, что есть железный занавес. Духовный облик народа есть равнодействующая между верованиями составляющих её личностей, а эти верования не поддаются точному установлению и учету. Во многих странах переписи включают вопрос о вероисповедной принадлежности — но ответы на такой вопрос часто бывают чисто формальными. За последние годы в некоторых странах, в частности, во Франции, были произведены выборочные анкеты о верованиях. Во Франции такая анкета показала, что около 75% населения в какой-то мере верует в Бога. На географических картах территории разных стран закрашиваются в цвета, символизирующие разные религии. Испания, естественно, показывается густо католической; но вспомним о страшных антирелигиозных эксцессах во время гражданской войны. Значит ли это, что Испания стала воинствующе-безбожной? Конечно, нет. Для наших дней вообще характерна многосложность, раздробленность духовного облика. Выражение такого облика в точных цифрах, даже ясных словах, представляет труднейшую проблему познавательного порядка, а учет влияния, которое такой духовный облик оказывает на общественное мнение и, следовательно, на постановку практически-политических вопросов, становится одним из трудно учитываемых факторов политической проблематики.

В сущности, даже на вопрос о духовном облике России ко времени революции у нас нет точного ответа. В конце прошлого века можно еще было утверждать, что духовно русский народ был наскочен на две неравные части: огромное большинство, крестьянство и еще связанные с ним элементы рабочего класса, продолжали жить под знаком «бытового православия», а в интеллигенции и попавших под её влияние элементах рабочего класса господствовала разбитая на мно-

гие секты «религия прогресса», которая в настоящее время в некоторых западных странах (напр., в Голландии) регистрируется как «гуманизм»; были, конечно, и другие группы. Но в начале 20-го века произошли существенные сдвиги. В интеллигенции началось и быстро усиливалось движение, которое можно обозначить термином «назад к идеализму», а иногда и к традиционной религии, а в крестьянство всё больше просачивалась интеллигентская религия второй половины XIX века.

В таком состоянии русский народ был засижен двойной революцией 1917 года, из коих вторая, коммунистическая, ревностно взялась за перестройку духовного облика России по одному из вариантов интеллигентской религии. К несчастью для России и всего мира, этот вариант никак не мог быть покрыт понятием гуманизма, так как строился, и продолжает строиться, на основе классовой ненависти и на признании допустимости насилия, как орудия прогресса.

Здесь не место входить в описание перипетий этого «действия», напоминавшего давнишние попытки победителей обратить побежденных в свою веру. Нас интересуют только результаты. На этот счет имеются заслуживающие некоторого доверия данные, относящиеся к 1937 году, т. е. к моменту, делящему ровно пополам обозреваемое сорокалетие. В тот год была произведена перепись, включавшая вопрос об отношении к вере. Как известно, результаты переписи никогда не были опубликованы — можно думать, отчасти потому, что именно по вопросу о духовном облике народа перепись принесла власть имущим глубокое разочарование. Знаем мы об этом из брошюры тогдашнего возглавителя Союза Воинствующих Безбожников Е. Ярославского. По его словам, из числа жителей старше 16 лет одна треть городских и две трети сельских заявили, что они сохранили веру. Эти данные почти несомненно заимствованы из переписи — отдельных сообщений, на ней основанных, было в то время сделано немало. И так как из таких же сообщений хорошо известно распределение населения между городом и деревней, то можно вычислить, что от 55 до 60% взрослого населения *заявили* себя верующими. В то время такие заявления были социально невыгодны, и потому выше приведенные цифры надо считать скорее преуменьшенными, нежели преувеличенными. Вероятно, в 1917 г. процент неверующих был меньше, нежели в 1937 г., но паде-

ние цифры было гораздо слабее, нежели предполагалось в официальных кругах.

Что же произошло потом? Никаких цифр на этот счет не имеется, если не считать заявления, недавно сделанного митр. Николаем Крутицким в Америке; по его словам, число верующих сейчас составляет 50 миллионов. Их, однако, никто не считал; но можно думать, что цифра недалеко отстает от действительности. Основания так думать таковы. Сейчас в России как число православных епископов, так и число православных приходов несколько меньше половины числа на 1914 год. Между тем численность населения «православного корня» (т. е. тех православных, которые жили в 1914 г. и еще живы сейчас, и их потомства) приблизительно на 25% выше, нежели в 1914 г. Если считать, что обслуживание православных приходами (а через них епископами) изменилось лишь незначительно (это, конечно, очень спорно), то выходит, что сейчас число верующих православных (неверующих, но официально православных, как бывало до революции, теперь быть не может) составляет около 40 или 45 миллионов (в 1914 г. их было немного более 100 миллионов). Прибавим к ним миллионов 10 или 15 верующих иных исповеданий — и мы получим цифру в 50-60 миллионов. Это, конечно, лишь грубое приближение, но пути к лучшему приближению не видно.

Что же духовно представляют остальные 150-160 миллионов? — По новейшим подсчетам, основанным на недавних заявлениях власть имущих, население СССР немного превышает 200 миллионов, что, между прочим, подтверждает подсчет, предложенный мной в «Новом Журнале». Обращено ли оно в веру, проповедуемую властями претержившими и представляемую догматическую фиксацию одного из вариантов интеллигентской религии конца 19 века? Отнюдь нет. На такое массовое обращение не претендует и сама власть. Чрезвычайно интересные данные были опубликованы в течение антирелигиозной кампании 1954 г. (прерванной хорошо известной резолюцией ЦК 11 ноября того года). В деревнях на храмовые праздники в открытые церкви народ валит валом. Конечно, собираются все верующие из округи. Но на традиционных пиришествах можно видеть и секретарей коммунистической партии и комсомола, и председателей колхозов, и местную интеллигенцию. Такие же странные сборища (включая советских служащих «высоких рангов») можно было видеть около «святого ключа» в Глинкове под Москвой, а на озере Свято-

яр (в которое, согласно легенде, опустился град Китеж) было замечено немало учащейся молодежи, включая комсомольцев. Партийная печать неоднократно обличала коммунистов, по ночам крестящих детей или венчающихся в церкви.

Что это за люди? Верующими в традиционном смысле их трудно считать, но и подлинно обращенными в новую веру они, конечно, не являются. Это смятенные души, пребывающие где-то между двумя полюсами духовного притяжения. Как еще в 1940 г. отметил Е. Ярославский и как было подтверждено в 1954 г., эти смятенные души часто обнаруживали тягу к магии, к суевериям, к гадалкам и лже-пророкам. Духовно они опустились до шаманизма, т. е. до язычества в его низших формах. Конечно, далеко не все; многие просто отреклись от старого, но не пристали к новому и стали духовно — индифферентными, явление для России новое — как давно подметили иностранцы, когда русский человек переставал верить в Бога, он начинал верить в атеизм (а по словам Е. Ярославского — в черта).

Есть основание полагать, что две группы — новоязычников и индифферентных, т. е. просто духовно опустошенных, составляют вместе большинство русского населения. Ибо число подлинно приемлющих новую религию в её полноте по всем вероятностям очень невелико.

Сравнительно многие принимают социально-экономическую программу коммунизма, но спотыкаются, когда дело доходит до коллективизации сельского хозяйства. Другие приемлют политическую программу властителей России — до тех пор, пока входящий в её состав непрерывный террор не задевает их самих или их ближних. Но коренное ядро новой веры, материалистическая философия, диалектическая схема развития (на почве которой сегодняшнее «да» так часто становится завтрашним «нет»), теория классово-борьбы и полной предопределенности будущего? Эти объекты официальной веры всегда были трудно доступны даже сравнительно образованным лицам; они принимались скорее через посредство веры в вождей, много более доступной, нежели вера в абстрактные принципы. Теперь, когда официально заявляется, что в течение 25 лет верховный жрец этой веры был чудовищем и лже-пророком, сомнения должны были закрасться в души многих, слишком многих...

Что касается руководителей, то для них марксизм-ленинизм (в его новейшем истолковании) может быть, служит «рабочей гипотезой» (по выражению О. В. Анисимова) и, конечно, прекрасной основой для пропаганды в странах, где духовное чудовище еще не воплотилось в жизнь. Но они сами? По всем вероятностям для них эта вера значит тоже, что вера для авгугов — в век заката античного язычества.

Итак, духовно нынешняя Россия далеко не монолитна. Пока удерживается диктатура, разнорной прикрывается давлением сверху, подобно тому как хорошо построенный котел удерживает взрывную силу расширяющихся от нагрева газов. Что будет, если и когда эта крышка снимется? Пока об этом не стоит гадать.

Но всё же стоит осветить еще один вопрос — не будет ли этому духовному разброду положен конец в процессе смены поколений, через посредство советской школы, неукословно насаждающей в подрастающих поколениях официальное вероучение? Есть основание думать, что это не так.

Дело в том, что установленные выше типы духовной настроенности — традиционная вера, смешение старой и новой веры, впадение в ново-язычество, духовное безразличие, подлинное приятие новой веры — не разделяет население России на столько же «вертикальных групп», (вертикальными называются такие группы, которые включают в себя в нормальной пропорции представителей разных возрастных групп). Напротив того, можно установить существование духовного или религиозного цикла в жизни отдельных личностей, в пределах которых человек перемещается из одного типа в другой. Об этом можно было догадываться давно, но только недавно удалось получить свидетельство, вопрос вполне уясняющее. В 1955 г. в России после 13 лет вновь побывал Джон Лоренс, видный баптистский деятель. Как и многие другие, он отметил, что среди посетителей церквей (в том числе и православных) замечено преобладание лиц среднего и старшего возраста. Но, добавляет он, за эти 13 лет средний возраст посетителей не повысился. Этот факт возможен, как правильно говорит Лоренс, только на почве возврата к церкви лиц среднего возраста раньше бывших неверующими. На почве этого и многих других показаний можно установить следующий «нормальный духовный цикл». Для большинства русских детей жизнь начинается с религиозной фазы: от матери и бабушки они учатся молитвам — основным положениям веры. Как

говорил еще Ярославский, религию спасли и **продолжают спасать** матери и бабушки. Потом ребенок попадает в школу. Там ему объясняют, что всё слышанное им дома — вздор; вместо того ему преподносится в лапидарной форме «единственно правильное и единственно научное мировоззрение». Не все, но большинство в него обращаются. Но вот школа кончена, начинается активная жизнь. Юноша или девушка ожидают, что им удастся приобщиться к великому строительству на благо человечества. Вместо того — мертвая рутина, подхалимство, взяточничество, полное презрение к ближнему, да и к народу в целом. А новая вера, кульминирующая в создании рая на земле, должна быть проверена и подтверждена тут и теперь. Если этого не случается, легко происходит душевный переворот. Его результатом оказывается приобщение к одному из промежуточных типов — человек становится или духовно безразличным, или двоевером, или, сам того не сознавая, впадает в примитивное язычество. Но многих ни одно из этих состояний не может удовлетворить. Случайное соприкосновение с церковью и верующими — и бывший борец за новую веру возвращается в лоно предков; немало подобных рассказов можно найти в советской прессе.

Итак, группа верующих пополняется не только младенцами, но и новообращенными, и, конечно, значительное число людей, несмотря ни на что, остаются религиозно настроенными и в те годы, когда большинство от традиционной религии отходит. В сохранении этого духовного цикла — а он поддерживается всем строем с его разительным противоречием между высокими идеалами и человеконенавистнической практикой — залог того, что в следующий период своей истории Россия войдет ни до конца опустошенной духовно, ни отдающейся полностью той вере, которую в России зовут марксизмом-ленинизмом.

Ненависть и коммунизм

1

*Человек сопечалится человеку, равно он
ему и совеселится.*

(Радищев, «О человеке»)

Развитие русской общественной мысли и русской литературы шло на основе гуманитарного начала. На этой же основе шло развитие русской революционной мысли и русского революционного движения.

Замечание Достоевского — «Все мы вышли из гоголевской «Шинели» — можно и следует понимать расширенно: дело не только в том, что русские писатели послегоголевского периода были сторонниками того течения, которое тогда называлось «натуральной школой», а в том (и главным образом — в том), что вся русская литература, а вместе с нею и общественная мысль, была проникнута тревожащим и мучающим гуманным чувством.

Течение русской революционной мысли можно начать вести от Радищева, и тогда нетрудно будет установить почти органическое слияние духа революции и духа гуманизма. Гневный протест Радищева против «зверей алчных» и «пьяниц ненасытных» рождался не злобной ненавистью к этим «зверям» и «пьяницам», а рождался искренним состраданием к их жертвам. При этом важно отметить: сострадание понималось и чувствовалось Радищевым не как следствие лицемерия человеческого горя, а как неотъемлемое свойство человеческой природы. Сострадание *свойственно* человеку, и именно эта свойственность была в высокой степени присуща участникам революционного движения.

Если высшей систематической категорией (т. е. категорией в систематике) революции является «тип» — революционер, то несомненно, что «тип» этот следует разбить на два «класса», которые условно можно назвать так: класс «идеалистов» и класс «бесов». Даже если эти два термина-определения не совсем точны и выразительны, необходимость деления

основного «типа» революционера на два «класса» несомненна. Крайне ошибочно и опасно «сваливать в одну кучу» все первоначальные и последующие течения русской революционной мысли, не видя (умышленно?) разницы между народниками и марксистами, между социалистами и радикалами. «Бесы» в революционных рядах, конечно, были, но еще Толстой указывал на односторонность Достоевского в изображении им революционной группы Петра Верховенского: «бесы» очерчены выпукло, ярко, убедительно, а «идеалист» Эркель изображен в романе мимоходом, бледно и незаметно. Он не действующее лицо, а только статист.

Тем не менее именно «идеалисты» определяли собою и своими установками течение революционной мысли и революционного движения. А в основе всех их установок лежало гуманитарное начало: любовь «к младшему брату», сострадание к его горестям и страстный порыв к помощи ему. Это сострадание не было абстрактным, «всечеловеческим» и рассудочным, но было оно органическим и направленным на вполне реальный объект: на «униженных и обиженных».

Личным мотивам и эгоистическим побуждениям никогда места не было. Наоборот, высокая способность к самопожертвованию характерна для этих «идеалистов», отдававших тому, что они считали «делом служения народу», не только помыслы и силы, но даже и свою жизнь. Борьба с самодержавием, начиная от декабристов, была вызвана не ненавистью «к тираничеству», как к таковому, но была вызвана любовью к жертвам этого «тираничества». Дети, затравленные собаками по приказу помещика, ужасы рекрутского набора («подобные ужасу казни»), «рабство тощее», «от матерей, отцов отторгнутые дети», «черная неправда в судах», нищета и угнетение, все это не только тревожило сердце: оно возмущало дух отцов в дореформенное время, и невидимые гены перенесли этот возмущенный дух в их сыновей. Конечно, великие реформы изменили жизнь: ужасы остались в пережитом прошлом. Но сохранилось много неизжитого: социальное неравенство, сословные привилегии, податные тяготы, административный произвол, нищета деревни, изнуряющий труд детей на фабриках... «Младший брат» попрежнему был «тощий, скорбный, весь в пыли», и попрежнему «хлеб его был черный, дни его были черные».

Конечно, никак не следует преувеличивать и раздувать все отрицательные стороны дореволюционной государственности, но вместе с тем никак не следует их преуменьшать и

даже отрицать. К сожалению, было многое в реформированной государственности, что не только не утишало возмущенный дух, но и продолжало питать его возмущением. Даже «кающиеся дворяне» в своем пассивном покаянии исходили из сочувствия к «младшему брату», и это сочувствие равно питало и революционные, и либеральные устремления.

«Мы пойдем к нашим *страдающим* братьям, мы к *голодному* люду пойдем», «цепи *страдальца* народа мы чтим», «вы жертвою пали в борьбе роковой *любви* беззаветной к народу»... Эти слова революционных песен, быть может, звучат для нас фальшью патетики, но в них не было фальши для тех, чьи сердца бились от звука этих песен. И имеет весьма значительный смысл то обстоятельство, что основное революционное движение в прошлом считало себя «народным» движением, а его участники вошли в историю под именем «народников». Они не действовали «именем народа», но они действовали для народа. И именно в этом движении, несмотря на его крайности, гуманитарная идея, вытекающая из чувства любви и сострадания, нашла свое наибольшее воплощение.

Казалось бы, что одна из крайностей, т. е. применение террора, противоречит подобному утверждению: невозможно соединить гуманизм с убийством. Но тем не менее подобное соединение было. Данная статья не дает возможности проанализировать его и вскрыть его природу*, но не лишне припомнить признание И. Каляева, убившего в. кн. Сергея Александровича, приведенное в его кассационной жалобе: «главным мотивом во мне были *человеческие страдания*». Он писал про себя: «*кровь и слезы* униженной России наполнили мое сердце решительностью». У нас нет оснований не верить искренности и глубине этих утверждений**.

* Несомненно, что попытка такого анализа будет сделана.

** Не лишне отметить: после убийства президента Гарфильда Исполнительный Комитет Народной Воли (1881 г.) послал свое заявление «американскому народу». Хотя это было через полгода после убийства Александра II-го, ИК осудил убийство Гарфильда и в своем заявлении писал о мотивах такого осуждения, которое, казалось бы, никак не вяжется с террором, проводившимся Народной Волей. ИК осуждал выстрел Гито, потому что «в стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, политическое убийство есть проявление духа деспотизма». Заявление заканчивается словами: «деспотизм личности и деспотизм партии

Мы будем правы, упрекая участников революционного движения (принадлежавших к классу «идеалистов») в наивности их определений, в излишней аффектации чувств, в идеализации «младшего брата», в непризнании ими многих достойных уважения государственных форм прошлого, в несерьезности выводов... Мы будем правы, упрекая их во многом (особенно — в свете современности), но мы будем неправы, если будем отрицать в них благородные человеческие побуждения, искреннюю любовь «к униженным», мучающее душу сострадание и героическую способность к самопожертвованию.

2

Классовая ненависть — основной двигатель революции.

(Ленин)

Большевизм идет от класса «бесов».

Идеализм не был присущ «бесам», а сами они были чужды идеализации. Они были реалистами, если этот термин можно употреблять в циническом смысле. Ими руководил мозговой расчет, взвешенная целесообразность, теоретически понимаемая полезность: полезность мысли и полезность действий. Они не только не были способны на гуманные чувства, но были им издевательски враждебны. Законы этики и морали не тревожили и не смущали их. Убийство Шатова было для них не долгом революционной совести, но делом расчета. На самоубийство Кирилова они смотрели только, как на источник некоторой пользы для себя.

Слов любви (к кому бы то ни было) они не говорили даже с целью обмануть: уж слишком очевидна была бы ложь. Уважения в них не было ни к кому и ни к чему. Про них можно сказать: «ничто не свято для них». Была ли «свята» для них революция? Ложь, измена и предательство стояли для

одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия» (Цитировано по сборнику «За 100 лет»).

Вопрос о политическом терроре — сложный вопрос. Поэтому мысли, изложенные в заявлении, должны быть учтены и не могут быть оставлены без внимания.

них на одном уровне и в одном ряду с истиной, преданностью и верностью.

От «бесов» пошел большевизм.

Даже невнимательный наблюдатель, прожив достаточное время в Советском Союзе, заметит некоторую особенность официального коммунистического лексикона: отсутствие в нем определенной категории слов. Ни в докладах вождей любого масштаба (от ЦК до райпарткома), ни в газетно-журнальных статьях, ни в книгах какого бы то ни было содержания никогда не употребляются такие слова, как — любовь, милосердие, прощение, сострадание... Да и было бы до дикости, до чудовищной противоестественности странно и страшно, если бы Сталин вслух выговорил слово «любовь», Берия — слово «милосердие», а Хрущев — слово «сострадание». Эти слова-понятия настолько чужды коммунизму, что он стал враждебен им, а они стали враждебны ему: он уничтожает их, инстинктивно чувствуя, что они уничтожают его.

Но при этом у коммунизма всегда находятся в состоянии боевой готовности слова противоположной категории: ненависть, уничтожение, смерть, беспощадность... «Уничтожим кулака, как класс!» «Вырвем с корнем троцкистско-бухаринское охвостье!» «Смерть врагам мирового пролетариата!» Именно эти, именно такие призывы и именно эти слова громко говорятся и печатаются по каждому поводу, разносятся радиоволнами и воплощаются в образы на киноэкранах. Даже «великий гуманист», Максим Горький, вооружил проповедников насилия беспощадным афоризмом: «Если враг не сдается, его уничтожают!»

Коммунизм никогда не исходил от любви к угнетенным: он исходил от ненависти к угнетателям. Это обстоятельство определило собою в дальнейшем — всё. Ненависть была психологической базой и психологическим истоком коммунизма. А поэтому она, ненависть, породила и его идеологию, и его тактику.

За все десятилетия своего властвования в России коммунизм никогда и ни разу, ни по какому поводу и ни в каких случаях не взывал к любви кого-либо к кому-либо, но всегда взывал к ненависти и к сродным ей злым чувствам и инстинктам. Это — та его база, единственно на которой он может существовать и укрепляться.

Но ненависть не может быть абстрактной, а поэтому нуждается в реальном объекте. Эти объекты коммунизм создает под видом «врагов», которые поистине неисчислимы: клас-

совые враги, враги народа, шпионы, вредители, диверсанты, саботажники, троцкисты, бухаринцы, уклонисты... С помощью искусственных (и иной раз — весьма искусных) приемов коммунизм неизбежно держит потенциал ненависти масс на некоторой высоте, не давая ему возможности снизиться. Это снижение неизменно повлекло бы за собой успокоение и даже примирение. Коммунизм знает, что массы без ненависти могут стать инертными, а в другие побуждающие страсти он не верит и не признает их. Возможно при этом, что он опасается самопорождающейся ненависти к нему самому, а поэтому и направляет (старается направлять) создаваемую им ненависть на другие объекты.

Кроме врагов «внутренних» он постоянно создает и врагов «внешних». В 20-х годах такими врагами были западноевропейские правительства (особенно — Ллойд-Джордж и Болдуин), а также — «лакеи капитализма», т. е. социалисты Запада; в 30-х годах ими были «фашисты» всех толков и, особенно, испанская фаланга; после вторжения Гитлера — немцы вообще; после войны — страны демократии и, главным образом, Соединенные Штаты. Весь мир делится коммунизмом на две неравные части: коммунистические партии и — всё остальное человечество. Каждая коммунистическая партия — друг трудящихся, а поэтому требует преданности к себе; всё остальное человечество — враг трудящихся, а поэтому его должно ненавидеть всей полнотой души. Без врага не может быть ненависти, а без ненависти немислим захват мира коммунизмом, немислима успешная для него война, немислим и он сам.

Порожденный не любовью к угнетенным, а ненавистью к угнетателям, коммунизм в высокой степени сам способен к угнетению. В этом нет ни логического, ни психологического противоречия. Ненависть к угнетателям не является в нем ненавистью к угнетению, а поэтому направлена не против явления, а против личностей и групп. Но когда власть и сила этих групп бывает свергнута, угнетение может и даже должно иметь место, потому что само по себе оно никаких этических возражений со стороны коммунизма не встречает.

Такое положение варьирует (несколько своеобразно) диалектическую идею, вложенную в известное положение об украденной корове: «Если мой сосед украдет у меня корову, это — зло; но если я украду у него корову, — это добро». Кража, как таковая, этим положением не оценивается и не осуждается, а осуждается лишь направленность кражи, если

эта направленность действует против моих интересов. «Если капиталист эксплуатирует трудящихся, то это — зло; но если их эксплуатирует коммунизм, то это — добро».

С другой стороны в этом положении проявляется власть того истока, из которого вытекает коммунизм, т. е. ненависть к угнетателям, подменившая собою любовь к угнетенным. Совершенно несомненно, что при наличии такой любви было бы осуждено само угнетение, вне зависимости от личности угнетателя и угнетенных. Но коммунизм не протестует против явления. Для него приемлемы и угнетение, и деспотия, и тирания, но не приемлемы угнетатели, деспоты и тираны, если он сам не является ими. Поэтому, как мы все хорошо знаем, угнетение, деспотия и тирания коммунизма превышает всё, доступное нашему наблюдению в настоящем и в прошлом.

Коммунизм порожден ненавистью и основан на ненависти. А «от нея все качества», логически, этически и психологически вытекающие из нее.

3

Страшно утратить в себе хотя бы частицу духа. Утрата даже малой частицы ее влечет за собою смерть.

(Иоганн Валентин Андрэ)

Коммунизм угрожает человечеству не только тиранией своей политической, экономической и социальной системы: он угрожает человечеству духовным изуродованием.

Психология коммунизма — особая психология, которая еще не нашла своего определения, и до конца не только не понята, но и не учтена. Мысль, воля и чувство коммунизма вытекают из других истоков, чем у «не-коммунистической» части человечества, идут другими путями и направлены к другим целям. Сфера нравственного определяется коммунизмом не чувствованием добра и зла, но требованием классовой борьбы и построением коммунистического государства. «С точки зрения коммунистической морали, — учит Ленин, — нравственно, морально лишь то, что способствует уничтожению старого мира и укрепляет социалистический строй». Нравственный абсолют коммунизмом отвергнут. Все нравственные категории пересоставлены им и поставлены на голову. Иерархия духовных ценностей создана им по иным пока-

зателям: по классовой полезности, по революционной выгоде и по коммунистической целесообразности.

Отсюда — изменение нравственных понятий, нравственных требований и нравственных оценок. Ложь становится добродетельнее правды, предательство — выше верности, порабощение — законнее свободы, беспощадность — доблестнее милосердия и ненависть — ценнее любви.

Конечно, нет сомнения в том, что во все века существования человечества ложь, предательство, порабощение, беспощадность и ненависть временами руководили людьми, владыками и народами, побуждая, двигая и направляя их. Но все эти побудители и двигатели неизменно вызывали крик гневного протеста и голос справедливого осуждения, а поэтому всегда маскировались, боясь чересчур цинично обнаружить себя. Ложь всегда старалась выдать себя за правду, предательство всегда восхваляло верность, а лицемерие всегда ратовало за прямодушие. Порок, не скрывающий своей порочности, а гордящийся ею, — редкое явление. Порок же, ставящий себя выше добродетели, — явление, казалось бы, невозможное. Но коммунизм доказал его возможность: он открыто, горделиво, с убежденностью в своей правоте откинул все общечеловеческие оценки в сфере нравственности, противопоставив им свои оценки, в которых нравственное начало подменено некоторому «коммунистическому» началу.

Об успехах коммунизма в его международной («холодной») борьбе говорится и пишется много. Но следует обратить особое внимание на его важный успех не в политической, а в нравственной области: его оценки в ней уже приняты многими общественными и государственными группами и начинают руководить даже теми группами, которые по своему существу и направленности являются несомненно антикоммунистическими. Психологический большевизм стал присущ политическому антибольшевизму.

Ненависть, в частности, уже является в наше время побуждающим стимулом в областях, которые отнюдь не являются коммунистическими областями.

Здесь необходимо уточнить употребление термина «ненависть». Ненависть может быть различной по своей природе и, следовательно, по своим проявлениям. Если словом «любовь» мы бываем вынуждены обозначить совершенно разные, не имеющие ничего общего чувства («мать любит своего ребенка», «Вертер любил Шарлотту», «я люблю поросенка под хреном» и т. д.), то точно так же и одним и тем же словом

«ненависть» мы вынуждены выражать различные психологические состояния. Одно — «святая ненависть», т. е. та, которая порождена любовью, из нее вытекающая и ее сопровождающая. Пример: ненависть ко злу, порожденная любовью и стремлением к добру. Другое чувство — ненависть «сама по себе», т. е. сама себя породившая, собою руководимая, собою определяемая и не сопровождаемая любовью к некоторому антиподу. Не наша вина в том, что для определения этих двух различных, ни в чем не сходных психологических положений мы вынуждены употреблять одно и то же слово: другого слова наш язык еще не создал.

Именно ненависть «сама по себе» с полной откровенностью начинает властвовать среди различных политических, национальных и социальных групп. В частности: в борьбе с истинным или воображаемым колониализмом ненависть против «колонизаторов» играет значительно большую роль, чем любовь к освобождаемой родине. Именно в этом направлении, в направлении разжигания чувства ненависти, действует пропаганда, именно на этом основании строятся лозунги и именно на этом чувстве создается психология борьбы.

Роль, которую в нашей современности начинает играть ненависть, должна вызвать общее настороженное внимание, т. к. эта роль становится угрожающей, Она становится тем более угрожающей, что она может явиться предвестником более широкого распространения коммунистической психологии, т. е. распространения всех иных его методов мысли, чувства и воли.

Если она, коммунистическая психология, охватит собою значительную часть человечества, то борьба с коммунизмом станет невозможной: коммунизм (как некоторое психологическое состояние) войдет внутрь государственно-общественного организма. И тогда политический и социальный антикоммунизм почти естественно придет к капитуляции перед политическим и социальным коммунизмом, побуждаемый к тому коммунистической психологией, овладевшей им.

Борьба против коммунизма, конечно, не может быть ограничена только борьбой против коммунистических государств, т. е. борьбой против технической, материальной и организационной мощи коммунизма. Такая борьба должна вестись особыми методами с применением особых средств, из числа которых история не может исключить и средства вооруженной борьбы. Но борьба против коммунистической психо-

логии* не есть дело вооруженных армий: это дело законодателей, писателей, воспитателей, проповедников, ученых и художников. Главным же образом — это дело каждого из тех, для кого нравственное начало есть начало самодовлеющее, вытекающее из чувствования добра и зла, а поэтому и не подчиненное тактической «целесообразности».

* Коммунизм (не как система, а как явление) может изменить свои доктрины и принципы (ему ведь «ничто не свято»), может вместо «Капитала» Маркса базироваться на «Моя борьба» Гитлера, может перестать быть советско-партийной государственностью, но при всех своих изменениях и перевоплощениях он останется античеловеческой силой, уродующей душу и убивающей в ней нравственное начало. И поэтому следует очень задуматься над вопросом: что страшнее — власть ЦК КПСС или власть новой психологии?

Коммунистическая партия в Советской России

Социальная структура советского общества значительно сложнее, чем ее обычно представляют. Эта сложность обусловлена, прежде всего, наличием единой и единственной политической партии в стране. Коммунистическая партия накладывает особый отпечаток на советское общество и государство. Мало того, что партия образует правящий слой, она пронизывает советское общество снизу доверху, образует его стеновой хребет. Многомиллионные щупальцы партии, как щупальцы спрута, охватывают народ во всех его частях. Вот эту роль партии очень часто забывают, когда рассматривают советское общество.

Наше время — эпоха политических движений и партий. Политические группы правят сегодня народами и государствами, опираясь на широкие политические объединения-партии. Это в одинаковой мере относится и к классическим демократиям Европы, и США, и к только что зародившимся государственным образованиям в Азии и в Африке, и к тоталитарным деспотиям современности: коммунистическим и национал-фашистским.

При наличии многопартийности в странах с демократическим режимом партии соревнуются на политической арене, добиваясь доверия большинства народа. При всех недостатках политической демократии, она обеспечивает выявление народной воли, исправляет допущенные ошибки и не допускает использования власти во зло народу.

Коммунистическая диктатура подделывается под демократию, фальсифицирует волю народа и, пользуясь своим монопольным положением, использует власть в своих интересах и целях во зло народу и даже во зло членам самой «всемогущей» партии. Преступления Сталина не является эпизодом в период господства коммунистической диктатуры, а только наиболее ярким выражением сути коммунистической тирании. И ни коллективная диктатура, ни развенчание Сталина, ни куца внутрипартийная демократия не могут устранить всё то чудовищное зло, которое приносит коммунистическая диктатура наро-

ду и стране. Это зло лежит в системе господства единой и единственной партии в стране. И до тех пор, пока эта система монопольного господства партии не будет так или иначе уничтожена, наш народ не вздохнет свободно, голодный не насытится, раздетый не оденется и невинный не окажется оправданным.

«Диктатура пролетариата» была и остается диктатурой небольшой группы коммунистических вожakov партии над самим пролетариатом и над самой массовой коммунистической партией. Под лозунгами сохранения «чистоты партийных рядов» и «соблюдения единства партии» рядовая коммунистическая масса задавлена своими вождями и сами вожди боятся друг друга, помня участь многих из них. Диктатура вожаков партии является тотальной диктатурой в стране и в этих условиях государство является необычным государством. Это не государство, ограниченное территорией и народом, ставящим себе целью обслужить нужды того и другого. Советское государство ставит себе иные цели, при которых и территория и народ рассматриваются им только орудиями партии. Интересы страны и народа соблюдаются властью только в той мере, в какой это необходимо для сохранения власти в руках коммунистических вожаков.

Советское государство есть государство-партия. Партия распоряжается всем, партия представляет национальное государство, в том смысле, в каком внешний мир рассматривает Советский Союз нормальным национальным государством, и в каком сам народ не может отказаться от самого себя в угоду целей коммунистических верхов. В своих теоретических высказываниях коммунистические верхи не скрывают своей точки зрения на природу советского государства. Достаточно напомнить знаменитое ленинское заявление: «а на Россию, господа хорошие, мне наплевать», (не ручаюсь за точность передаваемых слов, но смысл их передаю точно). И потому нельзя бросить упрек коммунистическим верхам, что они обманывают народ и весь мир, выдавая свое государство-партию за нормальное государство. Тем не менее, такой обман существует и коммунистические верхи его поддерживают всеми силами.

Партия считает, что она ведет народ. Однако, это водительство заключается в том, что она насилует его денно и ночью, насилует его в разных формах и в разных видах. Коммунистическая партия была и остается партией насилия и террора. Такой она зародилась, такой она пришла к власти, та-

кой она была и остается вот уже все сорок лет, находясь у власти.

И все это не мешает самой коммунистической партии подвергаться насилию со стороны верхов. Такова природа насилия.

Здесь уместно вспомнить преступления Сталина по отношению к самой партии. Но этого мало. Надо вспомнить и то, что «генеральная линия партии», как она установлена была Сталиным, не всегда принималась партией добровольно.

Коммунистическая партия, когда она не была еще работой Сталина, голосовала против той самой линии, которую с начала 1929 года Сталин начал проводить в стране. Достаточно вспомнить «Объединенную оппозицию» во главе с Троцким и Зиновьевым, которая была разбита Сталиным с правых позиций, т. е. с позиций тех, кто был против насильственной коллективизации, «построения социализма в одной стране» и «феодалской эксплуатации» русского крестьянства во имя индустриализации «любой ценой».

Партийные вожди никогда не спрашивали партию, за исключением лишь очень редких случаев. Партия была лишь опорой своих верхов, их послушным инструментом в борьбе за власть, ее сохранение и проведение своей антинародной политики; орудием террора и насилия, щупальцами спрута, сдавливающего широкие народные массы.

Не партия выделила свою верхушку, а интеллигентная верхушка создала партию, как орудие своих замыслов. Верхушка партии по своему усмотрению производила массовые чистки внутри партии, массовые наборы в партию, когда находила для себя это нужным, или вовсе приостанавливала рост партии, если видела в этом опасность для своих замыслов в тот или иной исторический момент.

**

Мы не ставим своей задачей выяснить как изменялся численный состав партии и как изменялась политика партийных верхов в вопросе приема в партию. Для нас самым важным вопросом является установить — *что* собой представляет партия в настоящий момент. Данные, опубликованные на XX партийном съезде, позволяют ответить на этот вопрос с достаточной полнотой.

Сегодня коммунистическая партия Сов. Союза насчитывает 7.215 тысяч членов и кандидатов в члены партии.

Если мы примем во внимание, что незадолго перед 2-й мировой войной партия насчитывала в своих рядах около 2,5 миллионов человек, то абсолютный рост партии за прошедшие 15 лет — огромен.

Такой численный рост партии, главным образом, во время войны (чуть ли не в три раза) требует объяснения. Что заставило коммунистические верхи отказаться от своей традиционной политики набора в партию, политики «полуоткрытых дверей» и широко открыть прием в партию в момент максимальной, буквально смертельной, опасности для коммунистических верхов и для коммунистического режима в целом?

В момент окончания гражданской войны численность партии была резко сокращена с 3/4 милл. до 400 тыс. к середине 1923 года. Кронштадтское восстание и резонанс, вызванный им в партии, показали партийной верхушке опасность наличия массовой партии. С этого момента коммунистическая партия в стране строится, как сравнительно узкая политическая организация со всей идеологией, присущей ей, как организации заговорщиков. Последующие события показали, что такая партия неизбежно превращается в бюрократическую организацию, покорно следующую за своими партийными секретарями.

Это и заставило главарей «ленинградской оппозиции» Зиновьева и Каменева поставить вопрос о превращении партии в массовую рабочую организацию. Но Сталин придерживался иных взглядов. Для него нужна была не массовая рабочая партия, строящая социализм, а покорное сборище насильников, готовых по зову своего атамана на любые насилия и убийства в покоренной стране.

Сегодня ясно, что массовая партия в тот период затруднила бы Сталину проведение всей его насильнической политики, затруднило бы ему и проведение индустриализации страны за счет массового обнищания народа, низведение рабочих на положение нищих, не позволила бы ему превратить рабочих в бесправное быдло и лишить их всех завоеваний в годы революции. А в том, что коммунистическая партия во главе со Сталиным лишила русского рабочего всех тех прав и преимуществ, которые он приобрел в начале этого столетия, сомневаться может только тот, кто не знаком с истинным положением рабочего в России и в СССР.

Но уозсть социальной базы, на которой была построена партия в годы до второй мировой войны — быстро сказалась в самом начале ее. Для партийного руководства стало ясно,

что политическая партия, состоящая сплошь из бюрократов и одних только погонял — недостаточна для успеха в смертельной борьбе с Гитлером. К тому же опыт самого Гитлера показывал, что и массовую, многомиллионную партию, можно с таким же успехом заставить работать на себя, как это удавалось делать со сравнительно узкой партией в довоенные годы.

Война показала, что важно не мировоззрение и не идейность коммуниста, а важна чисто-правовая связанность человека с партией. Коммунист в глазах внешнего врага был тем, с кем в первую очередь надо было беспощадно расправиться, даже с пленным, что и делали немцы. В глазах народа, некоммунистов, каждый коммунист отвечает за содеянное коммунистической партией. И власть с ее хитростью и подлостью прекрасно оценила обстановку в этой решительной борьбе.

Связать людей морально-политической ответственностью с властью в глазах других, переложить ответственность на более широкие круги народа и заставить тем самым этих людей драться за интересы партии, хотя внутренне эти люди и не разделяют ее идеалов, а вынуждены драться лишь за свою собственную жизнь, трагически связанную с судьбой правящей партии — это диктовало коммунистическим верхам необходимость изменить политику приема в партию и приступить к массовому, принудительному набору в ее ряды. Эта тенденция — принудительного набора в партию, проявилась уже в годы НЭП'а, в т. н. «ленинские наборы». Перед войной они практиковались уже очень широко по отношению не только к рабочим, но и к молодой интеллигенции. Но эти наборы в партию производились все же индивидуально. Во время войны в партию зачисляли перед боем целые войсковые подразделения. Результатом этой политики явилось трехкратное увеличение численности правящей компартии за последние 15 лет. За предшествующие 15 лет партия выросла относительно еще больше — в 5 раз (примерно с 500 тыс. в 1924 г. до 2,5 милл. в 1939 г.), однако абсолютный прирост партийных рядов за последние 15 лет превышает чуть ли не в 2,5 раза прирост за период 1924-39 гг. (4,7 милл. против 2,0 милл.).

По отношению к населению компартия составляла в стране в 1939 г. всего только 1,5%. В настоящее время численность ее возросла до 3,6%.

Однако, сами по себе эти цифры не отражают истинной картины. По той простой причине, что партия вербует из

самого сильного, самого активного населения страны. Женщины составляют меньше 20% состава партии — 1414 тысяч Мужчин — 5,8 милл.

Если мы примем во внимание, что дети и юноши до 19 лет в 1939 году составляли 45,1%, а женщины 54%, то теперь из 200 милл. населения мужчин в стране не более 50 милл. *Это значит, что среди мужского населения коммунистов около 12%, или, почти, каждый восьмой является членом компартии.*

Но каждый из них имеет семью. Если принять коэффициент семейности только 3,5, учитывая, что некоторые семьи имеют двух членов семьи в партии, то мы определим ту часть населения страны, которая непосредственно связана с партией.

Население республик ныне опубликовано в справочнике «Народное хозяйство СССР», откуда мы его и заимствуем. По областям страны численность населения примем по итогам выборов в Верховный Совет СССР 14 марта 1954 г., незначительно их уменьшив, учитывая последние данные. По итогам выборов население должно составлять не менее 214 милл. тогда как на 1 апреля 1956 г. имеется только 200,2 милл.

Мандатная комиссия XX съезда партии опубликовала численность ряда делегаций, не указав, однако, в них числа делегатов с совещательным голосом. Делегаты с совещательным голосом представляли кандидатов в члены партии, точно так же из расчета один делегат на 5000 кандидатов.

В компартии на момент съезда числилось 7215,5.

В том числе:

Членов партии — 6.795,9 тыс. или 100%.

Кандидатов — 419,6 тыс. или 6,2% от числа чл. партии.

Это дает нам возможность установить численность партийных организаций по республикам и областям. Число делегатов дает нам число членов партии при умножении на 5000, а число кандидатов определяем ориентировочно, исходя из средней численности кандидатов в партии — 6,2%.

Численность коммунистического населения определяем умножением на коэффициент семейности 3,5 (до войны он равнялся 3,82).

Численность партийных организаций и коммунистического населения отдельно городов и сел можно установить только сугубо-ориентировочным подсчетом, причем только по Сов. Союзу в целом, без разбивки по областям и республикам.

Все имеющиеся данные и полученные расчетом, сведем в следующую таблицу.

Коммунистическое население по республикам и областям СССР

	Число делегат. съездов, гол	Коммун. и канд. в тыс.	Коммун. насел. в тыс.	Все насел. в милл.	Коммун. насел. в %	Одна ком. семья из:
СССР в целом	1355	7.215,505	25.254	200,2	12,6	8
в том числе:						
в городах	—	5.200,0	18.200	87,0	20,0	5
в деревнях	—	2.000,0	7.000	113,2	6,2	16
Грузия	14	74,3	260	1,6	16,2	6
Армения	33	201,8	706	4,0	17,7	6
Азербайджан	26	138,1	483	3,4	14,2	7
Казахстан	50	265,5	929	8,5	10,9	9
Узбекистан	30	159,3	557	7,3	7,6	13
Латвия*	14	74,3	260	2,0	13,0	8
Литва*	7	33,0	133	2,7	5,0	20
Эстония*	7	35,0	127	1,1	11,0	9
Молдавия*	8	42,4	145	2,7	5,4	20
Киргизия*						
Белоруссия	10	50,0	175	1,9	9,2	11
Украина	33	175,2	613	8,0	7,7	13
РСФСР	915	5.060,0	17.710	112,6	15,8	6-7
по разности	191	1.014,2	3.550	40,6	8,7	12
Области:						
Московская	150	796,5	2.787	11,0	25,3	4
Ленинградская	66	330,5	1.227	5,0	24,5	4
Куйбышевская	20	106,2	372	1,7	21,9	5
Горьковская	21	111,5	390	2,3	16,9	6
Челябинская	19	100,9	353	2,3	15,3	6-7
Молотовская	16	85,0	297	2,3	12,9	8
Кемеровская	16	85,0	297	2,3	12,9	8
Башкирская	17	90,3	316	3,0	10,5	9
Татарская	17	90,3	316	3,2	10,0	10
Киевская	20	106,2	372	2,3	16,4	6
Харьковская	18	95,5	334	2,3	14,5	7
Сталинградская	18	95,5	334	3,8	8,7	12
Днепропетровская	15	79,6	278	2,3	12,1	8

В наибольшей степени коммунизированы республики Закавказья и особенно Грузия. Процент коммунистического населения по РСФСР также выше среднего процента по СССР в целом.

* Данные о числе делегатов заимствованы из «Вестника» Института по изучению истории и культуры СССР. Мюнхен, 1956 г., № 2. Статья А. Авторханова. Мною внесены изменения, учитывая кандидатов партии.

Относительно низкий процент коммунистического населения в Белоруссии и в Украине объясняется тем, что эти территории были оккупированы немцами, в тот самый момент, когда партийное руководство особенно усиленно набирало людей в партию. Сельское население в меньшей мере вовлечено в партию. Поэтому в сельско-хозяйственных областях процент коммунистического населения более низкий.

Промышленные области охвачены партией в наибольшей степени. И если бы мы обладали полными данными по городам и промышленным центрам, то соответствующая цифра — численность коммунистического населения — достигала бы одной трети всего населения этих областей. Характерным примером является Московская и Ленинградская области. Правда, там расквартированы воинские части, повышающие процент коммунистов среди местного населения. Но учитывая малый охват партией сельского населения, мы должны прийти к выводу, что промышленное население охвачено партией больше, чем на одну четверть, вероятнее всего, на одну треть.

Количество коммунистов в сельских районах страны можно определить исходя из средних размеров сельских ячеек партии и их числа. Эти данные приведены в докладе Аристова, председателя мандатной комиссии XX съезда.

Из 80 тысяч колхозов, имеющих партийные организации: в 10.850 колхозах имеются организации от 3 до 5 коммунистов, что дает 44.000 человек, считая в среднем по 4 коммуниста в ячейке; в 6.000 колхозах имеются ячейки численностью от 26 до 100 членов или 420.000, считая в среднем по 70 членов организации; в 63.000 колхозов, что определяем по разности, имеются организации с числом членов от 6 до 25 или около 1.000.000 человек, считая 16 человек в среднем.

Несколько колхозов имеет организации с числом членов свыше 100. Однако их число не указано. Очевидно оно очень незначительно.

В 7.356 колхозах партийных организаций нет, что означает наличие в них меньше трех коммунистов. Это дает основание считать число коммунистов в этих колхозах 11.000.

В колхозах имеется, как видим, не больше 1,5 миллиона членов и кандидатов партии.

В совхозах и прочих организациях сельских мест число коммунистов навряд ли превысит 0,5 милл. человек. Если я и делаю некоторую ошибку, принимая эту цифру, она не изменит вывода. Таким образом, численность сельских коммунистов навряд ли превышает 2,0 милл. человек.

По разнице мы находим число коммунистов в городе — 5,2 милл. Остальные цифры приведены в предшествующей таблице.

При всей возможной неточности этих цифр, они всё же дают полное представление о распределении коммунистических сил в стране.

Точно также мы можем поступить с данными о составе членов и кандидатов партии по образованию.

В партии имеется:

с высшим образованием	801.384 чел. или 11,1%
с незаконч. высшим	256.856 чел. или 3,6%
со средним	1.593.505 чел. или 22,2%
с незаконч. средним	2.127.862 чел. или 29,7%
малограмотные	2.435.808 чел. или 33,4%

Лица с высшим, средним и незаконченным высшим и незаконченным средним образованием составляют ровно 2/3 состава партии. По переписи 1939 года численность этой группы в составе населения страны определена в 14,4 милл. человек. В данный момент численность этой группы следует принять примерно в 30 милл. Основанием служит удвоение лиц со средним техническим образованием и увеличение лиц с высшим техническим образованием в 2,4 раза. (См. «Народное хозяйство СССР» изд. 1956 г.). В этой группе насчитывается 4,78 милл. членов и кандидатов партии, или примерно 16%.

Опубликованная цифра специалистов с высшим образованием — 2.184 тыс. на 1 июля 1955 г. фактически обнимает всех лиц, имеющих высшее образование. Из этого числа в партии числится — 801,4 тыс. или 36,7%.

Любопытно, что точно такой же процент охвата партией и всех лиц с высшим и средним техническим образованием. По данным сборника «Народное хозяйство» специалистов с высшим и средним образованием имеется в стране 5,13 милл. Из них в партии состоит 1.878 тыс. чел. или 36,6%.

Общее число малограмотных в стране старше 19 лет следует принять максимально в 80 милл. человек. Среди этой группы имеется всего лишь 2,44 милл. членов и кандидатов партии, т. е. 3,0%.

В то время, как в группе лиц со средним и высшим образованием один коммунист приходится на 6 человек, а в группе лиц с высшим и с высшим и средним техническим

образованием больше, чем один на троих, в группе малограмотных только на 33 человека имеется один член или кандидат партии.

Что означает эта пропорция, учитывая семейность коммуниста?

Для малограмотных это одна семья среди 16, для лиц со средним и высшим образованием — это почти каждая третья семья имеет коммуниста в своем составе, а для лиц с высшим и специальным высшим и средним техническим образованием эта пропорция близка к половине, иначе говоря каждая вторая семья связана с компартией.

**
*

В настоящее время не может быть сомнения в том, что время бойкота коммунистической партии русской интеллигенцией уже далеко в прошлом. Причиной является не только политика партии, поставившей целью создать кадры коммунистической интеллигенции (вопроса о терроре я не затрагиваю), но и вся внутренняя и внешняя обстановка, содействовавшая превращению коммунистического эпизода в истории России в длительный социально-политический эксперимент не только уже на территории России, но и чуть ли не на третьей части земного шара.

Активные силы народа не могут оставаться без дела. Если они не в состоянии открыто бороться с властью, то они начинают ее использовать, прежде всего в своих личных целях. Можно как угодно осуждать массовый карьеризм, однако не надо забывать при этом, что массовое участие в партии интеллигентных сил страны вносит внутреннее изменение в природу самой партии.

Мы не имеем точных данных о партийном стаже членов партии. Косвенно можно определить, что число членов партии, вступивших во время и после войны, составляет не менее 80% численности партии. Коммунистов, вступивших в партию до периода сталинских пятилеток, насчитывается не более 5%.

Каков сегодня массовый коммунист мы можем судить по заявлению одного из вождей партии на XX съезде. «А не противоречит ли чувство любви к родине интернациональным обязанностям коммуниста?» — спрашивают некоторые коммунисты своих вождей. Навряд ли такой вопрос возможен был в партии, да еще с трибуны съезда, в эпоху НЭП'а и даже позже, вплоть до самой войны.

Войны перекраивают не только территории и географические карты, но и сознание народов и ведущих групп. Что это так — мы наблюдаем это повсеместно.

А наш народ пережил за эти сорок с небольшим лет три больших войны, три революции и сталинщину. Можно ли думать, что это не отразилось на его психологии и на его восприятии окружающей действительности?

Интеллектуальный рост нашего народа бесспорен. Бесконечно велик и рост национального сознания народа, чувства своей ценности, как особого общероссийского национального организма. Эти чувства усилены победой во вторую мировую войну и выходом страны в число первых мировых держав. Можно по разному относиться к этим фактам, но отрицать их нельзя.

Наравне с этим надо считаться и с ростом государственного сознания современной интеллигенции. Носит ли она в кармане партбилет или нет, но чувство национально-государственного сознания в ней неизмеримо сильнее, чем оно было среди нашей дореволюционной интеллигенции.

Коммунистическую власть во время войны спас не только народ в целом, ее спасла наша военная интеллигенция — этот истинный организатор военных побед. И когда сталинские авантюры после войны поставили наш народ и весь мир на грань новой катастрофы, то от нее спасла опять таки наша интеллигенция, прорвавшись на современные технические высоты. И если бы не это, то навряд ли комвладыки сегодня заседали в Кремле. И в этом наша трагедия. Живой народ не может не творить, но его творчество идет на пользу коммунистической диктатуры.

Партия правящая и сковывающая народ находится не вне народа, а внутри его. Партия пронизывает народ, но воздействуя на народ, партия сама находится под его воздействием. Психология народа находит отражение в партии. Это не может быть иначе, ибо никто не в состоянии порвать физических и духовных нитей, которыми народ связан, как единый живой организм.

И верхние круги партии прекрасно это учитывают и этого боятся. Массовая компартия слишком тесно связана с народом и потому легко может отказаться от «святая святых» коммунизма, его интернациональных обязанностей. Опасность перерождения партии интернациональных коммунистов в партию национальную всегда была и остается жупелом для ком-

мунистической верхушки. И массовая компартия сегодняшнего дня, как никогда, эту опасность может превратить в реальность.

**
*

Эту реальность коммунистические вожди ощутили очень резко сразу же после войны. И на первом же съезде партии после 2-ой мировой войны, коммунистические верхи сделали практический вывод.

Формально 19 партсъезд прошел под знаменем «гениальной» работы Сталина — «Экономические проблемы социализма». Сегодня эта работа брошена в мусорный ящик.

На самом деле краеугольным камнем всей работы съезда было принятие нового устава партии и закрепление в нем прав руководящего слоя в партии и правящего слоя в стране.

По сути на этом съезде произошло образование внутри массовой коммунистической партии более узкой политической партии, связанной другими связями и правами, чем связана массовая компартия. Эта внутренняя коммунистическая партия представляет истинную коммунистическую элиту, правящий слой коммунистического общества.

По замыслу коммунистических верхов только политически выкованная элита в состоянии сохранить верность интернациональным задачам коммунизма. И поэтому за ней должно быть сохранено право политического руководства страной и партией.

Исходя из этой задачи — первое что было сделано на 19-ом партсъезде — это ограждение руководящего слоя партии и государства от критики рядовой массы коммунистов. Принятием особого пункта в уставе партии были закреплены права и положение руководящих кругов партии.

Пункт 11 нового устава говорит: «Первичная организация не может принимать решения об исключении из партии коммуниста, если он является членом районного партийного комитета и выше вплоть до ЦК КПСС». Решение об исключении этой категории коммунистов может быть принято только пленумом того комитета, членом которого он состоит. Но и в этом случае, решение имеет силу только в том случае, если оно принято большинством членов этого комитета в 2/3.

Руководящие кадры компартии фактически всегда обладали особыми правами. И хотя в том же уставе подчеркнуто, что в партии не может быть двух дисциплин: одна для рядо-

вых членов партии, а другая — для руководящих работников партии, на самом деле это уже давно сложившееся положение в партии. Для руководителей партии не только существует особая дисциплина и особые права внутри партии, для них и советские законы не обязательны. И упомянутый пункт 11-й нового устава партии эти особые права партийной элиты закрепил уже юридически.

Однако, партийные верхи этим параграфом не только оградили себя от критики и подсудности рядовой партийной массе, но и от произвола своих верхов.

Этот пункт устава уже тогда, на 19 съезде партии, когда Сталин был еще живой, являлся предупреждением ему. И это понятно. Никто, как Сталин, систематически нарушал права ЦК партии. И не случайно Хрущев в своем секретном докладе на XX съезде вскрывал не принципиальные ошибки Сталина, а его преступления против «верных» сынов коммунистической партии. И в этом докладе Хрущева мы видим логическое продолжение той самой линии фактического и юридического утверждения слоя коммунистического дворянства, которое столь определенно было выражено на XIX съезде партии и нашло закрепление в партийном уставе.

Как велика эта группа внутри партии, за которой закреплены эти особые права? Я пользуюсь вычислениями А. Авторханова определившего численность правящего коммунистического сословия. (См. «Вестник» Института по изучению Истории и Культуры ССОР, Мюнхен, 1956 г., № 1).

Членов ЦК и кандидатов ЦК КПСС	236
15 центральных комитетов союзных респ. . .	1.200
175 областных и краевых партийных комит. . .	12.250
5800 городских и окружных парт. комит. . .	34.800
4886 районных комитетов	195.440
<hr/>	
Итого 243.815	

Часть лиц из этого числа входит одновременно в несколько комитетов. Таким образом, численность привилегированного правящего слоя составляет 200-220 тысяч человек. Это и есть истинные вершители судеб страны и народа. Эта группа и есть «благородное» сословие коммунистического «бесклассового» общества.

Если мы примем во внимание, что эта группа по своей численности равна половине коммунистической партии эпохи НЭП'а и в три раза больше, чем численность партии в момент

захвата ею власти в Октябре 1917 года, то размер ее совсем не мал, как бы не велика была страна.

Но к ней надо прибавить около 200 тысяч секретарей парткомитетов первичных ячеек, не входящих в состав районных и иных партийных комитетов. Все эти люди кандидаты на свободные места в этих комитетах в будущем. Кроме них имеются категории коммунистов, ждущих своей очереди — попасть в состав привилегированного сословия коммунистического общества. Все это по существу кандидаты в политическую элиту, в ту внутреннюю коммунистическую партию, коотрая собственно и является таковой.

Эта истинная партия коммунистических заговорщиков замаскирована под массовую компартию. И понятно — почему коммунистическим верхам пришлось встать на такой путь. Обстановка в стране и особенно война заставили решиться на массовый прием в партию. После войны нельзя было пойти на такой же шаг, как и после гражданской войны, когда почти половина партии «за ненадобностью» была исключена партийной верхушкой. Нельзя потому, что надобность в такой массовой партии не отпала. Кроме того, после почти сорокалетнего господства коммунизма и «завершения строительства социализма» нельзя тактически иметь компартию в каких-нибудь 600-700 тысяч человек. Тем более, что в странах капитализма при населении в три раза меньшем имеются многомиллионные коммунистические партии, как например в Италии и во Франции.

Массовая компартия, как и комсомол, это только орудия, с помощью которых верхи правят и управляют народом. Это тот самый «привод» к истинной политической партии коммунистов, каким в свое время рассматривались профсоюзы. Массовая компартия это только социальный инструмент управления общественным организмом в условиях коммунистической диктатуры.

Привилегированное состояние составляет только одну десятую процента населения в стране и одну треть процента, учитывая семейность коммунистических верхов. И только включив в число этого слоя людей, ждущих чести попасть в него, т. е. кандидатов этой внутренней партии в партии, мы можем численность ее принять в 600-700 тысяч и, учитывая семейность, размер этого слоя принять примерно в 1% населения страны.

Этот слой пользуется всеми правами политического, правящего слоя. Он опора коммунистической диктатуры, он про-

водник ее решений и сам принимает свои собственные решения. О нем нельзя сказать иронически, что он «благоденствует, ибо молчит». Он истинно благоденствует среди моря голодных, нищих и бесправных людей. И он не молчит, а славословит тот режим, который вывел его «из грязи, да в князи».

XX-й съезд партии это политический форум для привилегированной коммунистической элиты, коммунистического дворянства, пока что пожизненного. Превратится ли оно в потомственное — это еще трудно сказать.

**

Что собой представляет весь руководящий слой в партии — мы не знаем и данных для суждения не имеем. Но о составе делегатов съезда данные имеются. Они опубликованы в докладе мандатной комиссии съезда.

Из 1355 делегатов с решающим голосом было:

До 40-летнего возраста	20,3%
От 40 до 50 лет	55,7%
Старше 50 лет	24,0%

Те, кому сегодня 50 лет, в 1917 году были еще детьми. По меньшей мере 80%, а может и 85% делегатов съезда не знали гражданской войны. И 75% делегатов съезда вошли в сознательную жизнь к концу периода НЭПа.

Партийный стаж делегатов говорит о большем. Вступили в партию:

До Октября	1,6%
С 1917 по 1920	4,5%
С 1921 по 1930	24,9%
С 1931 по 1940	34,0%
С 1941 по 1945	21,6%
С 1946	13,4%

Хотя подавляющая масса делегатов — 70% вступила в партию после коллективизации и начала пятилеток, не она была ведущим ядром на съезде. Руководящим ядром были коммунисты, вступившие в партию в период гражданской войны и НЭПа. И тем не менее, обновление состава партии и ее руководящего слоя — налицо. Делегаты съезда в массе своей люди, вошедшие в партию после коллективизации. А 35% делегатов съезда вошли в партию в порыве Второй мировой войны, когда перед многими встал вопрос о защите родины и физическом существовании народа.

Состав делегатов по профессиям дает нам представление — кто играет решающую роль в определении политики партии и государства.

Состав этот следующий:

Партийный аппарат	37,3%	506	человек
Советский аппарат	13,0%	177	”
Профсоюзн. и комсомол. аппарат	1,5%	20	”
Промышл. и транспорт	18,5%	251	”
Сельское хозяйство	14,0%	187	”
Армия	8,0%	106	”
Область культуры, декоративные делегаты и прочие	8,0%	108	”
		1355	
	Всего 100%		”

Партийный, советский и профсоюзно-комсомольский аппарат представлен 52% делегатов съезда. Причем, подавляющее большинство из них это представители партийного аппарата. Но советские и профсоюзно-комсомольские работники это тот же партийный аппарат.

Руководящие работники хозяйства, составляющие все вместе почти треть делегатов съезда (32%), это те же партработники в прошлом и члены областных, краевых, окружных, городских и, на худой конец, районных партийных комитетов в настоящем. Но и не принимая это во внимание, состав делегатов XX съезда показывает, что истинным вершителем и распорядителем судеб страны и народа является *аппарат коммунистической партии*. Диктатура коммунизма олицетворена в аппарате партии и только в аппарате партии. Всякого рода спекуляции о решающей роли советского или военного аппарата не имеют никакой под собой почвы. И если расстрел Берии показал, что сил НКВД недостаточно для захвата политической власти в стране, вопреки желанию партийного аппарата, то ни армия, ни тем более советский аппарат сделать этого не могут.

Опыт восхождения Сталина к власти показывает, что он пришел только тогда, когда полностью и окончательно прибрал к своим рукам партийный аппарат. А лишение Маленкова власти в партии на другой же день после смерти Сталина показало, что звезда его клонится к закату. По крайней мере, с того момента его шансы на роль диктатора свелись к нулю.

Чем вызвано выдвижение Никиты Хрущева на первое место? Думаю, что именно он, а никто другой, отражал в такой мере и с такой последовательностью интересы правящего слоя в партии. Надо напомнить, что Хрущев был председателем той комиссии, которая выработала новый устав партии и включила в него пункт 11-й, ограждающий партийную элиту от произвола верхов и ставящий ее в привилегированное положение в стране и партии. И Хрущев был докладчиком по этому вопросу на XIX партийном съезде. Такого рода услуги не могут быть забыты. И мне кажется, что именно это определило выдвижение Хрущева на роль первого секретаря партии.

Для полной картины состава делегатов съезда следует привести данные об образовании.

С высшим	56,0%	или 756 человек
С незаконч. высшим ..	8,5%	или 116 „
Со средним	12,5%	или 169 „
Ниже среднего	23,0%	или 312 „

Хотя в число лиц с высшим образованием включены окончившие партийные школы, тем не менее рост группы лиц с высшим образованием в числе делегатов съезда является фактом большого значения. Он отражает не только положение в партии, но и в стране. Именно эта группа была решающей в составе делегатов съезда. Решающей она была не только в силу своего интеллектуального превосходства, но и количественного отношения.

На XX съезде всему партийному аппарату поставлена задача — учиться тому делу, которым тот или иной аппаратчик управляет. На практике это означает замену политических работников типа комиссаров, эпохи первых лет революции, профессионалами, специалистами в той или иной области хозяйства.

Принятое на этом съезде решение о ликвидации политотделов в армии, на транспорте и в сельском хозяйстве говорит о том же. Роль коммунистов с профессиональным образованием продолжает увеличиваться.

Этому способствуют два обстоятельства: рост числа лиц с профессиональным образованием в составе партии и требования обстановки в стране. Страна все больше нуждается в квалифицированном руководстве. Даже политическое руководство промышленными районами требует каких-то технических знаний. Тоже можно сказать и о сельско-хозяйственных районах.

Этим объясняется сдвиг внутри партии в сторону ее технизации. Выше мы привели цифру, показывающую, что свыше четверти членов партии (1876 тыс. или 26,5%) являются лица с высшим и средним техническим образованием. Это обстоятельство дает основание говорить о засилии технократии. На самом деле это не совсем так. Это скорее процесс технизации руководящего слоя в партии, чем засилие технократии.

Наличие технического образования и технико-административного опыта не дает еще основания попасть в состав политической партийной элиты. Недостаточно для этого и партийного билета. Необходима политическая подготовка, коммунистическая закалка. А это дается только практическим опытом руководства партийными организациями, начиная с должности секретаря первичной партийной организации. И только лица, прошедшие политический отбор из числа имеющих техническое образование, могут рассчитывать попасть в состав политической элиты. Но чаще всего происходит обратное. Лица с партийно-политическим опытом проходят курс технической подготовки в соответствующих учебных заведениях.

**

Рост численности партии в военные и послевоенные годы кардинально изменило социально-политическую структуру советского общества. Партия из небольшой сравнительно группы политических единомышленников и отъявленных карьеристов, какой она была в предвоенные годы, в ходе войны превратилась в массовую организацию. Этому способствовал не столько патриотический подъем, сколько принцип поощрения, «добровольно-принудительный», как его называют в народе. Этот принцип давно уже стал сутью коммунистической системы, но в отношении приема и зачисления в партию он с наибольшей силой расцвел в годы войны. Надо принять во внимание и другое обстоятельство. Можно иметь семь пядей во лбу, но без партийного билета в условиях советской системы карьеры не сделаешь и даже не сможешь создать мало-мальски сносную жизнь себе и своей семье. Герои встречаются единицами. Массе геройство чуждо. Люди вынуждены приспособляться. И это способствовало массовому росту партии.

В результате городское и промышленное население страны, если не на одну четверть, то на одну пятую непосред-

ственно связано с партией. Эта связь выражается прямым вхождением главы семьи в партию и родственным отношением к нему его собственной семьи. Если бы мы приняли во внимание дальнейшие родственные связи, то очень немногие лица в СССР смогли бы сказать, что среди их родственников отсутствуют коммунисты.

Население крупных промышленных центров и ряда областей, такие как Грузия, Московская и Ленинградская, охвачено партией в еще большей мере.

Крестьянство в массе своей продолжает стоять в стороне от партии. Объяснение этому явлению надо искать не в одном только инстинктивном антикоммунизме крестьянства, но и в практической бесцельности для него пребывать в партии. В массе крестьянство отсутствуют карьеристические побуждения. И сама жизнь не вызывает их. Это и приводит к тому, что факт вхождения в партию ему ничего не дает, возможно кроме отчуждения односельчан. Но об этом последнем обстоятельстве сегодня мне судить трудно.

Но не только само отталкивание крестьян от партии дает малое их участие в ней. Политика партии всегда была враждебной крестьянству, пропитана недоверием к нему. И внутренне коммунистическая партия осталась такой же враждебной к крестьянству. И даже сейчас, после почти тридцатилетнего непрерывного голода народа, коммунистические верхи не в состоянии произвести переоценку всей своей антикрестьянской политики. Это и понятно, переоценка крестьянской политики коммунизма ведет к прямому отказу от марксизма, мировоззрения коммунистической партии..

Но не одно крестьянство в своей массе стоит в стороне от коммунистической партии. Совершенно аналогичная картина наблюдается и в группе малограмотных. Основное рабочее население, имеющее начальное образование 3-5 классов семилетки, или его вовсе не имеющее, представлено в партии почти в той же пропорции, как и российское крестьянство, примерно в 6½% коммунистических семей (считая двух взрослых в семье — см. выше).

Зато совершенно иная картина в группах, имеющих образование. И чем выше образовательный ценз, тем выше участие в коммунистической партии.

Все это заставляет сделать вывод, что ставка партийных верхов на советскую интеллигенцию не случайна. В интелли-

генции коммунистическая верхушка видит решающую силу общества. От роли пролетариата, как «мессии» коммунизма, ничего уже не осталось, кроме застарелой пропагандной фразеологии.

Коммунистическая партия большевиков никогда не была рабочей партией. Теперь партия и официально признала на партийном съезде, что она не является больше «передовым отрядом» рабочего класса. В новом уставе партии говорится так: «коммунистическая партия есть добровольный союз единомышленников-коммунистов, организованный из людей рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции».

Как видим, партия в своем уставе зафиксировала фактическое положение вещей. Трехединая формула подчеркивает солидарность социальных групп в стране. С политикой классово-рози можно идти захватить власть, но с этой политикой нельзя, сколько-нибудь долго, строить государство, даже такое уродливое, как коммунистическое.

На XX съезде, как известно, коммунистическое руководство признало ошибочной сталинскую формулу об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. С этой формулой Сталин пошел на войну с крестьянством и с остатками интеллигенции. Под эту формулу «великого теоретика» марксизма-ленинизма были подведены расправы Сталина не только с народом, но и с партией в годы после убийства Кирова и ежовщины.

Отказ коммунистического руководства от этой сталинской формулы показывает, что эта позиция не случайна. Она явно перекликается с приведенным выше определением партии. Это говорит и о том, что коммунистическое руководство отказалось теоретически, по крайней мере, от идеи непрерывной борьбы с народом. От этого отказа до практического осуществления законности и правосудия дистанция может okazaться еще очень долгой во времени.

Увеличение численности партии не дает основания для вывода о принятии этими людьми коммунизма, того коммунизма, о котором печется коммунистическая верхушка. Партийный билет давно уже стал «хлебной карточкой». И только очень немногие принимают политическую доктрину коммунизма как свое личное мировоззрение. Из самого факта, что 80% коммунистов вступили в партию во время и после войны и 95% вступили после сталинской коллективизации, должно сделать вывод о несоответствии этого нынешнего коммуниста

с его предшественником эпохи гражданской войны и коллективизации.

На XIX партсъезде Маленков подчеркнул, что партия количественно выросла, но качественно очень слаба. А обособление в партии его руководящего слоя говорит только о том, что массовая партия не пользуется доверием у своих собственных вождей.

Руководящая политическая партия коммунистов сегодня замаскирована под массовую коммунистическую партию. И последняя является только формой организации народного актива для политического воздействия на широкие народные массы. Сегодня границы между коммунистом, входящим в массовую компартию, и беспартийным быстро стираются.

О каком противопоставлении коммуниста беспартийному может идти речь, скажем, в армии, где около 80% офицерского состава является членами компартии. Такое же положение среди высших кругов интеллигенции, особенно технической.

Массовая компартия точно так же, как и комсомол, только социально-политический инструмент в руках правящих верхов для управления народом.

Наличие массовой политической организации в стране, хотя бы и в условиях самой свирепой диктатуры, имеет огромное значение для будущих судеб России.

**

Миллионы людей проходят политическую и организационную выучку и в партии, и в комсомоле. Как бы та и другая организация не были зажаты своими верхами, тем не менее, только в этих организациях имеется возможность участвовать в политической жизни. Мы не обманываем себя, применяя слово — участвовать. Как бы не было мало это участие рядового партийца и комсомольца в существующих коммунистических организациях, он приобретает знакомство с политической деятельностью, у него развивается к ней вкус. А без этого, хотя бы элементарного знакомства с политической деятельностью, не может быть и потребности в политической свободе.

Относительно сказанного найдется много возражений, но возражающим следует иметь в виду, что я пишу не о желаемом, а о фактическом положении в стране. Все строится из

того, что есть в наличии. И наш народ проходит сегодня не только коммунистическую, но и общеполитическую выучку. Эта выучка неизбежно явится фундаментом для будущего. И все, что в ней будет отрицательного и положительного скажется в будущем.

Как придет Россия к политической и всякой иной свободе — мы не знаем. Но в любом случае сегодняшние коммунисты и комсомольцы составят кадры свободных политических, но уже демократических, организаций. И мало того, они составят и руководящие кадры этих организаций. Говоря об этом, я не исключаю и тех, кому удалось избежать участия в коммунистической партии.

Либерализация режима в стране и развитие демократии внутри партии неизбежно приведут к образованию фракций внутри партии и затем к распаду ее. И какие бы отчаянные меры не принимали коммунистические верхи, законы исторического развития неумолимы. И если коммунистическая диктатура не приведет раньше страну к катастрофе и в этой катастрофе не погибнет сама, то она неизбежно будет взорвана изнутри. И не исключено, что этот взрыв может произойти раньше всего внутри самой партии. Слишком сложна обстановка в стране и в мире и слишком рискована та игра, которую все еще продолжают вести коммунистические верхи.

Коллективная диктатура ставит сейчас задачу оживить демократические методы внутри партии. Оживлять их приходится руками тех, кто вместе со Сталиным полностью их уничтожил. Но этот переход к принципам внутри-партийной демократии происходит в исторически совершенно иных условиях, отличных от эпохи первых лет революции. Отличие заключается в том, что в стране сложился хозяйственный строй, соответствующий промышленной эпохе. От того, что существующий ныне строй еще в коммунистических оковах, это не в силах помешать проявлению жизненных потребностей самого строя, проявлению его роста. Эта потребность самого строя властно требует раскрепощения его от всего догматического, от всего наносного, связанного с мертвой доктриной правящей партии. И эти силы, заложенные в существующем уже строе, неизмеримо мощнее, чем они кажутся нам на первый взгляд. На эти стихийные силы нельзя одеть узду, рано или поздно они прорвутся. Найдутся и люди в стране, которые станут их знаменосцами.

Крестьянство в судьбах России

1. Крестьянство и партия

«Песня песней» коммунизма — «Манифест коммунистической партии» говорит, что капиталистическое общество все более и более раскалывается на два больших враждебных лагеря, два больших, стоящих друг против друга, класса — класс буржуазии, или собственников средств производства, и класс пролетариата или рабочий класс, лишенный средств производства. Что касается крестьянства, то «Коммунистический Манифест» относит его к средним классам и считает, что, как средний класс, крестьянство всем ходом экономического развития обречено на распад: одна часть крестьянства богатеет и поднимается в состав буржуазии, а другая, более значительная часть, разоряется и опускается в состав пролетариата. В результате этого процесса сельско-хозяйственное производство становится обычным капиталистическим производством, имеющим капиталистов-фермеров с одной стороны и сельскохозяйственных рабочих-пролетариев с другой. Коммунистическая партия ориентировалась не на крестьянство, а на пролетариат и в борьбе за свою власть стремилась использовать прежде всего, именно, пролетариат. К крестьянству коммунистическая партия относилась и относится отрицательно, так как крестьяне являются не только непосредственными тружениками, но, одновременно, и частными собственниками средств производства. Коммунистическая партия борется против частной собственности на средства производства, значит, и против крестьян, поскольку они являются такими собственниками. В свою очередь и крестьяне, зная это, относились и относятся к коммунистической партии тоже отрицательно. Но Россия — страна крестьянская. Из общего состава населения России в 1913 году жило в деревне 82,3% и в городе всего 17,7%. Как же могло случиться, что коммунистическая революция произошла в первую очередь именно в России? Коммунистическая революция произошла в России вследствие ряда благоприятно сложившихся для большевиков обстоятельств, в

частности, вследствие того, что крестьянство дореволюционной России жило плохо¹ и было не однородным. В экономическом отношении крестьянство (как это можно установить не только по официальной советской статистике, но и по объективной земской статистике) распадалось в основном на три группы; зажиточные крестьяне («кулаки»²) — 15%, крестьяне среднего достатка (середняки) — 20% и маломощные крестьяне (бедняки) — 65%. Значит две трети крестьян были маломощными, жили очень бедно и несомненно желали радикальных перемен. Коммунистическая партия хорошо это учитывала и еще в 1894, а затем, в 1905 г. Ленин писал о необходимости союза рабочего класса с беднейшим крестьянством³.

Коммунистическая партия победила в революции отчасти потому, что она хорошо учитывала классовую структуру России вообще и это расслоение крестьянства в особенности. В соответствии с этой структурой партия разработала свою революционную тактику, которая полагала необходимым трудности преодолевать по частям, отдельными этапами; причем, для каждого этапа иметь соответствующие лозунги. Широко известны, например, три, связанных с крестьянским вопросом, лозунга коммунистической партии, выражавшие политическую тактику революционного времени. Напомним их в сокращенном виде.

Первый лозунг — союз рабочего класса *со всем крестьянством* против царя и помещиков, т. е. против дворянства. Этот лозунг нашел свое осуществление во время Февральской революции.

¹ Интересные материалы о положении дореволюционного крестьянства приводятся в работе народника агронома И. Ф. Скворцова «К земельной реформе новой России» 1956 г., т. I, стр. 85-89.

² «Кулаки» — деревенские торговцы-ростовщики — занимали в составе населения совершенно ничтожный процент. Коммунисты в пропагандно-политических целях называли кулаками зажиточных крестьян-тружеников, которых считали своими политическими врагами и против которых коммунистическая пропаганда стремилась настроить народ.

³ В работе: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» 1894. Соч. Изд. II, том I, стр. 51-222 и в работе: «Две тактики социал-демократии в демократической революции». 1905. Соч. Изд. II том VIII, стр. 27-126.

Второй лозунг — союз рабочего класса с *трудовым крестьянством* против буржуазии и в первую очередь против городской буржуазии. Этот лозунг нашел свое осуществление в Октябрьскую революцию. «Коммунистическая Партия Советского Союза, говорится в уставе КПСС, организовав союз рабочего класса и трудового крестьянства, добилась в результате Великой Октябрьской Революции 1917 года свержения власти капиталистов и помещиков».

Третий лозунг — союз рабочего класса с *беднейшими* крестьянством против кулаков или деревенской буржуазии⁴, то есть лозунг «ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации». Этот лозунг нашел свое осуществление в третьей революции, революции сверху, известной под именем коллективизации. Коллективизация представляла собою именно революцию, то есть

«глубочайший революционный переворот, скачек из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 г.»⁵

В результате коллективизации частные собственники средств производства в сельском хозяйстве были ликвидированы и деревня стала в этом смысле бесклассовой.

Деревня стала бесклассовой, но психологически осталась крестьянской и по-прежнему враждебной коммунизму.

«Было бы ошибочно думать, — говорил Сталин, — что ежели даны колхозы, то дано все необходимое для построения социализма. Тем более ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина — колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества»⁶.

⁴ После октябрьской революции, именно в 1918 году, Ленин сформулировал эту политику так: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянством — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту». См. Соч. т. XXVIII, стр. 171.

⁵ «История Всесоюзной Коммунистической Партии» (большевики) Краткий курс. Стр. 291-292.

⁶ И. В. Сталин «Вопросы Ленинизма». Изд. II, стр. 289-290.

Но дело, конечно, не только в психологии, хотя и она имеет существенное значение. Дело прежде всего в том, что коммунистическая партия, как единая и монополярная политическая партия, не может существовать не только в крестьянской стране, ибо, как говорил Ленин,

«...пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная база, чем для коммунизма»⁷,

но она не может существовать и в стране, где ведущими являются два класса. Это — политическая аксиома, которую Ленин отлично понимал и на которую он неоднократно указывал партии. Уже будучи на смертном одре он в своем политическом завещании специально подчеркивал, что

«Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол»⁸.

В этом суть. Либо «соглашение» в смысле слияния классов и превращения страны в бесклассовое общество, обеспечивающее «устойчивость» монополярной партии, либо падение и гибель. Вот почему сразу же после коллективизации, то есть после третьей революции наступил период подготовки четвертой революции, идеей которой является уже ликвидация всего колхозного крестьянства как класса и превращение его в разновидность индустриального пролетариата. Эта идея нигде и никем не сформулирована в качестве лозунга, но во всей политике коммунистической партии по крестьянскому вопросу она безусловно и неукоснительно подразумевается.

Конечно, превращение крестьянства в разновидность рабочего класса — процесс достаточно сложный и достаточно длительный. Он требует, прежде всего, «переделки» или перевоспитания самих крестьян, как мелких товаропроизводителей и как носителей враждебной коммунистической партии психологии.

⁷ В. И. Ленин. Соч. т. XXVI, стр. 46.

⁸ «Завещание» Ленина впервые опубликовано в СССР в журнале «Коммунист» 1956. № 9 стр. 17. За границей оно было опубликовано в книге — *Leon Trotsky. The Real Situation in Russia*, translated by Max Eastman, New York, Harcourt, Brace and Comp., pp. 320—323.

«Уничтожить классы, — говорил Ленин, — значит не только прогнать помещиков и капиталистов — это мы сравнительно легко сделали — это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их... можно (и должно) переделать...»⁹,

и, затем, кроме переделки крестьян, процесс этот требует создания таких политических и экономических условий в стране, которые объективно необходимы, как предпосылка четвертой революции. Но подготовка этих условий (о них речь впереди) требует также очень больших сроков. И если подготовка второй — октябрьской революции требовала от большевиков всего 8 месяцев, а подготовка третьей — коллективизаторской революции требовала уже 12 лет, то подготовка четвертой — завершающей революции требует еще более длительных сроков и проблема сводится к тому — какая революция наступит раньше — «крестьянская революция сверху», или антикоммунистическая революция «снизу». Во всяком случае подготовка «крестьянской» революции сверху идет усиленными темпами и последние 20 лет, в течение которых она ведется, дали уже существенные результаты. Колхозное крестьянство разными путями подводится и во многом оно уже подведено вплотную к превращению его в разновидность индустриального пролетариата, в группу сельскохозяйственных рабочих. На некоторых (но не всех) моментах этого подготовительного процесса, имеющего большое значение для судеб России, мы и остановимся в общих чертах.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Изд. 3, т. XXV, стр. 189. Отметим попутно, что Н. Валентинов в своей, как всегда, содержательной статье «Встречи с Андреем Белым», помещенной в «Новом Журнале» 1956 г. кн. XLVI вспоминает свои беседы по марксизму, которые он вел с Андреем Белым и в которых подчеркивал, что «Капиталистическое развитие по Марксу ведет к уничтожению крестьянства, к его уходу в город или превращение в сельских рабочих». И дальше «Георг Эккартис в брошюре, одобренной Марксом, писал, что мелкое крестьянское хозяйство обречено на гибель, оно балласт в современном социально-политическом развитии». (стр. 88). Так коммунистическая партия и рассматривает крестьянство в СССР. Н. Валентинов делает оговорку, что «Маркса можно толковать и по-иному: факты показывают, что крестьянство не подвергается полному исчезновению» (стр. 89). В СССР оно обречено партией на полное исчезновение безоговорочно.

2. Личное хозяйство

После коллективизации личное хозяйство колхозников — это самый важный и, в сущности, последний плацдарм, на котором колхозники отстаивают свое бытие в качестве крестьян и это последний бастион крестьянства, который партия штурмует уже 20 лет, справедливо полагая, что не уничтожив личного хозяйства, не оборвав последних корней экономической независимости колхозников нельзя считать коммунистическую революцию завершенной и нельзя преобразовать колхозное крестьянство в простую рабочую силу.

Личное хозяйство колхозников состоит из двух связанных между собою отраслей: приусадебного участка и домашнего скота.

Приусадебные участки имеют, как известно, ничтожные размеры и общее количество занятой ими земли по сравнению с земельными фондами колхозов составляет всего 1,8% (Земли под сельскохозяйственными угодиями колхозов — 396,6 милл. га, а под приусадебными участками колхозников — 6,9 милл. гектаров). Но так как на этой микроскопической площади проявляется личная заинтересованность, личная инициатива и независимое хозяйственное творчество колхозников, то приусадебные участки дают большой экономический эффект и приобретают серьезное значение не только для самих колхозников, но и для всего народного хозяйства. Достаточно, например, сказать, что около половины всех овощей производится в СССР на приусадебных участках.

Однако, партия в своем отношении к приусадебным участкам руководится не экономическими, а указанными выше политическими целями. Под разными предлогами партия упорно и систематически ведет линию на сокращение приусадебных участков и превращение их в экономический нуль. В 1935 году партия резко ограничивает приусадебные участки (см. устав с.-х. артели). В 1939 году (27.5) снова сокращает их. В 1946 году (19.9) корректирует их, требуя возврата всего, что колхозники во время военного развала прирезали к приусадебным участкам. Наконец, в 1956 году партия организует буквально поход против личного хозяйства колхозников вообще и приусадебных участков в особенности. Уже в начале года промелькнули в печати заметки о нерадивых колхозниках и их приусадебных участках. Затем, на XX съезде пар-

тии 24.2.56 г. выступил по шпаргалке коллективного руководства партии некто Орловский — председатель колхоза «Рассвет» Белорусской ССР — со следующим фарисейским заявлением:

«В нашем колхозе приусадебный участок уже стал, по сути дела, второстепенным источником доходов колхозной семьи. Поэтому следовало бы провести работу по уменьшению размеров приусадебных земельных участков, находящихся в личном пользовании колхозников. Это мероприятие позволило бы увеличить земельный фонд колхоза, а главное, еще больше укрепить трудовую дисциплину. Многие наши колхозники подают заявления с просьбой сократить размер приусадебного участка наполовину — до 0,30 га. Эти просьбы мы, конечно, удовлетворяем. В настоящее время уже 60% колхозников имеют приусадебные участки по 0,30 гектара»¹⁰.

И хотя на 20 съезде по этому вопросу больше не было сказано ни одного слова, а в резолюциях съезда не было записано ни одного решения, однако, уже через две недели по окончании съезда коллективное руководство партии опубликовало рекомендацию-директиву относительно дальнейшего сокращения и экономического аннулирования приусадебных участков.

В рекомендациях, опубликованных 10.3.56 в качестве постановления ЦК КПСС и Сов. Министров СССР говорится, что

«Личное приусадебное хозяйство колхозного двора должно носить подсобный характер, оно необходимо **пока** общественное хозяйство колхозов недостаточно развито для того, чтобы одновременно в полной мере удовлетворить и общественные нужды колхоза и личные потребности колхозников... Необходимо стремиться, чтобы... приусадебный участок и доходы, получаемые от него действительно играли подсобное значение... чтобы на приусадебных участках разводились сады, ягодники, как украшение быта колхозников»¹¹.

Такова общая линия на экономическое упразднение или аннулирование приусадебных участков, на превращение их из производственных хозяйств в «украшение быта колхозников». Правда, это пока перспективная линия. Пока колхо-

¹⁰ «Правда» 25.2.1956.

зы не удовлетворяют потребностей народа, — что признает и коллективное руководство партии (интересно, что даже отсталое сельское хозяйство дореволюционной России не только удовлетворяло все потребности народа, но и давало огромное количество продуктов для вывоза за границу), — пока приходится мириться с наличием приусадебных участков и в качестве производственных хозяйств. Однако коллективное руководство партии особо подчеркивает, что приусадебные участки должны быть только подсобными, не обеспечивающими существования колхозной семьи, и что

«следует не допускать увеличения приусадебного земельного фонда за счет общественных земель колхоза, наоборот, стремиться к его сокращению»¹¹.

Такое сокращение и началось в 1956 году. В отличие от предыдущих сталинских сокращений теперешнее сокращение, проводимое коллективным руководством партии, стремится не только уменьшить размеры приусадебных участков, но и превратить их в орудие колхозного закабаления, в средство принуждения всех работоспособных членов колхозной семьи к работе в общественном хозяйстве. Коллективное руководство партии требует

«При определении размера приусадебных участков исходить из того, чтобы семьи колхозников, в составе которых имеются трудоспособные колхозники, не работающие в колхозе, или принимающие недостаточное трудовое участие в общественном хозяйстве артели, имели бы размеры приусадебной земли **меньше**, чем семьи колхозников, добросовестно работающие в колхозе»¹¹.

Говоря о «недобросовестных», «нерадивых» колхозниках, о тех, которые

«не занимаются общественно-полезным трудом, то есть систематически не работают в колхозах»¹¹,

коллективное руководство партии, считая, очевидно, работу на приусадебных участках общественно-бесполезным трудом, требует

«чтобы колхозы в отношении этой категории лиц сами решали, следует ли им представлять возможность пользоваться приусадебными участками»¹¹.

¹¹ «Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о уставе сельско-хозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели». См. «Правда» 10.3.1956. Подчеркнуто нами.

Таким образом, в 1956 году партия начала, во-первых, сокращение размера приусадебных участков; во-вторых, превращение размера приусадебных участков в величину не постоянную, зависящую от трудового участия колхозной семьи в общественном хозяйстве (ряд колхозов отрезают поэтому от существующих приусадебных участков общие массивы, в которых каждый колхозный двор имеет кроме оставшегося при доме постоянного участка второй участок, размеры которого ежегодно пересматриваются); в третьих, превращение приусадебных участков в средство принуждения всех членов колхозной семьи к работе в колхозе; в четвертых, ликвидацию приусадебных участков «нерадивых» колхозников, а значит и превращение части колхозного населения в пролетариат.

Это, начатое в 1956 году, развернутое наступление партии на последний оплот крестьянства — приусадебные участки — проходит не везде гладко. Ряд колхозов пробуют затянуть выполнение рекомендации ЦК КПСС и уклониться от их выполнения, то есть пытаются еще вести какую-то борьбу за приусадебные участки. Борьба эта не новая и до сих пор велась с переменным успехом. Были периоды, когда колхозники не только отстаивали свои приусадебные участки, но и «не законно» увеличивали их размер. Так было в первые годы после сплошной коллективизации¹². Так было и во время войны, когда колхозники, пользуясь ослаблением контроля партии, снова увеличили свои участки¹³. И каждый раз партия не только восстанавливала «законный» размер приусадебных участков, но и сокращала этот размер. Сейчас положение серьезнее. Партия не только сокращает размер приусадебных участков, но и изменяет их характер, их смысл. И сейчас колхозники реагируют на это новое наступление партии особенно болезненно. Глухое брожение в деревне несомненно усиливается.

Наступление партии захватывает и другую отрасль лич-

¹² В указе Верховного Совета СССР от 27.5.1939 г. говорится об этом, например, следующее: «Колхозники обходя закон легальным способом стягивают крупные участки земли» (См. «Правда» 28. 5. 1939).

¹³ В постановлении Совета Министров СССР от 19. 9. 1946 г. колхозники обвинялись уже «в расхищении общественных земель колхозов, в растаскивании колхозной собственности» (См. «Известия» 19.9.1946).

ного хозяйства колхозников — их индивидуальное животноводство. В индивидуальном животноводстве так же как и на приусадебных участках проявлялась личная заинтересованность, личная инициатива и независимое хозяйственное творчество колхозников и поэтому несмотря на партийные тормозы колхозники и здесь сохраняли некоторую экономическую базу крестьянского бытия. На 1 октября 1955 г. было, например, следующее количество скота в колхозах и у колхозников: (в тысячах)¹⁴

	в колхозах	у колхозников
Коров	10775	12187
Свиней	23236	14996
Овец	82435	23235
Коз	2607	9654

Таким образом, коров и коз у колхозников было больше, чем в колхозах. И так как коровы у колхозников дают более высокие удои, чем коровы в колхозах, ибо

«...уже более десяти лет удои молока в колхозах... не превышают 1000-1070 кг в год от одной коровы»¹⁵,

— то ясно, что количество молочных продуктов, получаемых от индивидуального животноводства колхозников превышает количество молочных продуктов, получаемых от общественного животноводства колхозов по меньшей мере в полтора раза. Это, конечно, имеет известное экономическое значение не только для колхозников, но и для всего народного хозяйства СССР. Но и здесь линия партии определяется не

¹⁴ Статистический сборник «Народное Хозяйство СССР». 1956 г. стр. 119-120. Данные о количестве скота в колхозах приводятся только для сравнения. В дальнейшем речь идет только о скоте колхозников. Читателей, интересующихся общественным скотоводством, отсылаем к содержательной статье В. Мерцалова «Проблема животноводства в СССР», помещенной в сборнике «Вестник Института по изучению СССР». 1956 г. № 2, стр. 49-74.

¹⁵ Из доклада Хрущева на сентябрьском (1953) пленуме ЦК КПСС. Цифра удоев — 1070 кг. на одну корову является средней по всей стране. В отдельных республиках она еще меньше. Скажем, в Грузии — 457 кг., в Азербайджане — 373 кг. В европейских странах удои значительно выше. Для сравнения укажем, что удои во Франции — 2250 кг., в Зап. Германии — 2640, в Дании — 3300 и в Голландии — 3700 кг.

экономикой, а политикой и прежде всего политикой постепенной пролетаризации колхозников. Правда, иногда, в трудные периоды советской экономики, партия бывает вынужденной временно отступить от этой линии и делать заявления о важности личного животноводства колхозников, но все эти заявления бывают вынужденными и, в лучшем случае, говорят о кратковременном отступлении, а чаще всего являются обычной фальшивкой пропагандного значения. Так, например, на 1 съезде колхозников-ударников в 1933 году Сталин заявил:

«Пройдет еще год-два, — и вы не найдете ни одного колхозника, у которого не было бы коровы. Уж мы, большевики, постараемся, чтобы все колхозники имели у нас по корове»¹⁶.

В действительности большевики постарались сделать всё, чтобы подорвать индивидуальное животноводство и подрезать корни экономической независимости колхозников. Они лимитировали индивидуальное животноводство, принудительно контраковали телят, облагали скот колхозников высокими налогами и т. д. И не через год-два, а через двадцать лет на сентябрьском (1953) пленуме ЦК КПСС Хрущев подвел следующие итоги этих стараний «большевиков»:

«По сравнению с довоенным уровнем поголовье коров, находящихся в личной собственности населения, сократилось на 6,5 милл. голов. Количество бескоровных хозяйств колхозников увеличилось до 45 процентов»¹⁷.

В СССР 19,7 милл. колхозных дворов. Через 20 лет после того, как Сталин обещал постараться чтобы все колхозники имели по корове, 8.875.000 колхозных дворов остались без коров. Та же линия на пролетаризацию колхозников под прикрытием фальшивых обещаний проводится и коллективным руководством партии. В сентябре 1953 г. была опубликована директива ЦК КПСС:

¹⁶ И. В. Сталин. «Речь на I съезде колхозников-ударников». Партиздат. 1933 г.

¹⁷ «Правда» 15.9.1953 г. Доклад Хрущева на сентябрьском (1953) Пленуме ЦК КПСС. Отметим, что на 1.10.1955 г. у колхозников было 12.187.000 коров. Если считать по одной корове на двор, то из 19,9 милл. дворов бескоровных будет всего 38%. Но цифра Хрущева — 45% — вероятно, правильна, т. к. по уставу колхозники животноводческих, полукошевых и кочевых районов могут иметь больше одной коровы (от 2 до 10).

«...до конца покончить с практикой ущемления интересов колхозников в отношении скота, находящегося в их личной собственности»¹⁸,

а уже в марте 1956 года публикуется постановление ЦК КПСС и СМ СССР, в котором говорится, что

«вряд ли есть необходимость сохранять ранее установленное количество скота, которое может иметь колхозный двор»¹⁹.

В мире нет ни одного «буржуазного» государства, которое было бы заинтересовано в обнищании крестьянства и следило бы за тем, чтобы крестьянские дворы имели не больше одной коровы. Наоборот, все «буржуазные» государства стремятся содействовать процветанию крестьянства и заботятся о том, чтобы крестьянские дворы имели не меньше одной коровы. И только руководители коммунистической партии, сознательно и упорно пролетаризирующие крестьянство, но принужденные пока терпеть крестьянские элементы в деревне, строго следят за тем, чтобы эти элементы не развивались, а, наоборот, постепенно падали.

В соответствии с приведенной выше директивой «коллективного руководства» партийные организации на селе в 1956 году начали работу по дальнейшему (пока, впрочем, осторожному) сокращению индивидуального животноводства колхозников и дальнейшей пролетаризации деревни.

3. Общественное хозяйство

Недостаточно, однако, пролетаризировать колхозников и лишить их независимой материальной базы путем постепенного разорения и экономического упразднения индивидуального хозяйства, надо еще заставить их работать в общественном хозяйстве, приучить их являться в колхоз как рабочий является на фабрику. Но это так же требует длительной подготовки, тем более, что российская деревня издавна испытывала аграрное перенаселение и общественное хозяйство колхозов, пока в них не был создан необходимый аппарат, не могло использовать имеющиеся в деревне свободные рабочие руки.

¹⁸ Постановление ЦК КПСС, принятое 7. 9. 1953 г. и опубликованное в «Правде» 19. 9. 1953 г.

¹⁹ «Правда» 10. 3. 1956 г. Формально этот тезис относится к районам развитого животноводства, но он сформулирован двусмысленно и понимается как общая директива.

По подсчетам экономистов дореволюционная деревня имела десятки миллионов излишней рабочей силы. Революция 1917 года аграрное перенаселение отнюдь не ликвидировала. Правда, в 1917-19 годах сельскохозяйственный земельный фонд был перераспределен и крестьяне получили около 150 милл. га помещичьих, монастырских и казенных земель, но эти земли в основном обрабатывались и раньше, поэтому перераспределение их не увеличило земельного фонда вообще и не сократило рабочей силы в деревне. Наоборот, в связи с перераспределением земли возвратилось из города значительное количество бывших крестьян и количество рабочих рук в деревне временно даже увеличилось. По исчислениям Огановского в 1924/25 г 43% сельского населения было избыточным.

Положение не изменила и коллективизация. Правда, в процессе коллективизации, проводившейся партией с обычной бесчеловечностью, с кровью и неисчислимыми жертвами, деревня потеряла большое количество людей. Точной цифры погубленных коммунистами крестьян нет, но **во всяком случае она не менее 5 милл. человек.** Обычно называют цифры от 5 до 12 милл.²⁰ Последовавший затем голод так же унес в могилу несколько милл. человек. Всё это, конечно, сократило количество рабочих рук в деревне. Но естественный прирост в деревне высок и в течение нескольких лет эти потери были покрыты. В то же время самый факт укрупнения сельского хозяйства и последовавшей затем механизации несколько (впрочем, на первых порах крайне незначительно) сокращал потребность в рабочей силе и таким образом увеличивал аграрное перенаселение деревни.

²⁰ Мы можем по официальным материалам установить количество «кулаков» следующим образом. В учебнике политической экономии говорится, что «В дореволюционной России в 1913 г. рабочие и служащие составляли 16,7%... эксплуататорские классы — 15,9% (в том числе кулаки — 12,3%...». (См. «Политическая Экономика». М. 1954, стр 367). Цифра «кулаков» 12,3% (17,1 милл. ч.) взята, вероятно, из ежегодника «Социалистическое Строительство СССР» 1936, стр. XXX. Но там есть еще две цифры. В 1928 году «кулаков» было 3,7% (5 618 000) и в 1934 году — 0,009%. Следовательно, в процессе октябрьской революции в деревне было разгромлено 11,5 милл. чел. и, затем, в процессе коллективизации ликвидировано еще 5,6 милл. чел. Всего до 1934 года разгромлено и ликвидировано в деревне 17 милл. человек.

Положение, однако, менялось в связи с индустриализацией страны. Некоторые экономисты утверждают даже, что коллективизация была проведена с целью высвобождения рабочих рук для новых фабрик и заводов. Утверждение не правильное, но новые фабрики и заводы действительно требовали огромного количества рабочих рук и они были взяты из перенаселенной деревни. В связи с этим соотношение городского и сельского населения резко изменилось и вопрос аграрного перенаселения приобрел несколько иной характер. Это видно из следующих цифр, относящихся к СССР в современных границах:²¹

	<i>Население (в милл. чел.)</i>			<i>С.-х. земельн. фонд</i>	
	<i>Всего</i>	<i>Город</i>	<i>Деревня</i>	<i>Всего</i>	<i>Посев</i>
1913 год	159,2	28,1	131,1	394	118,2
1955-56 гг.	200,2	87,0	113,2	486	185,8

Как видим, количество городского населения увеличилось на 58,9 милл. человек, а население деревни сократилось на 17,9 мил. чел. Значит деревня отдала городу весь свой естественный прирост и, кроме того, почти 18 милл. своего основного населения. В то же время фонд сельско-хозяйственных земель увеличился на 92 милл. га (путем включения в состав используемых для с.-х. производства новых земель). И, поскольку количество населения в деревне сократилось, а количество обрабатываемой земли увеличилось, аграрное перенаселение было в какой то степени ослаблено. Ослабление аграрного перенаселения с одной стороны и развернувшаяся в конце тридцатых годов подготовка к большой войне с другой стороны дали партии повод впервые установить для колхозников обязательный минимум трудодней. Каждый колхозник обязывался отрабатывать в колхозе минимум 60-80-100 трудодней в год (в зависимости от района) и, таким образом, в трудовом отношении прикреплялся к колхозу. Это был первый шаг по пути фабричного режима для колхозников.

Второй шаг был сделан в начале войны. Война потребовала от деревни очень большого количества людей, и колхо-

²¹ Таблица составлена по сборнику «Народное хозяйство СССР», стр. 17, 97, 106, 118. Размер посевной площади за 1913 г. несколько расходится с источниками прошлого времени, но расхождение это не меняет общей картины, отраженной в таблице.

зы почувствовали временный недостаток мужской рабочей силы. Партия воспользовалась этим и в 1942 году повысила обязательный минимум трудодней в полтора раза. Каждый колхозник обязывался отработать в колхозе уже 100-120-150 трудодней в году. Трудовое закрепление колхозников усилилось.

Но война кончилась. Люди (конечно, далеко не все) вернулись на свои места. Хозяйство вошло в нормальную колею и как будто бы можно было снять фабричный режим обязательного минимума трудодней в колхозах. Однако, партия 10.3.1956 г. дала директиву о новом повышении этого минимума «исходя из потребности трудовых затрат в общественном хозяйстве колхоза». В соответствии с этой директивой развернулось новое наступление на крестьян, в процессе которого не только резко повышается минимум трудодней, но и происходит дальнейшее закрепление колхозников за общественным хозяйством.

Обычно утверждают, что это новое наступление партии на свободу крестьянства связано с недостатком рабочих рук в деревне. О недостатке рабочих рук в деревне говорил на сентябрьском пленуме ЦК КПСС (1953) и Н. Хрущев. Но это не верно. Можно допустить, что существует известный недостаток мужской квалифицированной рабочей силы в деревне, но недостатка рабочих рук вообще, особенно, в последние годы, по нашему мнению, не существует. В последние годы несколько повышается производительность труда в промышленности и относительно сокращается спрос на рабочую силу для города. Должна повышаться производительность труда и в сельском хозяйстве вследствие нарастающей механизации и, значит, должен сокращаться спрос на рабочую силу и в деревне. В то же время подрастает новое поколение и в последние годы вливаются в состав рабочей силы достигшие 16-17-летнего возраста молодые люди, родившиеся в 1935-40 годах, т. е. в годах рекордной рождаемости в СССР. Ежегодный прирост рабочей силы, скажем, в 1953-1956 годах был в среднем, примерно, 2.500.000 человек²². Поскольку на ше-

²² По вычислениям Н. М. Ясного прирост рабочей силы в текущее десятилетие выражается по годам в следующих цифрах: В 1950 году — 1.300 тысяч человек, в 1951 — 1.300, в 1952 — 1.600, 1953 — 2.600, 1954 — 2.500, 1955 — 2.400, 1956 — 2.100, 1957 — 1.800, 1958 — 800, 1959 — 300 и 1960 — 300. См. журнал «Социалистический Вестник» 1956 г. № 4, стр. 72-74.

стую пятилетку запланировано увеличение количества рабочих и служащих (в городе и в деревне) на 7,1 милл. человек, то есть в среднем 1.420 т. человек в год, а прирост рабочей силы до 1958 года будет значительно выше этой цифры, то ясно, что в какой то более или менее значительной части (от 400 т. до 1 м. ч. в год) он увеличит население деревни. Правда, с 1958 года наступит перелом (в связи с низкой рождаемостью во время войны), но пока говорить о недостатке рабочих рук в деревне не приходится. Конечно, исключения для отдельных периодов, районов, отраслей и специальностей возможны, но мы говорим не об исключениях, а об общем положении.

Более правильным является утверждение, что новый поход партии на крестьянство вызывается недостаточной производительностью труда в сельском хозяйстве. В самом деле. Из общего состава населения СССР — 200,2 милл. человек — в деревне проживает 113,2 милл., то есть 56,6%. Если из этого количества исключить административный персонал и служащих, проживающих в деревне, то население прямо и непосредственно связанное с сельско-хозяйственным производством составит минимум 43% или 86 милл. человек. Между тем, скажем, в США — стране наиболее близкой к СССР по условиям сельско-хозяйственного производства — из общего состава населения — 167 милл. человек прямо и непосредственно связано с сельско-хозяйственным производством всего 10%, то есть 16-17 милл. (людей в рабочем возрасте всего 6,5 милл.). Но эти 10% населения производят столько сельско-хозяйственных продуктов, что страна от них «задыхается» и не только вывозит их за границу, но во многих случаях раздает их другим нуждающимся странам даром. А в СССР 43% населения не могут прокормить своего народа; народ живет в полуголодном состоянии и страна ввозит сельско-хозяйственные продукты из за границы. Дело, очевидно, не в недостатке рабочих рук, а дело в низкой производительности труда.

В 1955 году Советский Союз и США обменялись сельско-хозяйственными делегациями. Г. Г-ий по поводу поездок этих делегаций пишет:

«Впечатления членов обеих делегаций в некотором отношении совпали. Советские делегаты были больше всего поражены высокой производительностью труда на американских фермах, а американские делегаты низ-

кой производительностью в колхозах и совхозах...». В печати приводились даваемые различными членами делегаций оценки: в пять, в семь раз ниже американской... Но это относится к сельско-хозяйственной деятельности в собственном смысле слова. Общая производительность труда в колхозах и совхозах еще значительно ниже вследствие огромного количества занятых в управлении и канцеляриях. Один из делегатов заметил, что из одних счетоводов можно было бы составить армию, чтобы завоевать весь мир»²³.

Производительность труда в социалистическом сельском хозяйстве ниже, чем в американском не в семь раз, а, по нашему мнению, в три-четыре раза, но и такое отставание имеет колоссальное значение. Факт недостаточной производительности труда в сельском хозяйстве СССР признают и вожди КПСС и министры СССР. Министр Бенедиктов пишет, например, что

«...по уровню производительности труда совхозы и, в особенности, колхозы нашей страны еще серьезно отстают от фермерских хозяйств США и некоторых других капиталистических стран»²⁴.

Можно указать ряд причин низкой производительности труда в сельском хозяйстве СССР, но основной причиной является несомненно безразличное отношение колхозников-крестьян к общественному хозяйству колхозов, как к постороннему, чужому, казенному делу, как к государственной барщине. Именно поэтому производительность труда в сельском хозяйстве СССР чрезвычайно низка и при наличии аграрного перенаселения деревни колхозы могут испытывать в отдельных случаях (как исключение, а не как правило) и недостаток рабочих рук.

Сельское хозяйство имеет свою специфику; его производственный цикл переплетается с естественным циклом при-

²³ Г-ий. «Две делегации». Статья в журнале «Социалистический Вестник». 1955 № 9, стр. 169-170.

²⁴ Журнал «Социалистическое сельское хозяйство» М. 1956. № 5, стр. 16. Производительность труда, как это правильно отметил инж. К. Крылов («Вестник института по изучению СССР» 1956 № 3 стр. 65), связана прежде всего с «субъективным фактором», с отношением людей к производству. В СССР отношение это, мы бы сказали, остывает.

роды и от работников сельского хозяйства, соприкасающихся с живой природой, требуется *более творческое, более одухотворенное* отношение к труду, чем, скажем, в промышленности. В индивидуальном крестьянском хозяйстве всё это было; в общественном колхозном хозяйстве таких возможностей не найдено. Что же касается материальной заинтересованности, то она в общественном хозяйстве сведена к арифметике затрат мускульной силы колхозника; это, конечно, совсем не та материальная заинтересованность, какая была у крестьянина в своем собственном хозяйстве. Понятно поэтому, что сельское хозяйство СССР после его коллективизации оказалось в упадке. И пока сельское хозяйство остается в существующем «переходном периоде» упадок будет продолжаться. Нужно либо повернуть на крестьянский путь, либо на фабричный. Повернуть на крестьянский путь партия не может, так как это значило бы восстановить крестьянство как класс, который неизбежно потребует своей крестьянской партии и, таким образом, лишит коммунистическую партию ее души и ее жизни — политической монополии. Коммунистическая партия в крестьянском вопросе может придерживаться только фабричного пути. Но фабричный путь и виде совхозов экономически не выгоден: себестоимость продукции совхозов по сравнению с себестоимостью продукции американских ферм фантастически высока. Однако, и здесь, как и всюду в СССР, решает не экономическая целесообразность, а коммунистическая необходимость. Партия давно встала на фабричный путь, на путь пролетаризации крестьянства и превращения его в рабочих зерновых, мясных и т. п. фабрик. Одним из последних этапов этого пути и является наступление партии на крестьянские элементы деревни, организованное в 1956 году. Не в недостатке рабочих рук и не в производительности труда самой по-себе, а именно в этом заключается суть последнего наступления партии. В процессе этого наступления:

1) Повышаются нормы выработки на один трудодень и резко, в 2-3 раза, повышается обязательный минимум трудодней (до 300-350 трудодней в год). Таким образом, в 3-4 раза увеличивается трудовая нагрузка колхозников в общественном хозяйстве. Всё рабочее время колхозника должно поглощаться общественным хозяйством колхоза так же, как рабочее время промышленного рабочего поглощается фабрикой.

2) Устанавливается обязательный минимум выходов на работу независимо от количества выработанных трудодней.

Колхозники обязаны выходить на работу хотя бы некоторые из «ударников» установленный минимум трудодней уже выработали. Количество выходов на работу приближается или будет приближаться к количеству рабочих дней в году и, таким образом, колхозник каждый день будет являться в колхоз на работу так же, как рабочий каждый день является на фабрику.

3) За невыполнение обязательного минимума выходов на работу устанавливается штраф в виде резкого снижения оплаты уже отработанных трудодней. Таким образом, колхозник наказывается за прогул так же как рабочий, но только более сурово.

4) Обязательный минимум трудодней и обязательный минимум выходов на работу распространяется на всех трудоспособных членов колхозной семьи. Отныне колхозником считается не только тот, кто «добровольно» вступил в члены колхоза, как добровольного объединения, а всякий рожденный в колхозной семье человек. Все трудоспособные люди деревни являются «собственностью» колхозов, колхозно-крестьянским населением. И если промышленный рабочий может иметь в семье не работающих иждивенцев, то колхозник этого права уже лишен. Все члены колхозной семьи от рождения являются «равноправными» членами колхоза и обязаны работать.

К этому в основном сводится новое наступление партии на крестьянские элементы деревни, организованное в 1956 г. в порядке укрепления общественного хозяйства.

4. Новое крестьянство

Для того, чтобы превратить колхозника-крестьянина в рабочего-пролетария недостаточно еще экономически аннулировать личное хозяйство колхозника и административно обязать колхозника работать в общественном хозяйстве колхоза, — необходимо еще создать такой производственно-экономический строй в колхозах, который превращал бы сельско-хозяйственный труд в разновидность труда индустриального, а крестьянскую психологию колхозника в психологию рабочего или служащего. В организации этого строя большое значение имеет производственная и экономическая сторона колхозной жизни. Мы остановимся сначала на производственной стороне и начнем с укрупнения колхозов.

Укрупнение колхозов проведено после войны и оно иллюстрируется следующими цифрами²⁵:

	1940	1950	1955
Число колхозов (в тыс.)	236,9	123,7	87,5
В среднем на 1 колхоз:			
дворов	81	165	229
посевов (га)	492	967	1699

Как видим, колхозы стали после войны крупнее в три раза. Такое укрупнение преследовало прежде всего задачу организации в колхозах крепкого политического аппарата, укомплектованного квалифицированными и, главное, преданными партии коммунистами, способными заставить всё население деревни работать на партию. Такой аппарат теперь создан и партия смогла в 1956 году решиться на обрисованное выше резкое повышение трудового участия колхозников в общественном хозяйстве. Обязав всё трудоспособное население деревни отдавать всё свое рабочее время колхозу партия возложила на этот аппарат обязанность обеспечить колхозников работой, ибо

«Интересы советского общества требуют, чтобы были найдены пути наиболее полного использования сельскохозяйственной рабочей силы»²⁶.

В связи с этим предполагается преодолеть сезонность в колхозной работе путем соответствующего сочетания различных производств, в частности, предполагается усилить местную переработку продуктов, затем,

«занять колхозников в зимнее время каким-либо кустарным промыслом»²⁷.

и, наконец, в широчайшем масштабе развернуть строительство. Речь идет не об агрогородах, идея которых была не продуманной во-первых потому, что сельское хозяйство требует не сосредоточения, а рассредоточения рабочей силы и, во-вторых потому, что строительство агрогородов было вообще непосильной задачей, ибо партия не может обеспечить нор-

²⁵ Стат. сборник «Народное Хозяйство СССР» 1956 г., стр. 128, 129.

²⁶ Журнал «Вопросы Экономики». М. 1956 г., № 7, стр. 67.

²⁷ Журнал «Социалистическое сельское хозяйство». М. 1956 г., № 4, стр. 15.

мальным жилищем население существующих городов, в которых живет всего 87 милл. человек (в немыслимой тесноте и убожестве, зачастую без водопровода и канализации) и, конечно, она не могла построить в порядке казенного энтузиазма новые города для 113 милл. человек. Речь идет сейчас о строительстве общественных центров деревни, т. е. о строительстве, которое в связи с укрупнением колхозов, организацией в них крепкого административно-партийного аппарата и мобилизацией всего трудоспособного населения деревни на работу по трудовым дням, — стало возможным. Пользуясь даровой рабочей силой колхозников и не затрачивая ни одной копейки государственных средств, партия уже развернула в деревне действительно большое строительство. Строятся больницы, библиотеки, клубы, детские дома, кино, бани, прачечные, хлебопекарни, столовые, скотные дворы, местные дороги, административно-управленческие здания и т. д., то есть строятся общественные сооружения, которые постепенно образуют собою новые центры, изменяющие лицо современной деревни.

Основной целью укрупнения колхозов и надо считать поэтому создание крепкого партийного аппарата, способного включить в работу на партию и государство всё работоспособное население деревни и превратить деревню в «концлагерь».

Не менее важной целью укрупнения колхозов является и создание наиболее благоприятных условий для «перевоспитания» людей с крестьянской психологией.

В мелких колхозах сохранялась еще старая крестьянская атмосфера, имела еще большое значение старая деревня, ее традиции, ее соседские связи, ее родственные отношения, ее крестьянский быт. В крупном колхозе всё это теряет свое значение. Колхозник крупного колхоза уже не чувствует колхоза, как своего деревенского объединения; он не участвует в повседневном решении производственно-бытовых вопросов колхоза в целом; он отдален и отделен от колхоза административным аппаратом, как перегородкой; он знает уже не колхоз, в целом, а только своего бригадира, как рабочий знает на фабрике своего мастера: он уже не крестьянин, а сельскохозяйственный рабочий.

Но укрупнение колхозов преследовало цель перестройки не только «социального» положения колхозников, а и всего производственного быта деревни, всего характера сельскохозяйственной работы. В первую очередь речь идет здесь о механизации сельского хозяйства.

В старой деревне и в первоначальном мелком колхозе двигательной силой был рабочий скот, лошадь, а теперь — механический двигатель, мотор. Процесс механизации колхозного производства показывают следующие цифры²⁸:

<i>Двигательная сила:</i>	<i>1916</i>	<i>1928</i>	<i>1955</i>
Рабочий скот (в переводе на механическую силу)	99,2	94,8	6,2
Механический двигатель	0,8	5,2	93,8

Рабочий скот (лошадь, вол) уходит с полей. Поля всюду обрабатываются теперь машинами. Машинами они обрабатываются и в колхозах. В советском сельском хозяйстве имеется сейчас 1.489.000 тракторов и 338.000 комбайнов. На шестую пятилетку

«предусмотрено поставить сельскому хозяйству около 1 миллиона 650 тысяч тракторов... 560 тысяч зерновых комбайнов, 250 тысяч комбайнов для уборки кукурузы и много других сельскохозяйственных машин»²⁹.

Основные сельскохозяйственные работы уже сейчас механизированы прибл.: вспашка на 98%, посев зерновых на 92-97%, уборка зерновых на 81%, сенокошение на 49% и т. д. Постепенно, хотя сравнительно с западом еще далеко недостаточно, механизуются и другие работы. Но если на западе фермер стоит над машиной, то в СССР работник состоит при машине. Состоя при машине он в процессе своего труда психологически превращается постепенно в рабочего. Тракторист и комбайнер, обрабатывающие землю при помощи своих машин, меньше всего похожи на крестьянина. Это уже рабочие.

Механизация сельского хозяйства происходит во всем мире, но в Советском Союзе она имеет свои особенности, которые играют очень существенную роль в судьбе колхозов и колхозного крестьянства.

Основой современного сельского хозяйства является, как известно, полеводство. Партия сосредотачивает все средства механизации полеводства исключительно в МТС. Колхозы не

²⁸ Статист. сборник «Народное Хозяйство СССР». 1956 г. стр. 150. Цифра 93,8% кажется несколько преувеличенной.

²⁹ Н. А. Булганин. «Доклад о директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956-1960 годы». М. 1956 г. стр. 48-49

имеют права обладать, скажем, тракторами или машинами полеводства, работающими при помощи тракторов и иных механических двигателей. Они могут обладать лишь конными сенокосилками, конными граблями и мелкими, главным образом ручными, машинами для обслуживания животноводства (корнерезки, жмыходробилки и т. п.). Но тот факт, что все средства механизации полевых работ сосредоточены в руках МТС, а колхозы лишены этих средств производства, вносит своеобразные черты в положение МТС, колхозов и колхозников. МТС из простых прокатных пунктов, какими они были в свое время задуманы, постепенно превращаются в *руководящие центры* прикрепленных к ним колхозов. Колхозы, лишаясь полеводства, из условно «самостоятельных» организаций сельского хозяйства постепенно превращаются в своеобразные «филиалы» МТС. Колхозники — пахари и сеятели свободных полей, где складывалось когда-то крестьянское мирозерцание, постепенно превращаются в подсобных работников главным образом несезонных отраслей сельского хозяйства.

Механизация полевых работ силами МТС меняет положение деревни и в других отношениях. Не останавливаясь на этом специально (это особая тема), отметим лишь один штрих. Известно, например, что колхозы располагают не одинаковым количеством земли на душу населения, т. е. в свое время они объединили деревни разной земельной обеспеченности. Но если раньше разное количество земли требовало от колхозников разного количества труда для ее обработки, а разное количество труда колхозников давало им, при всех прочих равных условиях, и разное количество хлеба, то теперь, после механизации полевых работ и производства этих работ силами МТС, хлеб является в основном уже не результатом труда колхозников, а результатом труда работников МТС. Между тем, хлеб распределяется среди колхозников и колхозники разных колхозов получают на трудодни разное количество хлеба, уже не потому, что они вложили в производство хлеба разное количество труда, а потому, что их предки когда-то владели разным количеством земли. Это своеобразное влияние предков за земельную ренту колхозников есть по существу результат того, что колхозы лишили колхозников земли, а МТС лишили их земледельческого труда. Но колхозники, лишённые земли и земледельческого труда, уже перестают быть крестьянами.

Но не только механизация сельскохозяйственных работ

изменяет характер сельско-хозяйственного труда и облик колхозника. Еще более серьезное значение имеет *специализация* сельскохозяйственного труда, неизбежная в крупном колхозе.

Прежний крестьянин — это, раньше всего, *организатор* и универсальный работник своего небольшого хозяйства. Он, в хозяйственном отношении, был разносторонней творческой личностью. В отличие от крестьянина рабочий, прежде всего, исполнитель и узкий специалист, прикрепленный к своему рабочему месту и изо дня в день выполняющий одни и те же трудовые функции. Любое крупное предприятие основано на техническом разделении труда и, следовательно, на специализации трудовых процессов. Колхоз — крупное предприятие — то же основан на техническом разделении труда и колхозник неизбежно становится узким специалистом, изо дня в день выполняющим одни и те же трудовые функции. Он объективно превращается, таким образом, в рабочего.

Специализация сельско-хозяйственного производства в колхозах развивается по линии отдельных отраслей производства: полеводство, животноводство, овощеводство и т. д. Затем, внутри этих отраслей, специализация идет по видам производства. Скажем, полеводство подразделяется на зерновое, кормовое и т. д., а животноводство на свиноводство, овцеводство и т. д. Каждый из этих видов производства обслуживается определенным количеством колхозников, которые в свою очередь подразделяются на бригады и фермы, а внутри их на отдельные «профессии». Поскольку, например, каждый колхоз имеет в среднем (на 1.10.55 г.): 123 коровы, 265 свиней, 942 овцы и 125 лошадей, то в каждом колхозе существуют несколько ферм и скотных дворов, в которых работают уже специалисты скотники (с подразделением на скотников по выращиванию, по откорму, по нагулу), доярки, конюхи, чабаны и т. д. Все эти работники прикреплены к своим рабочим местам и изо дня в день осуществляют одни и те же трудовые функции. Это, в сущности, уже не крестьяне, а рабочие.

В связи с резким расширением трудового участия колхозников в общественном хозяйстве, проводимым в соответствии с директивой партии от 10.3.1956 г., и большим увеличением рабочей силы в колхозах, резко расширяется строительство в деревне и большое количество колхозников (в некоторых колхозах до 30% трудоспособного населения) зачисляется в

строительные бригады. Эти колхозники после некоторого обучения работают в качестве каменщиков, плотников, штукатуров, столяров, кровельщиков, мастеров кирпичного дела и т. д. Организуются так же бригады подсобных производств — шорники, пимокаты, колесники и т. д. Каждый из этих колхозников работает в своей узкой области и в производственном отношении является обычным рабочим, ни чем не отличающимся от рабочих городских строительных и промысловых организаций. Таково положение колхозников в производственном отношении.

Но если в производственном отношении колхозники значительно приблизились к положению рабочих и во многом они стали уже рабочими, то *в экономическом отношении* они сохраняют еще существенные различия. Рабочие ежемесячно получают гарантированную заработную плату, а колхозники получают в конце года по трудовням то, что им остается после «расчетов с государством». Так как огромная часть того, что колхозники создают в течение года (доходы колхоза), идет государству, то колхозникам остается незначительная часть доходов колхоза, достаточная лишь для того, чтобы они не умерли с голода и могли продолжать свою работу на партию³⁰. Экономическое различие между колхозниками и рабочими сводится, таким образом, к оплате труда. Но и это единственное различие постепенно сглаживается. В частности, колхозы всё больше и больше включаются в товарно-денежный оборот и в расчетах колхозов с колхозниками центр тяжести будет всё больше и больше переноситься с натуральной формы на денежную. В постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 10.3.1956 дается уже следующая директива:

³⁰ Сколько бы колхозники не произвели продуктов государство все равно оставляет им ничтожное количество. Оно берет то, что гарантировано ему «по-закону» и, затем, «заготавливает» почти всё остальное. В журнале «Социалистическое Сельское Хозяйство» (февраль 1955) сообщается, например, что «в колхозе им. Фрунзе на каждый центнер зерна затрачено примерно 0,5 трудовня» (стр. 24), то есть выработано 200 кгр. на трудовень, но выдано колхозникам как это видно из таблицы, приводимой на стр. 29, всего 4 кгр. на трудовень и 10 р. деньгами. Значит, из 200 кгр. зерна 196 пошло государству и в разные фонды и только 4 — колхозникам. При таком «распределении» говорить о материальной заинтересованности колхозников, конечно, не приходится.

«В целях дальнейшего повышения материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного хозяйства рекомендовать колхозам по решению общих собраний выдавать колхозникам ежемесячно в течение года авансом на трудодни не менее 25% денежных доходов, фактически получаемых от всех отраслей общественного хозяйства, и 50 процентов денежных средств, получаемых в виде авансов по контрактации, закупкам и обязательным поставкам сельско-хозяйственной продукции»³¹.

Таким образом, колхозники, как и рабочие, будут теперь ежемесячно получать «жалование» в виде авансов в счет денежных доходов. В конце года они будут получать окончательный расчет по денежным доходам и, кроме того, свою долю в натуральной форме. По всей видимости натуральная форма будет постепенно сокращаться, продукты колхоза в возрастающем количестве будут сдаваться и продаваться государству, а колхозники в возрастающей степени будут получать денежную оплату трудодней и покупать продукты у государства. Понятно, что разница в ценах будет сохраняться такой, которая не улучшит положение колхозников, а обеспечит им лишь физиологический минимум, ибо при существующей системе колхозники обречены на полуголодное существование, хотя бы и всю оплату труда они получали в денежной форме.

Но необходимо особенно подчеркнуть, (поскольку это не всегда учитывается), что форма оплаты труда сама по себе еще не снимает экономического различия между колхозниками и рабочими. Суть этого различия состоит не столько в форме оплаты труда, сколько в гарантии размера этой оплаты. Рабочий получает гарантированную заработную плату и имеет гарантированный уровень своего материального положения не зависящий от того с каким результатом фабрика, на которой он работает, закончила свой хозяйственный год —

³¹ «Правда» 10. 3. 1956 г. Конечно, этот порядок создает известную видимость сближения колхозников с рабочими и в экономической области. Такую же видимость создает применяемый в отдельных колхозах порядок двухнедельных отпусков всем или некоторым категориям колхозников, пенсий по старости, пособий по болезни и отпусков по беременности. Но всё это — видимость, т. к. всё это производится за счет колхоза, то есть за счет тех же колхозников и положения колхозников в целом не улучшает.

с прибылью или с убытком. Колхозник этой гарантии не имеет; он получает не гарантированную заработную плату, а аванс в счет той части доходов колхоза, которая останется после расчетов с государством. На фабриках доходы рабочего гарантированы, а доходы государства нет, в колхозах, наоборот, доходы государства гарантированы, а доходы колхозника нет. В этом суть экономического различия между колхозниками и рабочими.

Но и в этой части происходит некоторое, правда, пока незначительное, сближение между колхозниками и рабочими.

Во-первых, повышается удельный вес в сельском хозяйстве совхозов (особенно в связи с освоением целины) и расширяется работа МТС — то есть государственных предприятий, работники которых получают гарантированную заработную плату. Приведем для иллюстрации следующие цифры³²:

	1940	1955
Посевные площади совхозов и прочих гос. предприятий (милл. га)	13,3	29,3
Количество работников в них (тыс. чел.)	1.760	2.832
Количество работников МТС	537	3.120
Всего работников сельского хозяйства с гарантированной зараб. платой	2.297	5.952

Таким образом, на гарантированной заработной плате находится почти шесть миллионов работников сельского хозяйства, что вместе с семьями составит уже серьезную величину, причем величину постепенно возрастающую.

Во-вторых, происходит частичный «перевод» колхозников в рабочие. В октябре 1953 года произошел мало кем замеченный факт такого перевода, о котором в одной из таблиц статистического сборника «Народное Хозяйство СССР» говорится, что

«Начиная с октября 1953 года, в таблицу включена численность рабочих тракторных бригад, переведенных в соответствии с решением партии и правительства из колхозников в рабочие МТС»³³.

³² Стат. сборник «Народное Хозяйство СССР» 1956 г., стр. 134 и 138.

³³ Стат. сборник «Народное Хозяйство СССР» 1956 г. стр. 190. Отметим, что в статье «Сила Нового» (Лит. газ. 18. 10. 1955).

Количество колхозников, переведенных в состав рабочих МТС на гарантированную заработную плату не указано, но на основе косвенных показателей можно утверждать, что переведено, примерно, полтора милл. работников (1,5-1,8 милл.), что вместе с семьями составит примерно пять миллионов человек. Значит, одним росчерком пера пять миллионов крестьян превращены в рабочих.

Переход из крестьян в с-х рабочие происходит теперь непрерывно, но лишь в меру увеличения штатов МТС и совхозов. Однако, возможно, что некоторые категории колхозников (например, строительные бригады) будут постепенно переводиться на гарантированную заработную плату и внутри колхозов. Тем не менее перевод *всех* колхозников на твердую гарантированную заработную плату экономически пока не возможен³⁴. Для этого необходимо, во-первых, поднять производительность труда в сельском хозяйстве и себестоимость сельскохозяйственной продукции к среднемировому или по крайней мере к средневропейскому уровню, что при наличии колхозов немыслимо и, во-вторых, для этого необходимо освободиться от гигантских затрат, связанных с коммунизацией мира, в частности, от затрат на тяжелую военную промышленность, на вооружение и индустриализацию Азии и на финансирование подрывной работы во всем мире, так как все эти затраты производятся в основном за счет крестьянства.

Ан. Злобин говорит, что «в штаты МТС было зачислено около миллиона двухсот тысяч постоянных рабочих». (Статья эта комментирована В. А. Александровой в журнале «Социалистический Вестник» 1956 г. № 9, стр. 167). Нам кажется цифра Злобина заниженной.

³⁴ Дело, конечно, совсем не в том, что в основе колхозов лежит «общественно-кооперативная» собственность, а в основе промышленных предприятий лежит «общенародная» собственность и что «Переход к единой коммунистической собственности требует... постепенного поднятия колхозно-кооперативной собственности до уровня общенародной» («Политическая экономия», М. 1954 г., стр. 561) как это настойчиво подчеркивает советская экономическая наука, желая завуалировать действительность. В действительности колхозы могут быть превращены в совхозы и общественно-кооперативная собственность может быть превращена формально (по существу она уже превращена) в «общенародную» собственность простым циркуляром партии, точно так же, как это было сделано в 1935 году в отношении потребительской кооперации, когда ог-

В последнее время партия пытается освободиться от некоторой части затрат на тяжелую промышленность и под впечатлением венгерских событий пытается усилить легкую промышленность, однако освободиться от этих затрат в более или менее серьезной степени партия не может, ибо в результате последних достижений науки и техники земной шар объективно стал единым миром, единым домом всего человечества. Но еще Линкольн в свое время говорил, что «Дом... не может постоянно пребывать в состоянии наполовину свободным, а наполовину рабским... Всё станет либо тем либо другим». И если мир не будет коммунистическим, то есть рабским, он будет демократическим, то есть свободным. А в свободном мире нет места монополюльно-тоталитарной партии коммунизма. Гибель ее неизбежна.

Генеральной линией партии была и всегда будет поэтому линия на коммунизацию мира — «мировую революцию». Но раз эта линия остается, то остаются и расходы с нею связанные, остаются и экономические препятствия к переводу всех колхозников на заработную плату.

Партия подвела деревню к ликвидации крестьянства раньше, чем подвела демократический мир к ликвидации «капитализма» и свободы. Какое то время партия должна еще «существовать» и, следовательно, колхозную систему, являющуюся системой ограбления крестьянства, должна сохранять.

ромная городская сеть кооперации и ее миллиардная «общественно-кооперативная» собственность простым циркуляром партии была превращена в государственную торговлю и «общенародную» собственность. Как тогда ни один пайщик кооперации не высказал ни какого протеста, так и сейчас ни один колхозник не выскажет ни какого протеста не потому, что протестовать рискованно, а потому что это бессмысленно: всем ясно, что это превращение имеет лишь формальное значение. И если партия такого циркуляра не издает, если она еще не совершает намеченной революции то, очевидно, есть какие то причины, которые сделать этого ей не позволяют. И причины эти известны. Ликвидация крестьянства как класса, связана не столько с превращением кооперативной собственности в общенародную собственность, сколько с переводом всех крестьян на гарантированную заработную плату. Именно в проблеме гарантированной заработной платы для всех крестьян и заключается суть вопроса и одно из основных противоречий коммунизма на данном этапе его развития в Советском Союзе.

Административная «революция сверху», направленная к окончательной ликвидации крестьянства как класса, не снимается но отодвигается. Однако чтобы смягчить невыносимое положение колхозников и не допустить «революции снизу» партия проводит некоторые меры по повышению оплаты трудодня (повышение цен на с.-х. продукты) и меры материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного хозяйства. Но пока колхозники остаются колхозниками, то есть трудятся в качестве рабочих, а получают в качестве «хозяев» — все эти меры носят и будут носить паллиативный характер.

Итак, колхозники представляют собою уже новое крестьянство. Постепенная ликвидация личного хозяйства, увеличение трудового участия в общественном хозяйстве, укрупнение колхозов, механизация сельского хозяйства, специализация сельскохозяйственного труда — всё это серьезно изменило облик колхозников и в социально-производственном отношении сблизило их с рабочими. В самом деле:

1. Крестьяне, как и рабочие, трудятся на государственных предприятиях (колхоз лишь формально числится общественным предприятием), находящихся в полном распоряжении партии и преследующих чуждые народу хозяйственно-партийные цели.

2. Крестьяне, как и рабочие, пользуются во время работы не своими средствами производства, (земля, машины, скот), а средствами производства, которые находятся в полном распоряжении партии и которые используются партией в своих партийных целях.

3. Крестьяне, как и рабочие, создают продукт, который является по существу не их собственностью, а собственностью государства и которым всецело распоряжается партия в своих партийных целях.

4. Крестьяне, как и рабочие, являются только исполнителями единого народно-хозяйственного плана, «плана-директивы» и ведут свою работу в соответствии с этим обязательным для них планом.

5. Крестьяне, как и рабочие, являются принудительно организованной рабочей силой. Они прикреплены к месту своей работы, подчинены партийным надсмотрщикам и контролерам, они не имеют права отказываться от работы и менять место работы. Крестьяне, кроме того, не имеют паспортов и являются крепостными людьми своих колхозов.

6. Крестьяне, как и рабочие, в производственном отношении подвергаются фабричному сдельно-потогонному режиму, основанному в советских условиях на принципе принуждения и поощрения, кнута и пряника. С одной стороны — беспощадные наказания за невыходы на работу или прогулы, за невыполнение норм, плохое качество работы и т. д. С другой стороны — почетные звания, ордена, медали, портреты и т. д.

7. Крестьяне, как и рабочие, являются зверски эксплуатируемым населением страны, живут в полуголодном состоянии, в скученности и в жалкой нищете.

8. Крестьяне, как и рабочие, являются совершенно бесправным населением страны. Они не могут требовать от партии улучшения своих жизненных условий, не могут создавать независимые от партии объединения, не могут организовать забастовки и т. д. Всё это считается контр-революцией и подавляется партией с беспощадной жестокостью.

9. Естественно, что крестьяне, как и рабочие, относятся к партии оппозиционно, в состав партии не вступают и в своем большинстве являются убежденными антикоммунистами.

Таким образом, положение крестьян уже во многом совпадает с положением рабочих. Но крестьяне и рабочие составляют 80% населения страны. Это и есть народ Советского Союза, народ безжалостно угнетаемый и стремящийся к свободе. И когда современные народники говорят о необходимости борьбы за освобождение народа они имеют в виду не только крестьян, но и рабочих, а так же ту часть интеллигенции, которая отрицает угнетение народа и готова бороться за народ, за его свободу и счастье.

5. Современная деревня и проблема политических изменений в России

Совершенно несомненно, что деревня переживает сейчас переломный период. Старая хозяйственная система, сочетавшая общинное землевладение с личным хозяйством независимого крестьянского двора, в котором творчески трудилась самостоятельная крестьянская семья, — давно ушла в прошлое и тех крестьян, которые духовно сложились в условиях этой системы до революции, в современной деревне уже нет. На смену старой хозяйственной системе пришла новая колхозная система, сочетающая монополизировавшее землю об-

пещественное хозяйство с почти безземельным личным хозяйством колхозников, сохраняющим лишь видимость крестьянского двора. Это — *переходная* система, в которой элементы крестьянского характера (личное хозяйство) постепенно ослабляются, а элементы пролетарского характера (труд на стороне) постепенно усиливаются. В условиях именно этой переходной системы духовно сформировался современный колхозник, представляющий собою в деревне ведущую и в какой то мере двойственную фигуру. С одной стороны — это крестьянин, получивший от прошлых поколений крестьянское мирозерцание, поддерживавшееся до последнего времени иллюзией «независимости» своего крестьянского двора, а с другой стороны это уже рабочий-пролетарий, живущий в условиях специализированного труда, организованного в постороннем хозяйстве и контролируемого на основе сдельщины. Как крестьянин он стремится уберечь от разорения свое личное хозяйство и сохранить некоторые позиции крестьянского бытия, а как рабочий, он стремится к справедливому вознаграждению своего труда и начинает требовать твердой заработной платы. Такова одна особенность современной деревни.

Другой особенностью современной деревни является состав ее населения. Современная деревня по своему личному составу не является уже чисто крестьянской деревней и не является еще чисто рабочим поселком — это такой населенный пункт, в котором живут и колхозники, и служащие, и рабочие, и лица интеллигентных профессий, не говоря уже о том, что и в составе самих колхозников встречаются теперь интеллигентные люди со средним образованием и специальной подготовкой³⁵. Прямых данных о демографическом лице современной деревни мы, к сожалению, не имеем, но мы можем, тем не менее, привести следующий косвенный расчет³⁶:

- а) Из общей численности населения СССР 200,2 милл. чел. в деревне живет 113,2 милл. чел.
- б) Общее количество рабочих и служащих в СССР вместе с семьями 58,3%, т. е. 116,6 милл. чел.
- в) Городское население СССР, относящееся целиком к группе рабочих и служащих — 87,0 милл. чел.

³⁵ Сюда относятся, например, вернувшиеся в колхозы после войны офицеры советской армии.

³⁶ Исходные цифры берем из стат. сборника «Народное Хозяйство СССР» 1956 г., стр. 17, 18.

f) Следовательно, состав населения деревни образуют: рабочие и служащие с семьями:

116,6 — 87,0 = 29,6... или 26%.

колхозники: 113,2 — 29,6 = 83,6 или 74%.

Таким образом, четвертую часть населения современной деревни составляют служащие, рабочие и интеллигенция. Всякий, кто знает старую деревню, поймет какой колоссальный переворот произошел в личном составе современной деревни. В деревне живут и работают: агрономы, зоотехники, ветеринары, лесоводы, инженеры, техники, врачи, педагоги, библиотекари, бухгалтера, финансовые инспектора, а также служащие сельсоветов, милиции, народных судов, почты, кооперации, заготовительных органов, производственных предприятий колхозов, и, наконец, рабочие. Современная деревня стала не однородной. Она, как видим, имеет существенную и очень влиятельную прослойку сельской интеллигенции, рабочих и служащих, т. е. лиц городских профессий. В деревню пришел город и наложил на нее отпечаток городской жизни.

С другой стороны и город не остался без влияния деревни. Деревня в свою очередь пришла в город и наложила свой отпечаток на его «психологию». В 1913 году в городе было 24,7 милл. чел., а сейчас 87,0 милл. Увеличение на 63 милл. чел. произошло в значительной степени за счет деревни. Две трети рабочих, служащих и интеллигенции в городе — крестьяне и дети крестьян, люди, связанные с деревней, люди, психологически не оторвавшиеся от деревни, люди для которых судьба деревни отнюдь не безразлична.

Поэтому настроение деревни имеет значение не только для деревни, но и для города. То же можно сказать и об армии. Свыше половины солдат и заметное количество офицеров в армии — люди деревни, люди, находящиеся во власти деревенских интересов, люди, поддерживающие непрерывный контакт с деревней и остро чувствующие ее настроения. Таким образом, настроение деревни имеет большое значение и для сельского населения, и для городского населения, и для советской армии, и, следовательно для судеб России вообще.

В каком же настроении находится деревня в настоящее время? Материальное положение в деревне несомненно улучшается, но улучшение это незначительно и на настроение деревни существенного влияния оказать пока не может. Настроение деревни определяют более глубокие причины. В свое время писатель-народник Г. И. Успенский говорил, что

крестьянин переносит и может *много* перенести, если он остается крестьянином.

«...двухсотлетняя татарщина и трехсотлетнее крепостничество могли быть перенесены народом только благодаря тому, что и в татарщине, и в крепостничестве он мог сохранить неприкосновенным свой земледельческий тип, цельность своего земледельческого быта и, главное, земледельческого мирозерцания»³⁷.

Ни татарщина, ни крепостничество не лишали крестьянина этого его земледельческого быта, его самостоятельного хозяйства, его независимого по своему разумению организованного земледельческого труда, в котором проявлялась его творческая личность. Но всего этого лишила его коммунистическая система. Коммунистическая система лишила крестьянина основы всех основ — земли, а теперь она лишает его и последних элементов крестьянского бытия, последних крох приусадебной земли, последних ресурсов рабочего времени для своего хозяйства, последних возможностей творческого независимого труда. Понятно, что колхозник всем своим крестьянским существом негодует и протестует.

Когда один из героев последнего рассказа Н. Грибачева — колхозник Фрол — говорит о назначенном партией новом председателе колхоза, что этот председатель

«Участки личные под огородами, где земля хорошая, отчекрыжил, полевыми заменил, а около дворов коноплю высеял. Тоже крику было!»³⁸.

то ясно, что в этом крике, который несетя теперь по всей России, и который, как видим, находит свое отражение даже в советской литературе, выражается не только протест колхозников против ликвидации последних позиций независимого крестьянского существования, но и страх за свою судьбу, оказывающуюся теперь почти в полной зависимости от колхоза, страх голода. Колхозник требует либо сохранения личного хозяйства (а в перспективе ликвидации колхозов), либо перевода на твердую заработную плату. Он должен стать либо крестьянином либо рабочим. Переходное и поэтому напряженное положение в деревне продолжаться долго не может.

³⁷ Г. И. Успенский. Избранное. М. 1953 г. стр. 471.

³⁸ Н. Грибачев. «Чужая вина». Рассказ в журнале «Огонек», М. 1956 г., № 42, стр. 10

Существенным является и тот факт, что колхозники в последнее время особенно остро чувствуют полное пренебрежение партии к их нуждам, полное презрение коммунистической власти к личному благополучию человека. Во всех странах мира жизнь трудящихся неуклонно улучшается и только в Советском Союзе улучшение это почти незаметно. Партия реконструирует деревню, строит клубы, кинотеатры, стадионы и разного рода пропагандные «дворцы», но она ничего не делает для улучшения жизни колхозников, для улучшения их жилищ, их снабжения, их питания. Этот контраст в отношениях партии к личному и общественному, ставший почти нестерпимым, нашел свое отражение и в советской художественной литературе. Валентин Овечкин в повести «Трудная весна» говорит:

«В телятниках и свинарниках у вас площадь, кубатура помещения, свет, вентиляция — всё рассчитано по научным нормам. Строите прогулочные дворики, откормочные площадки, ванны, чтобы молодой рос здоровым, веселым, чистым, упитанным. А в избах колхозников есть эти нормы света и воздуха? Это по-научному, когда семья в шесть, семь душ живет в одной комнате? Тут и кухня и спальня, тут и белье стирают, и моются в кадке, и школьники уроки учат. Колхозные коровы у вас пьют воду из автопоилок, значит у коров водопровод. А колхозница, чтобы чаю согреть, должна идти по воду к колодцу, а колодцев с хорошей водой всего два на всё село. За полтора километра носят воду на плечах! Кому же лучше живется у вас — коровам или колхозникам? Телятам или ребятам?»³⁹

Это унижительное положение колхозного народа понимают теперь все колхозники и в связи с этим глухое недовольство деревни несомненно усиливается. Положение становится напряженным...

Но может ли это напряженное положение деревни уже в ближайшее время вызвать активную борьбу колхозного крестьянства против советской власти, способную перейти в революцию?

Советское крестьянство на протяжении четверти века ведет упорную и непрерывную борьбу с советской властью,

³⁹ Валентин Овечкин. Повесть «Трудная весна». См. журнал «Новый Мир», М. 1950 г. № 9 стр. 139.

борьбу, временами переходящую в очень серьезные и очень активные операции. В процессе этой борьбы крестьянство понесло огромные потери и тем не менее крестьянской революции до сих пор не произошло. И это понятно. Одно крестьянство территориально распыленное, политически не организованное, никак не вооруженное и от ведущих сил города изолированное, совершить революцию в современных условиях не может. Эпоха чисто крестьянских войн и революций закончилась еще в XIX столетии. В современных условиях революция может рассчитывать на успех только в том случае, если в ней участвуют и крестьяне, и рабочие, и военные, и передовые слои интеллигенции, то есть не только деревня, но и город, не только крестьяне, но и основной массив народа всей страны. Кроме того, в современных условиях тоталитарной России важно участие в революционном движении и какой то части правящего слоя, именно той части, которая способна понять нужды народа и в критическую минуту своей родины способна встать на сторону народа, сочетав, таким образом, революцию снизу с революцией сверху. Возможна ли такая общенародная революция в Советской России? Конечно, положение в Советской России иное, чем, скажем, в Венгрии. Национальные мотивы в Советской России не являются катализатором политических событий и созревание революционной ситуации здесь — длительный процесс. Но политические перемены в Советской России неизбежны и отнюдь не исключается, что эти перемены станут результатом революционного взрыва, т. е. результатом народной революции. Народная революция в Советской России, в принципе возможна. Мы не беремся определять характер пути и сроки революционных событий⁴¹, но не можем не подчеркнуть, что вся обстановка в России складывается в последнее время весьма благоприятно для развития революционных настроений и политических изменений. В правящем слое Советской России начались серьезные колебания и взаимная борьба. Монолитность правящего слоя уменьшается, а монолитность народа, наоборот, увеличивается. Интересы рабочих,

⁴¹ См. по этому вопросу содержательную статью Г. Аронсона «Созрела ли большевистская революция для термидора» («Соц. Вестник» 1956 г. № 10), содержательную статью М. Вишняк «К предстоящему 40-летию Февраля» («Новое Русское Слово» 25. 11. 1956 г.) и статью И. Курганова «Мировая война и российская революция» («Народная Правда» 1951 г., № 16).

крестьян и значительной части интеллигенции сближаются. Весь политический климат в России меняется. Террор смягчается, страх ослабляется, нищета и голод не засекречиваются, недовольство народа обсуждается и политическая активность народа увеличивается. В то же время в политическую жизнь начинает вступать молодежь, духовно сложившаяся во время войны, когда народ уже не трепетал перед властью. С одной стороны, эта молодежь, духовно сложившаяся во время войны, наиболее свободна от «инерции страха и подозрительности», а, с другой стороны, она наиболее угнетаема партией, которая рассматривает ее не только как материал для идеологической обработки и экономической эксплуатации, но и как резерв для всевозможных мобилизаций (в шахты, на целину, на «великие» стройки), разрушающие ее жизнь и ее мечты. Понятно, что лучшая часть молодежи уже начинает мыслить оппозиционно, начинает говорить смело и начинает искать самостоятельные ответы «на проклятые вопросы». Вместе с тем приобретают широкую популярность народнические идеи (конечно, с поправками на современность), идеи свободы и социальной справедливости, за которые боролись со времен Радищева и Герцена передовые люди народа и которые нашли свое отражение в дореволюционной классической литературе, широко доступной современной читающей России и облегчающие формулировку чаяний народа уже в современных условиях. Россия встает на путь духовного возрождения и Россия неизбежно встанет на путь политического освобождения. Вопрос в сроках.

Кооперативное движение в России

В конце прошлого и начале текущего века широко развернулось в России народное кооперативное движение, приобретшее очень большое значение в общественной жизни страны. Однако, возникшее в 1917 году коммунистическое государство, как государство тоталитарное, не могло мириться с независимым кооперативным движением и «преобразовало» кооперацию, т. е. превратило кооперативы в государственный торгово-технический аппарат. В сельских местностях этот торгово-технический аппарат и до сих пор именуется еще кооперацией, хотя, конечно, с подлинной кооперацией он не имеет ничего общего. Но времена меняются. Я думаю, что независимая кооперация снова будет играть в жизни нашей страны огромную роль и я считаю поэтому полезным поделиться с читателями своим кооперативным опытом и некоторыми, связанными с этим опытом, соображениями.

Мое знакомство с кооперативным учением и моя кооперативная деятельность начались довольно давно. Еще в 1906 году, будучи студентом Цюрихского университета, я принял участие в международном конгрессе этической культуры, на котором выступали ученые Германии, Швейцарии и Дании. Особенно большое впечатление произвела на меня лекция швейцарца Стефана Гшвинда, который познакомил аудиторию с новым тогда кооперативным учением, а после лекции повез нас в окрестности Базеля, где он основал для крестьян и рабочих целый ряд кооперативных предприятий. Другим этапом моего изучения кооперации был Брюссель, где я стал членом потребительского общества «Дом Народа». По окончании университета осенью 1908 года я поехал в Париж, где познакомился с Шарлем Жидом и Додэ-Банселем и при их содействии предпринял обследование потребительских и производительных кооперативов в Париже и Северной Франции. Анкету этого обследования я напечатал в конце того же года в петербургском журнале «Жизнь». Затем, я начал печатать свои корреспонденции в ежедневной газете народнического направления «Сын Отечества» и, таким образом, начал пропаганду кооперативных идей в России.

Поселившись в Петербурге, я стал помещать статьи по кооперации в органах различных направлений, но чаще всего в народническом органе «Сын Отечества» и в беспартийном органе «Северный Курьер». В то время в России шла идейная борьба между марксистами и народниками. Марксисты нападали на идеализм народников, на общину и артели. Сельская община действительно была в упадке и кооперативное артельное движение в широких размерах не удавалось. Но это отнюдь не значило, что кооперация вообще, особенно в её западно-европейских формах, не могла получить распространение в России. В России она, как мы увидим дальше, получила широкое распространение. В 1900 году я стал членом С-Петербургского отделения комитета «О сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах», который вначале находился в руках чиновников и получал небольшую правительственную субсидию для организации в России ссудо-сберегательных товариществ. Затем я стал секретарем этого комитета и обновил его состав путем привлечения передовых общественных деятелей без различия партий. Особой привилегией комитета было право бесплатной рассылки корреспонденции, благодаря чему мы смогли развернуть большую пропаганду всех форм кооперации. Комитет стал издавать журнал «Вестник кооперации», а еще раньше, именно с 1903 года, Московский Союз Потребительных Обществ начал выпускать еженедельник: «Союз Потребителей». Кроме того стали издаваться книги и брошюры по кооперации, в частности, вышла моя брошюра «Мощь кооперации», затем, в 1901 году, моя большая книга, посвященная потребительским обществам на западе. Солидные труды по кооперации выпустили Исаев, Озеров, Анцыферов, Прокопович, Крапоткин, Николаев, Слобожанин, Туган-Барановский, Жильчевский, Бородаевский и др. Но особенно многочисленна была переводная литература по кооперации с французского, немецкого, английского и итальянского языков. Обилие кооперативной литературы имело благотворное влияние на развитие кооперативного движения в России.

Не меньшее влияние имели и политические события 1904-1905 гг., благодаря которым кооперативное движение получило некоторую свободу развития. Даже само правительство учредило Управление по делам мелкого кредита при государственном банке, разросшееся в особое ведомство с 1000 инспекторами мелкого кредита, которые разъезжали по всей России, насаждая путем выдач ссуд крестьянам, кредитные

товарищества Райфейзенского типа.

Большой толчок кооперативному движению дал первый Всероссийский Кооперативный Съезд, состоявшийся в апреле 1908 г. в Москве. Съехалось около 1000 делегатов со всех концов России. Тут были крестьяне, рабочие, служащие частных и правительственных учреждений и даже представители буржуазных классов. Съезд был разделен на три секции: потребительскую, кредитную и сельско-хозяйственную. На первом общем собрании с большими речами выступили В. Ф. Тотомианц и В. А. Поссе. Энтузиазм был неопиcуемый, хотя несколько горячих слов в речи В. А. Поссе и дали приставу повод прервать оратора. После этого съезда число кооперативов и их провинциальных союзов необычайно возросло и Россия вскоре заняла одно из первых мест по количеству кооперативных учреждений.

Второй кооперативный съезд состоялся в Петербурге в 1912 году. Правительство не разрешило назвать его всероссийским и исключило делегатов потребительских обществ, поскольку на предыдущем съезде в потребительской секции проявилась попытка использовать кооперацию для политических целей. Съезд официально состоял из двух секций: кредитной и сельско-хозяйственной, но Петербургский комитет дополнил их, организовав доклады и по потребительской кооперации. Этот съезд выработал проект первого кооперативного закона.

Третий кооперативный, уже всероссийский, конгресс состоялся в Киеве, в 1913 году. Устроенная им кооперативная выставка воочию убедила даже крайних скептиков в огромной мощи кооперативных организаций в России.

**
*

Что же представляла собою кооперация в России? Начнем с потребительской кооперации. В 1912 году в России было 6730 потребительских обществ с 1002100 членами. В 1917 году их было уже 20 000 и членов приблизительно 10 000 000. По числу потребительских обществ Россия заняла первое место в мире. И это несмотря на войну.

Московский союз потребительских обществ, начавший свои операции в 1898 году с 18 обществами, в 1913 году насчитывал их 765. В 1914 году Союз занял первое место среди европейских союзов такого типа. В 1916 году этот союз, переименованный в Центросоюз, охватывал 300 провинциальных

союзов, в которые входило 12 000 потребительских обществ (главным образом сельских) с годовым оборотом в 250000000 рублей.

Центросоюз занимался не только торговой, но и производственной деятельностью, имея чаеразвесочную фабрику, шоколадную фабрику и т. д. Еще больше занимались производственной деятельностью потребительские общества. Они организовывали хлебопечение, пошивку одежды, табачное производство, производство мыла, строительных материалов и т. д.

Потребительская Кооперация имела для народа огромное значение. Так, например, по анкете, произведенной незадолго до первой мировой войны, в Киеве, 160 потребительских обществ этой губернии понизили цены предметов первой необходимости на 25 % и, таким образом, значительно повысили жизненный уровень членов кооперации.

Второе место после потребительских обществ занимали кредитные кооперативы. И если сравнить Россию по количеству кредитных кооперативов с другими странами, то и в этом отношении Россия вышла на первое место, обогнав даже Германию. Из Германии в Россию были перенесены два типа кредитных кооперативов: ссудо-сберегательные товарищества Шульце-Деличевского типа и кредитные товарищества Райфайзеновского типа. Райфайзеновский тип кредитных товариществ был взят под благожелательную опеку государства, благодаря чему быстро развились в России не только кооперативно-ссудные операции, но и посреднические операции по закупке для крестьян необходимых материалов — высококачественных семян, удобрения и пр. Ссуды выдавались членам товарищества исключительно по доверию, которым они пользовались, и по поручительству других членов или посторонних лиц. В 1916 году насчитывалось в России 16.194 кредитных товарищества с 10 085 000 членов и с капиталом в сумме 783 859 000 рублей.

Перейдем теперь к крупнейшему интегральному союзу в западной Сибири, а именно, Союзу Сибирских Маслодельных Артелей с центром в г. Кургане. Честь учреждения этого союза принадлежит А. Н. Балакшину: Хотя пример был взят с Дании, однако, Балакшин внес в это дело и некоторые новшества, из которых главным была организация при маслодельных артелях потребительских лавок. В 1907 году, т. е. пять лет спустя после его учреждения, союз насчитывал уже 271

маслодельных артелей с 52 тысячами членов. В 1917 году союз насчитывал 1300 маслодельных артелей с 1050 потребительскими лавками, с балансом свыше ста миллионов рублей. Союз имел конторы не только во всех городах западной Сибири, но и за границей — в Лондоне и Берлине, куда вывозились с.-х. продукты, главным образом сливочное масло. Во время войны союз поставлял огромное количество продуктов армии. Для концентрации и хранения продуктов союз имел свои элеваторы, а для перевозки их свое пароходство. К середине 1917 года почти вся переработка сельскохозяйственных продуктов и весь их сбыт в западной Сибири были кооперированы. Благодаря кооперации качество сибирских продуктов, особенно масла, значительно улучшилось, так что сибирское масло начало конкурировать с датскими и доходы сибирского крестьянства резко возросли.

Остановимся, наконец, на организации Московского Народного Банка, который впоследствии получил название Всероссийского Кооперативного Банка. Устав этого Банка был утвержден Министерством Финансов 16 марта 1911 года. Цель банка — концентрировать свободные средства народа и его кооперативных организаций для финансирования кооперативного движения в России. Было выпущено 4 000 акций, которые на 85% были разобраны кооперативами и на 15% отдельными лицами, сочувствующими кооперации. Когда 9 мая 1912 г. в Москве банк открыл свою деятельность, публика и особенно капиталисты отнеслись к этому довольно скептически, предсказывая скорый крах. Опыт, однако, показал, что кооперация в России — реальная сила и может творить чудеса. Широкой волной стали поступать вклады, успешно начались кредитные операции, быстро росли капиталы. Уже в 1916 году основной капитал банка равнялся сумме 4 000 000 руб., а вклады — 50 000 000 руб. Были открыты отделения в больших городах России, а так же за границей. Банк связывал все отрасли кооперации и стал серьезной экономической силой.

Российские кооперативные учреждения жертвовали большие суммы на школы, народные дома, церкви и разного рода общественные начинания. Кроме того они сами непосредственно принимали участие в народном просвещении, организуя курсы для подготовки кооперативных деятелей, публичные библиотеки, экскурсии и т. д. Достаточно вспомнить большую экскурсию сибирских крестьян в Данию и Англию для изучения иностранного опыта по сельскому хозяйству,

кооперации и просвещению. Вот почему О. Кайданова в ее книге, посвященной народному образованию в России, говорит, что «Деятельность кооперации во многих местностях превысила земскую деятельность по количеству созданных ею просветительных учреждений внешкольного характера и затраченных на эти цели средств». Всё это было, и всё это было создано путем сплоченного коллективного труда, путем кооперации.

Все прогрессивные общественные деятели России, может быть лишь за немногим исключением, относились к кооперации, как подлинно-народному движению, чрезвычайно положительно. Отмечу, например, отношение к кооперации величайшего русского гения Л. Н. Толстого. С Львом Николаевичем я познакомился осенью 1899 года в Ясной Поляне. Уже из первого продолжительного разговора со Львом Николаевичем мне стало ясно, что он относится совершенно отрицательно как к марксизму, входившему тогда в моду, так и к капитализму. Его идеал сельской жизни, опрощения и работы над собой оставался непоколебимым. Я говорил с ним о кооперации и в дальнейшем посылал ему мои книги и статьи на эту тему. В январе 1910 года я получил от Льва Николаевича следующее письмо, получившее широчайшую известность:

«Вахан Фомич! Вы совершенно верно предполагаете, что кооперативное движение не может не быть сочувственно мне. Хотя я продолжаю и никогда не перестану думать и говорить, что единственное радикальное средство, могущее уничтожить существующее зло борьбы, насилия и задушенности большинства народа нерабочими сословиями, — есть обновление религиозного сознания народа, я не могу не признавать и того, что кооперативная деятельность — учреждение кооперативов, участие в них — есть единственная общественная деятельность, в которой в наше время может участвовать нравственный, уважающий себя человек, не желающий быть участником насилия.

Признаю и то, что кооперация может облегчить дошедшую в последнее время до крайней степени нужду рабочего народа. Не думаю, однако того, чтобы, как это думают некоторые, кооперативное движение могло вызвать или утвердить религиозное отношение людей к жизненным вопросам. Думаю, наоборот, что только подъем религиозного сознания может дать прочный и плодотворный характер кооперативному движению.

Во всяком случае, думаю, что в наше время это одна из лучших деятельностей, которым могут посвятить себя ищущие приложения своих сил молодые люди, желающие служить народу, а их так много. Если бы я был молод, я бы занялся этим делом, и теперь не отчаиваюсь попытаться сделать, что могу, среди близкого мне крестьянства.

Уважающий Вас *Лев Толстой*. Ясная Поляна, 1910 г., января 23».

Кооперация в России была народным, культурно-экономическим движением, которое, однако, в конце 1917 года было ликвидировано. Говорить о кооперации Советского Союза уже не приходится. Никакой кооперации, как свободного, независимого, народного движения в Советском Союзе нет. Есть технический государственный аппарат торговли на селе, который называется кооперацией, но, как мы в начале уже отметили, кооперацией не является. Этот аппарат лишен всякой самостоятельности, бюрократизирован и нормирован. Он работает по казенному плану, он служит не народу, а государству, являющемуся органом партии, он не может избирать себе руководителей, которые назначаются партией и он не может проявлять своей инициативы без разрешения партийно-государственного начальства. От независимого, свободного, народного творчества в советской «кооперации» не осталось абсолютно ничего.

Примечание редакции. Статья проф. Тотомианца дает очень существенный и интересный материал о кооперации в России. К концу прошлого столетия кооперация в России действительно приобрела широкое распространение, а в начале текущего столетия вызвала уже серьезное беспокойство в «деловых» кругах, справедливо видевших в кооперации угрозу капиталистическому пути развития России. (Специальные заседания биржевых комитетов, посвященных этому вопросу, петиции в правительственные органы, протесты в прессе и т. д.). И это понятно. Кооперация, организующая производство и сбыт, встала на путь непосредственной смычки производителя и потребителя, минуя все посреднические звенья. На этом пути кооперация начала реальное освобождение народа от услуг промышленников, торговцев, банкиров и всякого рода перекупчиков. Известен, например, факт непосредственной смычки сибирского крестьянина — производителя продуктов с английским

рабочим — потребителем этих продуктов. Все экспортеры и импортеры, все оптовые и розничные перекупщики оказались здесь не нужными. Сами сибирские крестьяне в лице своего союза доставляли свои продукты в Лондон и там продавали их английскому потребителю. Все вырученные суммы, за исключением организационных расходов, шли в распоряжение тех, кто продукты производил. Каждый крестьянин получал за свои продукты всё, что именно за его продукты (так был поставлен учет) было выручено, и, конечно, он получал больше, чем мог заплатить перекупщик. Сибирские крестьяне решительно перестали продавать свои продукты перекупщикам и многочисленные экспортные конторы капиталистических фирм в Сибири закрылись... закрылись без арестов, без тюрем, без расстрелов, без крови...

Или еще один факт. Московский союз потребительских обществ закупал у крупнейших промышленников огромные партии товара по максимально выгодным ценам и распределял их в своей кооперативной системе. Конечно, потребительские общества могли продавать эти товары своим пайщикам значительно дешевле, чем розничные торговцы, получающие товары через ряд промежуточных звеньев. Кроме того, каждый пайщик потребительского общества в конце года участвовал в распределении прибылей и на сумму закупленных им в течение года товаров (а не на пай) получал определенный дивиденд. Понятно, что потребительские общества росли, а частная торговля на селе стала резко сокращаться. Но Московский союз пошел дальше. Он так же начал осуществлять непосредственную смычку производителя с потребителем путем, например, организации своих фабрик и путем закупки некоторых товаров непосредственно у производителя, как это было с чаем, который он закупал у китайских производителей и, затем, после расфасовки закупленного чая на своей фабрике, продавал его русским потребителям. К сожалению, этот процесс, т. е. процесс непосредственной смычки производителя и потребителя, находился еще в начальных стадиях своего развития, когда он коммунистической революцией был прекращен. Но и в этих начальных стадиях кооперативная, носящая народнический характер, организация общественной экономики оказалась реальной и всепобеждающей силой. В кооперации нашли практическое осуществление народнические идеи и именно в кооперативном движении с самого его зарождения народники принимали самое активное участие. Народники отнюдь не стремились придать кооперативному движению сектантско-партийную окраску. Кооперация развивалась в России как широкое народно-экономическое движение и народничество имело в кооперации не только идеологическую, но и серьезную практическую победу.

Перелом в сознании народа

1.

В областях истины, в царстве мысли и духа не может никакая земная власть давать решений и не должна.

А. Н. Радищев

Тоталитарный мир коммунизма долгое время представлялся идейным монолитом, исключаям всякие проявления инакомыслия. Был этот миф присущ и самим носителям диктаторской власти, непоколебимо уверенным в своем искусстве «организовывать» в подвластных народах «общественное мнение», вполне совпадающее с их собственным. Такое «общественное мнение» и преподносят диктаторы внешнему миру и своему собственному народу. Но значит ли это, что наряду с фальсифицированным не существует другое — истинное общественное мнение? Конечно, нет, можно лишить народ средств для выражения мнений, можно заставить его молчать, но нельзя уничтожить мнения народа. Эти мнения даже в скрытом виде обладают коллективной силой воздействия, по невидимым руслуам докатываются до сознания диктаторов и в какой то мере определяют их действия.

В свободных странах, ошибочные действия правительств наталкиваются на сопротивление общественного мнения, подчас неожиданного для государственных деятелей. В условиях террористического режима правительство оказывается перед такими неожиданностями немедленно, при первом же случае ослабления террора. Общественное мнение, находившееся в подполье, начинает выпирать сквозь первые же трещины диктатуры. Это и происходит в нашей стране после смерти Сталина.

«Как не старались сталинские наследники «сплотиться вокруг великих идей коммунизма», чтобы закрепить за собой созданную Сталиным диктатуру, им не удалось избежать ее ослабления. Освободившись от страха перед «хозяином», они унаследовали другой страх — страх народного гнева, а по-

сколько такая опасность не предусмотрена марксистской теорией, на кремлевской сцене появились рестерянность и разногласия, покрывшие трещинами «идейный монолит».

Это не могло долго оставаться незамеченным в стране. Скрытые ранее настроения народа стали прорываться наружу, приобретая силу реального общественного фактора. Они стали определять уже многие действия «коллективных руководителей», влиять на их поведение, как это случилось с Никитой Хрущевым произнесшим саморазоблачительную речь на 20-м съезде КПСС.

В эпоху Сталина отношения между народом и властью отличались возрастающим господством власти и подавлением духовных сил народа — теперь процесс получил обратное направление. В последние годы жизни диктатора давление на народ достигло крайности, а так как «...в ходе развития совершается превращение противоположностей друг в друга, когда они доведены до крайности» (см. «Коммунист», 1956, № 13, стр. 71), то народ оказался сейчас потенциально сильнее своих властителей. Это заметно хотя бы в уступках, посулах и послаблениях, которыми властители стараются задобрить народ. Заметно это и из того насколько приковано внимание «коллективного руководства» к внутренним проблемам. Но и разброд в компартиях внешнего мира, события в странах «народных демократий», падение престижа советского правительства среди попутчиков и нейтралов доказывает то же самое.

Общественные настроения начинают приобретать ключевое значение в жизни нашей страны. Это силы будущего, на них и должно быть направлено главное внимание. Определить духовное кредо нашего народа, его стремления и чаянья, расслышать его свободный голос можно и сквозь цензурные преграды. Даже при Сталине подцензурная печать зачастую проговаривалась. Теперь же цензура, по многим причинам, оказалась ослабленной. Она не поспевает за частыми поворотами партийной линии, вызванными разногласиями на верхах. В цензуре образовались бреши, позволяющие узнавать многое, недоступное читателю сталинских времен. Это ощутимо и в художественной литературе, где уже давно процветали методы вкладывания мнений автора в уста «отрицательных персонажей», выражения мыслей при помощи эзопова языка, наводящих параллелей, исторического сопоставления. Теперь же писатели еще больше осмелели, в своих произведениях они начинают ставить животрепещущие проблемы и даже пытаются их разрешать, а дезориентированной цензуре ни-

чего не остается, как пропускать эти «невыдержанные» высказывания. Особо ценным источником является поэзия. В ней зачастую звучат поистине народные ощущения. Вот как передает поэт мысли возвращающихся с войны: (Б. Слуцкий. «Домой». «Новый Мир», 1956, № 10.)

Что ты стелишься над пожарищем?

Что не вьешься над белой трубой?

Дым отечества? Ты другой,

Не такого мы ждали, товарищи.

Разве не эта глубокая разочарованность охватывала *весь* народ в послевоенные годы?

И все же подцензурная печать не может быть признана достаточным источником для больших обобщений, когда дело идет об общественных настроениях народа. К счастью, мы располагаем иным — вполне достоверным источником: реакция власти. Каждая партийная директива, каждое официозное разъяснение вредных, с точки зрения режима идей и явлений, каждая уступка диктатуры народу — не что иное, как ответные акты властей на настроения народных масс и являются отражением этих настроений. Сам факт реакции диктатуры на некое общественное явление — уже достаточное подтверждение всеобщности и всенародности этого явления, что с наибольшей силой раскрывается в комментариях теоретиков режима. Изучение идеологических ходов диктатуры и сопоставление с их прорывающимися сквозь ослабевшие цензурные заслоны струями свободной мысли, дает право делать некоторые выводы.

**

*

Определяя направления современной народной мысли в СССР, нужно в первую очередь остановить внимание на взаимоотношениях социальных групп, из которых складывается сегодняшнее советское общество. Еще не столь давно некоторые социологи определяли положение крайне просто: диктатура пролетариата, проводящая планомерное истребление враждебных ей классов и осуществляющая «опеку» над «несознательным» крестьянством. Олицетворивший эту диктатуру в единственном числе Сталин драконовскими мерами перекраивал нашу родину, чтобы обратить в пролетариев подавляющее большинство нашего народа. В соответствии с марксистской идеологией, это должно было привести ко всеобщей «пролетарской солидарности», то есть к поддержке однопартийной коммунистической диктатуры.

На сороковом году революции, в итоге сталинской перестройки рабочие и служащие стали численно преобладающей группой населения, а крестьянство в его теперешнем состоянии приблизилось к категории сельско-хозяйственных рабочих и, таким образом, огромное большинство населения страны, приобрело все признаки, которыми марксисты определяют пролетариат. Однако значит ли это, что теперь после смерти диктатора, суверенные права возвращены рабочему классу и он является «господствующим»?

Пожалуй, никто лучше не предвидел судьбы «диктатуры пролетариата», чем М. А. Бакунин, писавший около столетия тому назад: «Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит останется еще пролетариат, который будет подчинен этому господству?.. например, хотя бы крестьянская чернь, как известно не пользующаяся благорасположением марксистов...» Бакунин предсказывал, что на практике это неминуемо приведет к управлению огромного большинства народа привилегированным меньшинством. Это предсказание полностью сбылось и трудящиеся со всей отчетливостью ощутили на своем горбу всю тяжесть диктатуры проводимой от их имени. Сознание, что эта диктатура находится в руках нового, оторванного от народа и враждебного ему класса властителей, несомненно является основой сегодняшних народных настроений в СССР.

Антагонизм в отношениях народа и властителей приобретает особо резкие очертания вследствие все большего сглаживания противоречий между различными группами трудящихся. В результате прихода в промышленность огромного количества крестьян теперешний промышленный пролетариат, больше чем наполовину стал крестьяно-пролетариатом. С другой стороны, само лишенное собственности крестьянство постепенно превращается в сельско-хозяйственный пролетариат. «...Крестьянство сблизилось с рабочим классом в экономическом, политическом и духовном отношениях», пишет орган КПСС — «Коммунист» (№ 15, 1945 г., стр. 31). Это соответствует действительности, хотя причины сближения оказались совсем не те, которые предполагались марксистскими идеологами, т. е. экономическое уравнивание. Не одной экономикой жив русский человек, для которого она никогда не заслоняла духовных ценностей. И если рабочие и крестьяне находятся теперь в одинаковой экономической зависимости от своих вла-

стителей, то еще более сильна общность трудовых классов в области духовной. Огромная роль в этом сближении принадлежит, невиданной в прошлом нашей страны, динамике общественной жизни. Массовый уход крестьянского населения в города — один из главнейших элементов этой динамики. Ему сопутствуют множество других: частые отправки городского населения на сельскохозяйственные работы, переброски рабочей силы на крупные строительства, на новые предприятия, на освоения целинных земель, отсылка специалистов и администраторов из городов в сельские местности и т. д., вплоть до общеизвестной «текучности рабочей силы». В годы войны динамика общества была особенно высокой. Постоянное движение населения в неизвестных дореволюционным временам масштабах, не могло не оказать влияния на кругозор и духовный облик народа, привело к взаимопониманию различных групп, т. е. к возникновению духовного единства. Сознание, что теперешние властители являются душителями духовной свободы *всего* народа, всех без исключения категорий трудящихся, — главный и основной признак этого единства.

Еще одно значительное обстоятельство содействовало кристаллизации народного самосознания — это всеобщий подъем образовательного уровня, а следовательно, интеллектуального потенциала народа. Когда перед диктатурой, затевавшей индустриализацию страны, встала проблема создания технических кадров, собственной новой интеллигенции, взамен недостаточной численно и находящейся под постоянным подозрением старой (между прочим, служившей верой и правдой и не доставлявшей режиму никаких неприятностей), мог ли тогда Сталин предполагать, что новая окажется гораздо опаснее? Ведь это была не потомственная интеллигенция дореволюционных времен, но целиком вышедшая из народа и кровно с ним связанная. Вызывая из народа эти силы, диктатура сама вкладывала в его руки оружие, которого он раньше был лишен. Допуская народ на высшие ступени умственного развития она помимо воли развязывала его духовные стремления. Вот почему очень важно отметить мощную струю крестьянства, влившуюся в новую интеллигенцию страны и принесшую с собой свои исконные чаяния. Среди теперешней многомиллионной интеллигенции, ставшей значительным и даже самодовлеющим фактором советского общества, крестьянские элементы представлены исключительно широко. Вспомним, что целый ряд вузов (как, напр., все учительские институты) почти полностью заполнены студенчеством крестьянского

происхождения. Так же, как и рабочий класс, интеллигенция в большей своей части является крестьяно-интеллигенцией.

В своей массе, советская интеллигенция представляет собой социальную группу во многих отношениях подобную другим классам трудящихся: рабочим и крестьянам. Она также низведена на положение пролетариата и поэтому вряд ли может называться «прослойкой» ибо лишена специфических черт интеллигенции свободных стран: духовной независимости и свободы творчества. Поэтому психологически она неотъемлема от народа и является носителем его настроений. Лишь незначительная ее часть составляет правящий слой страны, причем и среди этой части в последнее время происходит духовный перелом. Некоторые из них, то ли мучимые совестью, то ли почуяв надвигающиеся события, становятся проводниками настроений народа.

2.

Ярость мучителей твоих разобьется о
твердь твою.

А. Н. Радищев

Первым, после смерти Сталина, ясным и отчетливым выражением народных настроений было требование прекращения террора и установления законности. Наверно во всем Советском Союзе не было ни одного человека не испытывавшего страха пред террористической машиной покойного тирана. Ненависть и омерзение — вот чувства, которые она вызывала у всех, от ближайших сотрудников диктатора до последних рабов его концлагерей. Неудивительно, что для уничтожения террора потребовалось так мало усилий. Он пал сам собой, в час смерти Сталина, быть может потому, что тогда произошло единственное совпадение интересов коммунистических главварей и народа, хотя совпадение это и было только мгновенным. Наследники уничтожали террор не для народа, а для себя, но он рухнул почти весь. Как бы не мечтали теперешние коллективные руководители о хотя бы частичном его возобновлении, путей к этому нет. Освобождение от террора и страха колоссальная удача для нашего народа, открывшая ему пути в будущее и сделавшая возможным его дальнейшие победы.

Всякий террор является нарушением законности. Но правительственный терроризм приводит также к созданию законов охраняющих террор. В эпоху Сталина таких законов

появилось во множестве. Теперь в советской песне можно найти много подтверждений тому, что народные массы требуют пеесмотра всего советского законодательства и судопроизводства. В одном из номеров журнала «Коммунист» (№ 11, 1956 г.) находим следующее признание: «Одним из последствий культа личности явились и тяжкие нарушения законности...» Журнал утверждает, что «В настоящее время установлен надлежащий контроль над работой органов государственной безопасности... Укрепляются проверенными кадрами (как будто раньше там сидели непроверенные! В. Л.) органы государственной безопасности... Еще в 1953 году было упразднено Особое совещание при министре внутренних дел и все категории судебных дел отнесены к компетенции судебных органов». В этих успокоительных заверениях сквозит явное желание теперешних властителей свалить вопиющие вещи на своего предшественника. Конечно, «восстановление законности» предпринимается отнюдь не по инициативе коллективных властителей, а под давлением народных требований, после ряда восстаний в концлагерях и тюрьмах.

Передовая в «Коммунисте» загадочно упоминает о чьих-то «заслуживающих внимания предложениях», по вопросам юстиции. Чьи это предложения, можно догадаться: советская периодическая пресса зачастую стала сообщать о потоках писем от простых людей наводняющих редакции газет и журналов. «Много читательских писем посвящены тому, что иные наши законоположения устарели и не отвечают современным требованиям...», свидетельствует газета «Советская Россия» (№ 67. 16 сент. 1956 г.). И когда мы узнаем, что властители в страхе перед народным возмущением вынуждены отменять или пересматривать свои драконовские законы (о прогулах и опозданиях, о перемене места работы, о расхищении социалистической собственности и др.), мы не можем не усмотреть в этом первых побед нашего народа.

**
*

Прогресс... есть процесс развития в человечестве сознания и воплощения истины и справедливости путем критической мысли личности...

Н. П. Лавров

Рост духовных сил нашего народа, повидимому сильно тревожит сталинских наследников. Неслучайно появление ряда статей на эту тему в руководящей прессе КПСС. Еще до

двадцатого съезда партии журнал «Коммунист» поместил статью, в которой доказывалось «разным упрощенцам», что этот процесс закономерен в силу возросшего культурного уровня населения и что главная задача компартии в сохранении контроля над этой стихией («Коммунист» № 1, 1956 г.). Но ведь в том-то и дело, что народ начинает уходить из под этого контроля. Лишенные главного средства подавления народа — террора, коммунистические властители остро ощутили, что имеют дело уже не с покорной серой массой, но с быстро растущей, грозной народной силой. Они начали понимать, что «народ... творил свое историческое дело *вопреки* препятствиям, которые оказывались на его пути в результате культа личности», что «народ — хозяин» (Передовая в «Коммунисте» № 10, 1956 г.), что не считаться с этим больше нельзя. В этой же передовой журнал пишет: «Развернутая нашей партией борьба против культа личности породила... *несбыточные*, прямо скажем сумасбродные *надежды* на возможность отказа марксистско-ленинских партий от теории научного коммунизма... На эту приманку поддались отдельные социалистические лидеры, сокрушающиеся по поводу того, что КПСС и ее руководители сохраняют верность ленинизму». «Реакционные круги... льют крокодиловы слезы по поводу того, что в СССР нет иных партий, кроме коммунистической партии; им бы хотелось, чтобы в СССР было несколько партий. Но *надежда* эта *несбыточна*». Дело, конечно, не в «социалистических лидерах» и «реакционных кругах», а в том, что такие идеи носятся в воздухе. Мы уже знаем, что с подобными требованиями выступают трудящиеся и студенчество в странах «народных демократий», что с ними же выступают студенты советских вузов. Но «несбыточные надежды», как показала история, имеют тенденцию сбываться.

Только капитуляцией перед народными настроениями можно объяснить отказ властителей от «голового администрирования», провозглашенный в статье С. Мезенцева «Убеждение — основной метод партийного руководства массами» («Коммунист» № 13, 1956 г.). Прodeкламiровав, что «народные массы — решающая сила общественного развития... Творцы всех материальных и духовных благ», что «в каждом рабочем или колхознике нужно видеть полноправных хозяев», автор статьи сообщает и причину столь возросшего уважения к народу: «люди смелее ставят волнующие их вопросы». В статье приводится и пример подобного осмеления, а заодно демонстрируется классический образец партийного руковод-

ства массаи: «В колхозе 'Новый путь', после отчетного доклада председателя, колхозники потребовали от него объяснения некоторых его незаконных действий. Казалось бы секретарь райкома, присутствовавший на собрании, обязан был... разобраться в существе дела... А что сделал Пышкин? Он накричал на колхозников и предложил удалить с собрания двух членов сельхозартели. Такие действия, естественно, вызвали возмущение собрания. Тогда секретарь райкома пытался приписать колхозникам, осмелившимся ему возразить, «политическое преступление» и дал задание милиции привлечь их к ответственности».

Что произошло на собрании после того, как секретарь райкома приказал упрятать бунтовщиков в холодную, — в статье не сообщается. Еще совсем недавно поведение секретаря райкома не вызвало бы ничьих сомнений, но теперь подобные действия, повидимому, становятся опасными для режима и «Коммунист» предостерегает от такой практики. «Пышкин не одинок», — пишет журнал. Еще бы, ведь это недавний стиль *всех* коммунистических «руководителей».

Борьба неорганизованного народа с организованным аппаратом коммунистической диктатуры за свои права была бы необычайно трудна, если бы не произошло глубоких изменений внутри самой коммунистической партии, вызвавших ее ослабление. Эволюция партийного состава привела к тому, что в шестимиллионной партийной массе правоверных большевиков-фанатиков осталось незначительное меньшинство. Внутри компартии, а особенно в ее низах образовалось положение почти повторяющее общую картину сегодняшнего советского общества. Большое число членов партии еще не утратило связей с народом и близко к его настроениям. Недовольство существующими порядками захватило и какую то часть коммунистической партии.

Чтобы не быть голословными, мы приводим только одну выдержку из талантливых очерков Валентина Овечкина печатающихся в журнале «Новый мир» (№ 9 (1956 г., стр. 164). Низовой партийный работник Мартынов беседует с секретарем обкома.

«...начался такой разговор, какого, вероятно не слышали стены кабинета первого секретаря обкома.

— Рыбак рыбака видит издалека! — говорил Мартынов. — Вы ненавидите Долгушина, но зато поддерживаете Медведева, потому что вы сами Медведев! Вы такой же толкач и погоняло, а не секретарь, как и Медведев! Вас вполне устраи-

вают мыслительные способности Медведева. Умеет орать на людей — и ладно. А больше вы и не знаете, чего требовать от секретаря райкома, потому что это предел и ваших организаторских дарований. Холодов ведь прошел здесь тоже через вашу комиссию? Вы отобрали на партийную работу этого следователя по особо важным делам? Вам нужны в районах манекены, а не живые люди с умом и сердцем! Перевалочные пункты для директив и только... Вы любите в районах людей, которые ели бы вас глазами и как попугаи, не рассуждая, повторяли за вами слово в слово все, что вы скажете... Вы злобствуете сейчас оттого, что чувствуете — время наступило для вас тяжелое!.. Как вы сейчас будете перестраиваться на новые методы — не знаю. Дело ваше... швах!

— Что это за разговоры? — вскочил наконец Масленников. — От кого я все это слышу? Я не верю своим ушам!..

— А вы верьте. Уши вас не обманывают. Могу повторить все с самого начала...

— Да раньше за такие разговоры, знаешь, что с тобой сделали бы?..

— Знаю.»

Что то оборвалось внутри тоталитарного режима и оборвалось непоправимо. Мы присутствуем сейчас при судьбоносном переломе сознания нашего народа. Страхивая гипноз страха советский человек начинает ощущать себя человеком, он требует человеческих прав. В борьбе за духовную свободу возрождается личность. Эта борьба только начинается и еще далеко до решающих побед. Но самое главное — это то, что народ почувствовал себя созревшим для этой борьбы и этих побед.

**

Откуда черпает наш народ свои идейные силы? Где он ищет ту правду, что заменит гнетущие его несправедливости? Какие лозунги будут начертаны на его победных знаменах, когда наступит час его освобождения? Ответ лежит в историческом пути русского народа, в традициях его общественной мысли.

Писатель Вл. Лидин говорит, что в Советском Союзе «...в отношении спроса на книгу... произошла своего рода культурная революция: читатель ищет книгу, которая отвечает его духовным запросам и эстетическому вкусу, а не набрасывается на каждую новинку, как это было когда то».

(«Новый мир», № 7, 1956 г., стр. 189) Но раньше и выбирать было не из чего, а за последние годы революция произошла и в издательском деле: стало издаваться многое, долгое время остававшееся под запретом. Появились полные собрания русских и иностранных классиков, переиздания работ выдающихся русских мыслителей прошлого. Тиражи этих книг способны поразить даже передовые культурные страны запада. Достаточно сказать, что в 1955 году напечатано свыше миллиарда экземпляров книг или пять книг на душу населения, а выпуск художественной литературы за период с 1940 по 1955 год увеличился более чем в 14 раз. Какую книгу выбирает народ, нетрудно определить по тиражам книг, обычно указываемым на последней странице. Если произведения *классиков и писателей-народников* печатаются в количестве от 100.000 до 500.000 экз., то средний тираж советских авторов обычно порядка 20.000 экз.

Недавно один иностранец «...проезжая по Кузнецкому мосту в Москве обратил внимание на очередь около книжного магазина. В чем дело? — спросил иностранец спутников — ...Гостю объяснили, что это очередь за книгами. Дело в том, что в эти дни... был выпущен двухтомник стихов С. Есенина. — Я объехал много стран, изучал жизнь многих народов, — заявил иностранец, — но первый раз в жизни вижу, чтобы люди стояли в очереди за книжками стихов». («Коммунист», № 12, 1956 г., стр. 77) Его удивление было бы меньшим, если бы он знал, что запрещенные стихи С. Есенина, еще недавно нельзя было получить даже в библиотеках.

В том, что народ получил, наконец, возможность читать книги недоступные ему в эпоху Сталина и приобщаться к гуманитарным идеям классической литературы, а среди них находить пронизывающие всю русскую передовую общественную мысль идеи народничества, как противоположность опостылевшему марксизму, — огромная заслуга нашей интеллигенции. Разными правдами и неправдами она сумела воспользоваться замешательством советской цензуры для их издания. Лучшая часть интеллигенции: писателей, журналистов, критиков и научных работников находится сейчас в передовых рядах борцов за правду, за восстановление поправных прав личности, за духовное освобождение своего народа. Их усилия заслуживают особого признания, если понять в каких условиях они действуют пробивая первые бреши в цензурных преградах. Никто не осудит их за то, что протаскивая сквозь цензуру свои мысли им приходится обряжаться в маску

лояльности к официальной идеологии коммунистов. Пока в России не существует свободной печати — другого пути нет. Важно лишь то, что идеи проносимые контрабандой в советскую печать — гуманитарные и народнические.

**
*

...идеи 70-х годов вновь объединят значительную и, конечно, не худшую часть русского общества, — разумеется не в буквальном повторении, а со всеми теми поправками, которых требует пережитый с тех пор опыт.

Н. К. Михайловский (1901 г.)

Идеологи коммунизма понимают, что идеи народничества в современных условиях являются для них главной опасностью. В глазах народа, идеи марксизма неразрывно связаны с тиранией, ненавистничеством, произволом, беззаконием, насилиями, ложью и попранием прав человеческой личности. В народничестве же люди находят все противоположности этим качествам: идеи правовой защиты человека, духовной свободы, социального мира, уважения к личности, правды-справедливости. Народнический социализм, основанный на свободном кооперировании трудящихся, гораздо понятнее и ближе русским людям, чем принудительный государственный лжесоциализм коммунистов. Осмысливая исторические процессы, приведшие родину к длительному периоду коммунистического терроризма, русский человек не может не прийти к выводу, что роковым моментом в освободительной борьбе нашего народа было привнесение чуждых ему марксистских идей на русскую почву. Трагический раскол освободительного движения в девяностых годах прошлого столетия привел к узурпации Народной Революции 1917 года большевиками и удушению ими народнических элементов завоевавших большинство во время свободных выборов в Учредительное собрание. За сорокалетний период большевистского властвования, демагогический характер их идеологии оказался полностью разоблаченным и ничто не заставит наш народ снова в нее поверить. Возвращение к лучшим традициям русской общественности, оборванным большевистским переворотом, единственный путь в светлое будущее и надежды народа обращены теперь на этот путь.

Вот почему главные силы марксистских теоретиков брошены теперь на борьбу с возрождающимся народничеством.

Странную картину представляет сейчас советская печать: народничество, которое еще недавно представлялось коммунистами отжившим и ушедшим в историю явлением, сделалось актуальнейшей ее темой. Атаки на народничество находят себе место в политических, исторических, литературных трудах, в предисловиях, в литературной критике, в журнальных статьях и даже в речах коммунистических вождей. Все сочинения Ленина, направленные специально против народничества и эсеров, выпущены за последнее время массовыми тиражами в виде отдельных брошюр. Однако самым замечательным является то, что в этом потоке антинароднической литературы, даже в написанных явно по заказу свыше статьях зачастую проступают слабо замаскированные симпатии к народничеству.

Рост народнических настроений в стране оказался настолько сильным, что заставил коммунистических теоретиков пересмотреть свою тактику. Представлять близкие нашему народу гуманистические идеи народничества в качестве «злейшего врага марксизма» (см. постановление ЦК ВКП(б) опубликованное в «Правде» 14 июня 1935 г.) стало крайне опасным. Поэтому была предпринята попытка перенести народничество в актив диктатуры. В редакционной статье руководящего журнала «Коммунист» («За творческую разработку истории КПСС». «Коммунист» № 10, 1956 г., стр. 19) находим следующий пассаж: «В литературе по истории партии не уделяется также должного внимания разработке тем, раскрывающих преемственную связь Коммунистической партии с революционными демократами — предшественниками марксизма-ленинизма в России. Еще хуже обстоит дело с освещением деятельности революционных народников, которые вписали яркую страницу в историю освободительного движения в нашей стране против самодержавно-помещичьего строя». В полном согласии с новой директивной установкой это положение развивается журналом «Вопросы истории», поместившем теоретическую статью Ю. З. Полевого — «Распространение марксизма в России», в которой читаем: «В «Кратком курсе истории ВКП(б)» правильно указано, что «главным препятствием на пути распространения марксизма... были народнические взгляды»... Но давая народничеству исключительно отрицательную характеристику, «Краткий курс» отступает от исторической правды...» («Вопросы истории» № 7, 1956 г., стр. 98).

Однако, уже в следующем номере «Вопросов истории» появилась статья М. А. Москалева — «Борьба за создание марксистской рабочей партии в 90-х годах XIX века», содержащая ожесточеннейшие нападки на народничество¹.

Производя частичную «реабилитацию» народничества, современные марксистские теоретики устанавливают ее границы 90-ми годами, т. е. годами раскола освободительного движения на народническую и марксистскую линии. Но стараясь представить себя идейными наследниками раннего народничества и продолжая опорачивать последующие этапы его развития, они впадают в явное противоречие: Российское народничество шло по пути прогресса гармоничным и прямолинейным путем развития. Оно никогда не отступалось от своих основных гуманитарных идей, лишь совершенствуя и оттачивая их в соответствии с общим развитием общества. А вступившие на путь марксизма — путь ненавистничества и насилия над народной волей были отступниками от этих идей и потому никак не могут являться их наследниками. Именно они привели Россию к чудовищнейшей из диктатур, которую когда-либо знало человечество.

Залутовавшись в противоречиях по вопросу отношений к народничеству, марксистские теоретики каждодневно наталкиваются на неразрешимые вопросы ставимые им жизнью, не будучи в состоянии дать на них мало мальски внятные ответы. Так получается сейчас с вопросом о землепользовании. Крестьянская проблема одна из самых острых проблем России сейчас вновь приобретает взрывчатый характер. Вокруг ее пока происходит глухая борьба где то в подпольях режима. Отголоском этой борьбы крестьянских интересов с интересами коммунистических властителей является туманная и двусмысленная статья Е. А. Луцкого — «О сущности уравнительного землепользования в советской России», опубликованная в

¹ Интересно отметить, что указанная статья снабжена следующим примечанием: «Статья М. А. Москалева «Борьба за создание марксистской рабочей партии в 90-х годах XIX века», как и помещенная в № 7 нашего журнала статья Ю. З. Полевого «Распространение марксизма в России» публикуются нами, как материал для преподавания истории КПСС». Таким образом это первые и пока единственные эквиваленты изъятого из обращения «Краткого курса» появившиеся в советской печати. Тем более любопытно, что эти материалы почти целиком посвящены трактовке отношений к народничеству.

журнале «Вопросы истории» (№ 9, 1956 г., стр. 59-71). Задача, поставленная перед автором этой статьи весьма прозрачна: доказать, что украв в 1917 году народническую земельную программу, они вовсе не обязаны были ее выполнять. «Почему передача земли крестьянам проходила под лозунгом уравнительного землепользования, выдвигавшимся до революции партией эсеров?», прямо ставит вопрос автор. «На другой день после опубликования декрета «О земле» правый эсер Ракитников, заместитель министра земледелия свергнутого Временного правительства, писал, что декрет «О земле» «есть просто-напросто перепечатка крестьянского наказа», а наказ «есть не что иное, как почти дословное изложение нашей аграрной программы». Автор статьи приводит также тогдашние высказывания ряда большевистских теоретиков протестовавших против отказа от старой аграрной программы социал-демократии. Из дальнейшего изложения явствует, что народническая аграрная программа понадобилась большевикам для чисто демагогических целей и была только методом к привлечению крестьянства на свою сторону.

В годы революции большевики пошли на немедленное удовлетворение крестьянских требований и этим обманом действительно привлекли на свою сторону крестьянство, но уже через десять лет они загнали его в новое крепостничество, организовав колхозы — эту карикатуру на традиционную русскую форму землепользования — общину. Теперь после смерти тирана, крестьянство готово предъявить новым властителям свой счет и потребовать коренных изменений. Из статьи Луцкого явствует, что этот час приближается.

**
*

...Перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только для народа, но и посредством народа. Мы не хотим новой насильственной власти, каков бы ни был источник новой власти.
П. Н. Лавров

Современный период развития советского общества — это эпоха крушения авторитетов, развенчания мифов, утраты иллюзий и освобождения от психозов. Но с другой стороны это также эпоха возрождения народного самосознания, ощущения народом своей силы, накопления и кристаллизации

идей. Это эпоха критического осмысливания десятилетий диктатуры, эпоха поисков будущего. Пусть это только преддверие грядущего освобождения, но пути к нему уже открыты. И уже сейчас видно в каком направлении движется народная мысль. Идеалы гуманизма, духовной свободы и правды справедливости, идеалы, которые всегда сопровождали мучительные поиски русской передовой общественности, вновь воплотились в народных стремлениях. В какие политические и общественные формы облечет их народ — покажет будущее. Главная роль в конструктивном оформлении идей принадлежит молодежи. Это тоже традиция русской общественности. Молодежь первая выступит и уже выступает на путь открытой борьбы против диктатуры.

Уже вся страна знает из сообщений советской печати о волнениях студенчества в Москве, Ленинграде, Свердловске, Прибалтике. В Ленинграде результатом волнений явилась специальная конференция Горкома КПСС, на которой демонстрировалось подпольное студенческое издание «Свежие голоса». Брожению в студенческой среде советская пресса посвящает передовые — это значит, что они представляют угрожающее явление. Особую угрозу диктатуре представляет массовое выражение советским студенчеством симпатий венгерской революции.

Героическое восстание венгерского народа против коммунистического владычества доказало реальность революционного пути и в этом его огромное значение для освободительного движения нашего народа. Оно выявило подлинное лицо и наследников Сталина, прикрывавшихся маской либерализма, но вернувшихся теперь к своим старым методам террора. Однако, кровавое подавление венгерской революции — это только конвульсии смертельно раненой диктатуры. Оно не принесло победы диктаторам, не сломило дух венгерского народа. Моральная победа осталась за ним. Венгерские события окончательно и бесповоротно разрушили претит коммунистических властителей в глазах нашего народа. И если властители не поймут исторической необходимости полной капитуляции перед народными требованиями, у народа останется единственный выход — свергнуть их.

Освобождение от страха

Речь идет о процессе освобождения от страха в рядах молодежи Советского Союза. Этот процесс нашел свое отражение и в советской литературе. Но ссылка на литературу может вызвать возражения: могут указать, что на советскую литературу последних десятилетий нельзя смотреть, как на зеркало жизни. Значит этот метод подхода к изучению действительности методологически порочен. Получится, как у Зошенко: «Неважное зеркало — морду врет».

Правда, что современная советская действительность отражается литературой как в кривых зеркалах. Люди и вещи, став достоянием такой литературы, утрачивают естественный облик. Но разве не может ученый, знающий законы преломления света, восстановить естественный облик человека и вещи по их отражениям в кривых зеркалах? Безусловно может! Так и исследователь, хорошо знакомый с методами коммунистической пропаганды, может отделить подлинную правду жизни от агитационной фальши. Именно такой метод анализа советской литературы дает нам право утверждать, что человек современной России медленно, по капле, как яд, выдавливает из собственной души чувство страха. Процесс освобождения от страха — самая серьезная, самая значительная из перемен, происшедших в Советском Союзе после смерти Сталина. Для того, чтобы понять смысл этой перемены, надо вспомнить о том, какое влияние оказывал страх на весь уклад жизни подсоветского человека. Еще в тридцатом году драматург Александр Афиногенов написал пьесу «Страх». Герой этой пьесы профессор Бородин говорит:

«Работы Горндайка, Уэтсона, Лэшли и других указывают на то, что безусловным стимулом, вызывающим страх, является громкий звук или потеря опоры; восемьдесят процентов всех обследованных¹ живут под вечным страхом окрика или потери социальной опоры. Молочница боится конфискации коровы, крестьянин — насильственной коллективизации, советский работник — непрерывных чисток, партийный работник боится

¹ Приблизительно, 80% населения Советского Союза.

обвинений в уклоне, научный работник — обвинения в идеализме, работник техники — обвинения во вредительстве. Мы живем в эпоху великого страха. Страх ходит за человеком. Человек становится недодверчивым, замкнутым, недобросовестным, неряшливым и беспринципным... Никто ничего не делает без окрика, без занесения на черную доску, без угрозы посадить или выслать.

...Можно ли после этого работать творчески? Разумеется нет.

...Уничтожьте страх, уничтожьте все, что рождает страх, — и вы увидите, какой богатой творческой жизнью расцветет страна»².

Так говорил профессор Бородин, герой пьесы Александра Афиногенова «Страх». В свете этой речи понятно, что значит для России процесс освобождения от страха.

Процесс этот начался стихийно в период второй мировой войны. О том, как подсоветский человек начал освобождаться от страха, мы можем составить некоторое представление по роману Федора Панферова «Большое искусство»³. В этом романе есть крайне знаменательный эпизод: делегация возмущенных рабочих самовольно является на прием к директору автомобильного завода Кокореву. Приводим этот эпизод:

...«Сегодня, войдя в кабинет и чего-то стесняясь, Урывкин (секретарь Кокорева) доложил:

— Ипполит Яковлевич, пришли... такая рвань, упаси господи.

— Кто?

— Персон двенадцать...

Кокорев налился яростью.

— Зови!

Рабочие входили в кабинет робко, стеснительно. Вошли, посмотрели на цветистый, раскинутый во весь пол, ковер, на мебель из красного дерева, весьма яркую при солнечных лучах. Все они, в поношенной одежонке, давно не бритые, худые, стоя на этом цветистом ковре, выглядели довольно странно»⁴.

² «Пьесы советских писателей» т. II. «Искусство». М. 1953. стр. 483.

³ Федор Панферов «Большое искусство» М. 1954. «Советский писатель».

⁴ Там же, стр. 121.

Можно подумать, что это отрывок из Глеба Успенского. Но это не так: действие романа Панферова происходит не до революции, а в сорок пятом году. Директор автомобильного завода решил расправиться с делегацией по большевистски, т. е. применил угрозу упечь делегатов в концентрационный лагерь. Но произошло непредвиденное и неожиданное: административный окрик и угрозы перестали действовать на отчаявшихся людей. Федор Панферов пишет:

«Все знали Васю Ларина как человека бескорыстного: он делился с товарищами всем, что имел, никогда ничего у хозяйственников не кланчил — и, возможно, поэтому очутился в пиджачке, но без рубашки. Сейчас он стыдливо натягивал полы, чтобы директор не видел наготы.

А тот именно на него первого посмотрел, подумав: 'Зараза. Тронь — как бактерии начнут размножаться', — и, пегушась, спросил:

— А в Нарым не желаете?

...Через какую-то минуту Вася Ларин, протянув сильные, жилистые руки, произнес тихо, но получилось как гром:

— На! Вяжи, коли силы хватит»⁵.

Так начался процесс освобождения от страха. Постепенно он охватил и техническую интеллигенцию, (что видно из пьесы Александра Штейна «Дело Хлебникова») и «работников интеллектуального труда» (о чем мы можем заключить из повести Геннадия Гора «Ошибка профессора Орочева»). Но отличие интеллигенции от низов заключается в том, что инженеры и работники интеллектуального труда еще надеются, что партия пойдет на реформы сверху, поймет, что от этих реформ зависит прочность ее дальнейшего существования.

Среди протестантов, настроения которых просочились в современную советскую литературу, очень много молодежи. И протест этой молодежи также двойкий: одни настаивают на том, чтобы ведущие партийные работники сменили по отношению к простому народу гнев на милость. Такой протестанткой и оказывается агроном Настя Ковшова, героиня «Повести о директоре МТС и главном агрономе» Галины Николаевой⁶. Настя Ковшова подавлена нищетой колхозников и еще более удручена тем, что ведущие партийные работники, занятые принципиальными проблемами большого масштаба, ничего всерьез не предпринимают для борьбы с этой нищетой.

⁵ Федор Панферов «Большое искусство» стр. 122.

⁶ «Знамя» № 9, 1954, стр. 9-62.

Вот отрывок из повести Галины Николаевой, где показана беседа Ковшовой с секретарем обкома Сергеем Сергеевичем:

«...И говорит, словно, кроме них двоих, никого и ничего вокруг нету.

— Там бескормица! Смотрите, что я взяла в одной хате. Это вдова Варвара из колхоза 'Октябрь' дает дочке вместо молока.

Вытащила она из кармана бутылку с болтушкой из воды и молотых подсолнухов.

— Товарищ Ковшова... — медленно сказал Сергей Сергеевич, и так сказал, что всем нам стало не по себе. — О существовании отстающих колхозов мы знаем не хуже, чем вы... Нет никакой необходимости в этой публичной демонстрации»⁷.

Если Ковшова еще надеется смягчить огрубевшее, ожесточенное сердце секретаря Обкома, то у демобилизованного офицера советской армии Николая Митясова, героя повести Виктора Некрасова «В родном городе» протест против несправедливости принимает формы стихийного индивидуального бунта. Митясов — боевой офицер, награжденный несколькими орденами, принципиально отказывается признать, что все население городов и деревень, оккупированных некогда немцами, чуть ли поголовно является антисоветским. И он яростно выступает против огульного очернения тех, кто по тем или иным причинам не эвакуировался в годы войны из занятых немцами городов. Особенно энергично отстаивает Митясов профессора Никольцева. Вот отрывок из разговора Митясова с партийным преподавателем вуза Чекменем. Чекмень отзывается о Никольцеве так:

«Не проторчал он три года в оккупации? Как миленький просидел. И черт его знает, чем еще там занимался. Книжечки продавал. Знаем мы эти книжечки. Статейки в газетах их сволочных, небось, пописывали, большевиков ругали, а потом, как наши стали приближаться, сразу вот такие вдруг оказались борцами за советскую власть. Врут они все! Все, кто под немцами был...

— И Шура под немцами была. И Черевичный был. Они, по-твоему, тоже врут?

— Это какой же Черевичный? Припадочный твой, долговязый? — Алексей рассмеялся. — Не лучше других, поверь

⁷ Там же, стр. 28.

мне. И обморокам его не верю.. Липа все. Сплошная липа. Три четверти из них добровольно сдавались. Те, кто хотел...»⁸

На это Митясов возразил не словом, а действием:

«...Николай соскочил с подоконника, схватил Алексея за грудь, за гимнастерку, рывком потянул к себе и с размаху ударил его по щеке — раз и два...»⁹

Таким образом у молодежи протест против несправедливости, против обид, наносимых партийными чиновниками ни в чем неповинным людям, готов перерости в стихийный бунт.

Естественно, что процесс освобождения от страха после смерти Сталина стал развиваться более стремительными темпами... И понятно, что молодое поколение играло в этом руководящую роль. Среди протестантов в последние годы особенно выделяется студенчество. Чем это объяснить? Во-первых, влиянием классической литературы, которое вызывало и вызывает критическое отношение к советской действительности — студент, который приносит Герцена из университетской библиотеки не может молчать о том, что накопело на сердце; во-вторых, болезненной и мучительной утратой веры в коммунистический общественный идеал. И у студентов протест также принимает двоякие формы: одни еще продолжают жить надеждой на реформы сверху. Таким протестантом является, например, молодой инженер Арефьев, недавно окончивший транспортный институт. Арефьев, герой повести Александра Чаковского «Год жизни»¹⁰. Он выступает решительным противником насилия и несправедливости, противником черствому, бездушному отношению к человеку. «Будьте бдительны, — говорит Арефьев партийному инженеру Крамову, — но опустите свой кнут. Разве вы не чувствуете, что народу опротивели люди с кнутом»¹¹.

Но может ли партия опустить кнут? Не будет ли это для нее началом конца? У Арефьева хватает ума понять, что партия держится за кнут из инстинкта самосохранения. Но неужели этот инстинкт не подсказывает ей, что кнут может быть рвано или поздно вырван из ее рук силой. Значит партии остается одно: изменить отношение к людям, изменить отно-

⁸ «Новый мир» 1954 г., № 11, стр. 161-162.

⁹ Там же, стр. 162.

¹⁰ «Октябрь» 1956 г. № 8-9.

¹¹ «Октябрь» № 9, 1956, стр. 67.

шение к народу и тем самым искупить позорное, а, быть может, даже преступное прошлое.

Но в ряде случаев процесс освобождения от страха пошел гораздо глубже. Наиболее умные и наиболее смелые из протестантов уже начинают думать так: если сама система неразрывно связана с позорным и даже преступным отношением к человеку, то заслуживает ли эта система того, чтоб ее сохранять, и может ли она быть улучшена путем реформ?

В журнале «Знамя» в «своих новых строках» Борис Пастернак пишет:

«Во всем мне хочется дойти
До самой сути:
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить думать, чувствовать, любить,
Совершать открытия»¹².

Молодой поэт Евгений Евтушенко, выступивший недавно в журнале «Октябрь» с замечательной поэмой «Станция Зима»¹³ также как и Пастернак хочет схватить нить судеб после-революционной России и докопаться до корней, до сердцевины. Поэма «Станция Зима» открывается такими строками:

«Мы, чем взрослей, тем больше откровенны.
За это благодарны мы судьбе.
И совпадают в жизни перемены
с большими переменами в себе».

Перемены в себе Евтушенко видит в ориентации не на партийные верхи, а на низы, с их негодованием, стихийным возмущением против власти и освобождением от страха. В своей поэме Евтушенко пишет:

¹² «Знамя» 1956, № 9, стр. 74.

¹³ «Октябрь» № 10, 1956 г.

«Конечно, я не так уж много прожил,
но в двадцать все пересмотрел опять —
что я сказал,

но был сказать не должен,
что не сказал,

но должен был сказать.

Увидел я, что часто жил с оглядкой,
что мало думал, чувствовал, хотел,
что было в жизни, чересчур уж гладкой,
благих порывов больше, а не дел.

Но средство есть всегда в такую пору
набраться новых замыслов и сил,
опять земли коснувшись, по которой
когда-то босиком еще пылил».

С чем же не может примириться молодежь, которая черпает жизненные и творческие силы в интуитивном единении с низами? Прежде всего с ложью, которой партийная пропаганда отравляла науку, культуру, искусство. В поэме «Станция Зима» мы находим искренний порыв к неприкрашенной и именно в силу этого прекрасной своей одухотворенной красотой-правде. Пропагандист для Евтушенко не «властитель, а блюститель дум».

«Нам не слепой любви сегодня надо,
а думающей, пристальной любви!
Давайте думать о большом и малом,
чтоб жить глубоко, а не как-нибудь.

Великое не может быть обманом,
но люди его могут обмануть.

Я не хочу оправдывать бессилье.

Я тех людей не стану извинять,
кто вещи прозрения России

на мелочь сплетен хочет разменять,

Пусть будет суета уделом слабых.

Так легче жить, во всем других вина.

Не слабости,

а дел больших и славных

Россия ожидает от меня».

Да, Россия ожидает от молодежи не слабости, не безропотного подчинения партийной догме, а больших и великих дел. Стремление вырвать кнут из рук большевистской партии — высокое стремление. О том, что таким стремлением

охвачены лучшие представители молодого поколения подсоветских людей, мы знаем не только по литературе. Мы узнаем об этом из жизни, по скупым сообщениям, которые прорвались и в советскую, и в иностранную печать. Когда один из лекторов отказался сообщить аудитории о том, что на самом деле происходит в Венгрии, триста московских студентов в знак протеста покинули лекционный зал. Передают, что Московский университет был закрыт на один день из-за того, что студенты вывесили в вестибюле бюллетени Лондонского радио о событиях в Венгрии.

Чувство негодования и протеста, охватившее советскую молодежь, в связи с событиями в Венгрии, сильно встревожили руководителей коммунистической партии Советского Союза. 8-го ноября во Дворце Спорта Центрального Стадиона им. Ленина был созван митинг московской молодежи, посвященный, как пишет «Комсомольская Правда» «награждению Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи орденом Ленина».

На митинге выступил с большой речью сам Хрущев. Его настроение не было праздничным, наоборот, — мрачным. Хрущев говорил «о нездоровых настроениях среди учащейся молодежи». Он говорил о каких-то «рабочих», которые, якобы, сказали студентам так:

«Если вам не нравятся наши порядки... тогда пойдите поработайте, а на ваше место придут учиться другие. Правильно ли поступили эти товарищи? По-моему, правильно».

И Хрущев, скрепя сердце, признает, что в университеты и институты страны попали люди, не оправдавшие доверия партии. В своем выступлении Хрущев продолжает:

«Следует улучшить порядок приема в высшую школу, сделать так, чтобы в вузы попадали, действительно, лучшие из лучших, чтобы это были люди, преданные делу Ленина, делу народа. Необходимо больше принимать в высшие учебные заведения молодежи с производства, с заводов, фабрик, строек, из колхозов, МТС и совхозов».

Сталинский период истории России давно органически чужд подсоветской молодежи, а в ряде случаев и враждебен ей. Но ей не по душе и порядки, введенные наследниками Сталина. Этого не в силах больше скрывать ни советская печать, ни советская литература.

«...Что-то неладное у нас с воспитанием молодежи», — признается Валентин Овечкин в серии очерков «Трудная вес-

на..., — ...у нас многие ненормальности в среде молодежи от канцелярской скуки в комсомоле»¹⁴.

Но вдумчиво анализируя дальнейшие наблюдения автора, мы приходим к выводу, что источник антикоммунистических настроений молодежи — не в канцелярской скуке и не в неверных методах воспитания молодого поколения. Молодежь современной России приходит к убеждению, что укрепление партийной диктатуры, вне зависимости от того, проводится ли оно абсолютным диктатором или теперешней большевистской директорией, не может быть предпринято для демократии и ради развития демократии.

К чему приведут эти искания — покажет будущее. Но несомненно одно: молодое поколение, осознав, что партия не опустит кнут по доброй воле, будет стремиться вырвать этот кнут силой.

¹⁴ «Новый мир» 1956, № 9, стр. 127.

Армия и власть

Вооруженные силы каждого государства создаются, укрепляются и содержатся для обороны страны, защиты ее независимости, свободы и имущества ее граждан. Этого принципа придерживались и придерживаются те государства, которые не питают никаких агрессивных целей, не стремятся к завоеваниям для расширения своих территорий и владычеству над другими народами.

Конечно, мы говорим о новом и новейшем периодах истории, а не о средних веках, когда рыцари и короли содержали наемные армии, являвшиеся орудием для их обогащения и когда армии эти служили не своему народу, а феодалам.

Но времена эти давно миновали. Наемные войска заменены теперь регулярными армиями, построенными на принципе всеобщей воинской повинности, и прежние нападения на соседей стали явлениями редкими и даже исключительными.

Однако и в новейшей истории были честолюбцы или фанатики, мечтавшие о военных авантюрах для своего прославления, расширения пределов своих государств или извлечения из таких завоеваний экономических выгод. Яркими примерами таких исключений и военно-политических авантур являются французский император Наполеон Третий, немецкий кайзер Вильгельм Второй и печальной памяти «фюрер» Третьего Рейха — Адольф Гитлер. Но и эти авантюристы оправдывали агрессию защитой национальных интересов своих государств и даже обороной их, ссылаясь на известное правило, что наилучшей обороной — является наступление.

Отступали от принципа оборонительного значения своих армий также и колониальные державы, владевшие отдаленными от метрополий колониями. Занимавшие эти колонии армии предназначались не столько для обороны этих владений, сколько для демонстрации своего могущества и удержания в повиновении иноплеменных подданных, но теперь эпоха колониализма кончилась и говорить о колониальных армиях не приходится. Но и в прошлом армия Российской империи не была колониальной армией. Когда мы сравниваем бывшую Россий-

скую империю с Великобританией, Францией, Бельгией или Голландией, то видим, что, хотя Россия и являлась государством разноплеменным, но колониальной державой по существу она никогда не была.

Поэтому утверждения, что завладевшие бывшей Российской империей большевики продолжают старую русскую империалистическую политику, являются абсолютно неверными. Это могут говорить лишь незнающие истории или сознательно ненавидящие всякую Россию, как царскую, так и советскую и демократическую, каковой рано или поздно станет эта великая страна, к которой западный мир никогда особых симпатий не питал.

Из всех великих держав только Россия и США никогда не были и не стремились быть колониальными державами. Президент Эйзенхауэр в своих воспоминаниях указал на это, заявив, что ни на США ни на России «не лежит пятно колониального империализма». К сожалению, иностранцы, сознательно или бессознательно обобщающие Советский Союз с национальной Россией и русским народом, не считаются с таким правдивым и искренним признанием военного и государственного деятеля США.

**
*

Армия и власть неразрывно между собой связаны. Какова власть и какие цели она преследует, такова и структура армии, подчиненной этой власти.

Монархическая власть Российской империи, как сказано выше, никогда не преследовала завоеваний. Этим объясняется, что, по сравнению со своими соседями, врагами и союзниками, Россия всегда имела недостаточно сильную, как по количеству кадров, так и по вооружению, армию. Прежние утверждения о колоссальной военной мощи России были такой же легендой, как теперешние заявления о продолжении большевиками старой империалистической русской политики. Правда, ресурсы пополнения русской армии были действительно огромны и во много превышали такие же ресурсы других стран. Но военная мощь страны определяется не источниками ее пополнения, а обученными армейскими контингентами. А таковых в России было недостаточно.

Идея всеобщей воинской повинности заключается в том, что все граждане, достигшие определенного законом возраста (от 19 до 21 года) обязаны пройти военное обучение в кад-

рах армии. Число таких военнообязанных составляет обычно от полутора до двух процентов населения. Население Российской империи перед первой мировой войной достигало 180 миллионов, следовательно ежегодный контингент призываемых к отбыванию воинской повинности составлял приблизительно 3.000.000. Между тем контингент новобранцев никогда не превышал 1.100.000 — 1.200.000. Следовательно около 60% призывного возраста в кадры не поступали и от военной службы фактически освобождались, что объясняется только недостатком кадров.

Совершенно другая картина наблюдалась в Германии, где весь призывной возраст, за исключением калек и совершенно к военной службе непригодных, поступал в кадры и проходил военное обучение. И число кадров германской армии было почти вдвое больше, чем в России (пропорционально численности населения обоих государств).

Старая русская армия была также недостаточно вооружена. Рамки статьи не позволяют останавливаться на подробных сравнениях и приводить соответствующие таблицы. Но достаточно указать, что в то время, как к русской пехотной дивизии было придано по 6 легких артиллерийских батарей, а на двухдивизионный корпус приходилось две тяжелых батареи, в германской дивизии было 9 легких, а в корпусе — от 4 до 6 тяжелых батарей.

Недостаток кадров и отсталость в их вооружении доказывают, что Россия никогда не преследовала завоеваний и ее военная система была построена на обороне страны.

Полную противоположность старой русской армии представляет собой структура советской армии. Количество ее кадров более чем достаточно для того, чтобы пропускать через них весь призывной возраст страны. Вооружение советской армии не только одинаково, но значительно превышает и по численности и по качеству армии других государств. В то время, как другие страны (например Франция) сократили втрое и даже вчетверо число дивизий своих армий, по сравнению с их численностью до второй мировой войны, СССР не только не сократил, но даже увеличил число дивизий против довоенного.

Советская власть и ее военные специалисты правильно решили задачу соотношения в развитии всех родов войск. Превышающее экономические нужды страны развитие тяжелой индустрии, преследовавшее также главным образом во-

енные цели, привело к значительному усовершенствованию артиллерии, авиации, механизированных и бронетанковых войск.

Об усилении технического оснащения советской армии свидетельствуют следующие цифры:

Если до второй мировой войны на одного бойца приходилось в среднем 7,74 лошадиных сил моторизованной техники, то теперь на 1 бойца приходится 13,75 лошадиных сил таковой. За 15 последних лет вооружение советской армии возросло: по танкам — в 45 раз, по числу самолетов — в 8,5 раз, по числу пулеметов — в 6 раз, по полевой артиллерии — в 8,75 раз, а по танковой и противотанковой артиллерии — в 75 раз.

Какая другая страна, кроме США достигла такого процентного усиления огневой мощи своей армии?

Все это доказывает, что советская армия предназначена не для обороны Советского Союза, а для завоеваний. Утверждающая о своем миролюбии и якобы не преследующая никаких завоевательных целей советская власть, содержит армию, во много раз превышающую силы, необходимые для обороны страны.

Чем объясняется такое, действительно колоссальное, вооружение Советского Союза?

Мы уже говорили, что каждая армия строится соответственно преследуемых властью целей. США, не преследующие никаких завоеваний, обращают наибольшее внимание и тратят больше всего средств на свою стратегическую авиацию и заокеанские воздушные базы, сеть которых является наилучшим оружием для предупреждения и отражения возможной советской агрессии.

Советский Союз, преследующий определенную цель — распространение коммунизма во всем мире и сохранения своей власти в завоеванных коммунизмом странах, придает одинаковое значение как своим воздушным, так и наземным вооруженным силам. Поэтому сокращать свою сухопутную армию он не может, напротив — должен ее усиливать и вооружать все более усовершенствованным и разрушительным оружием.

Советские вожди до сих пор являются вождями мирового коммунизма. Последний преследует цель своего распространения по всему миру, не останавливаясь ни перед чем для достижения этой цели. Народы, политически малоразвитые, не-

давно ставшие самостоятельными и питающие понятную неприязнь к своим бывшим властителям, чрезвычайно восприимчивы к коммунистической пропаганде. Тем более, что среди таких народов коммунисты не столько проповедают социализм, сколько разжигают их расовый и религиозный фанатизм и ненависть к якобы мечтающим о возвращении прежних своих колоний «империалистам».

В европейских странах коммунисты привлекают сочувствующих марксистской идеологией и ложными обещаниями улучшения политического и экономического положения трудящихся. Однако мирными и парламентарными путями они до сих пор ни одной страной не овладели. Так называемые «народные демократии» вошли в коммунистический (вернее — в советский) блок не по своему желанию. Коммунистический режим установлен в них не волеизъявлением населения. Вожди их не являются wybranными, а назначены или непосредственно Москвой, или по указанию политбюро КПСС. Но, испытав на себе коммунистическую диктатуру, народы начинают тяготиться ею и стараются от нее освободиться. Польша и Венгрия являются лучшими тому доказательствами, которые понятны даже таким советским почитателем, как Неру. И удержать под своей властью разочарованные и недовольные народы — большевики могут лишь силой, а таковой являются их оккупационные армии.

Можно-ли, после подавленной штыками и танками венгерской революции, сомневаться в истинном назначении советской армии и в том, что советская власть без сильной и слепо повинующейся ей армии не только не в состоянии расширить пределы коммунистического блока, но даже сохранить уже входящие в него страны?

**
*

Сила каждой армии определяется не только ее многочисленностью и качеством вооружения. В гораздо большей степени она зависит от духа, т. е. воспитания и сознательной дисциплины ее чинов. Поэтому все, кто пытаются определить силу советской армии, должны в первую очередь ознакомиться по разным источникам с системой воспитания ее офицерского и солдатского состава и характером поддерживаемой среди них дисциплины.

Нет ничего удивительного в том, что царская армия воспитывалась в монархическом духе. Но во многих ее частях

такое воспитание велось небрежно и неумело. Окончившие закрытые учебные заведения и прослужившие в армии нижними чинами знают, что принуждение всегда достигает обратных результатов. Солдата в старой русской армии заставляли верить в Бога, любить царя и отечество, вместо того, чтобы уметь внушать ему эти чувства. Как принудительное посещение храма и исполнение церковных обрядов не укрепляет религии, так и обязательное выражение патриотических чувств не развивает, а напротив ослабляет их. А на развитие этих чувств при воспитании солдата — обращалось недостаточно внимания. Воспитание солдат часто доверялось малоинтеллигентным учителям — фельдфебелям, взводным и «ядькам», зазубрившим изложенные в уставах истины и заставлявших солдат бессмысленно повторять их, совершенно не заботясь о том, понимают-ли ученики значение вызубренных слов и выражений. И конечно такое воспитание нужных результатов не достигало.

Совсем другие результаты получались там, где офицер-воспитатель умел заинтересовать солдат историей родины, боевым прошлым своей части, подвигами полководцев и однополчан, развить в них религиозные и патриотические чувства. А если при этом он завоевывал доверие своих учеников, проявляя постоянную заботу о них, то воинская часть, в которой были такие воспитатели и «отцы командиры», представляла собой гранит, неподдававшийся никакой пропаганде и попыткам его развалить.

Роль воспитателя — является одной из главных обязанностей офицера. Самый способный, образованный, могущий великолепно обучить солдат владению оружием, применению его в разной обстановке, но не обладающий талантом воспитателя, офицер — не может считаться хорошим и образцовым начальником.

Создавая свои вооруженные силы, большевицкие вожди учили эти истины. Но, опьяненные успехами, достигнутыми не столько внутренними, сколько внешними обстоятельствами, они все же не обратили достаточного на них внимания.

Тотчас по окончании гражданской войны, большевики уделили немало трудов на воспитание красной армии и прежде всего — на создание сильного офицерского корпуса. Прежние офицеры царской армии, добровольно или по принуждению вступившие в ее ряды, постепенно из нее удалялись и заменялись наиболее интеллигентными, выдвинувшимися во

время гражданской войны красноармейцами или прошедшими курсы комсостава молодыми людьми пролетарского происхождения. Через некоторое время курсы были заменены военными училищами, а для подготовки высшего комсостава учреждены военные академии.

Создавая новый офицерский корпус, большевики придали особое значение политическому развитию офицеров, т. е. партийному их воспитанию.

Однако доверия к своим офицерам вожди не питали. Борьба за власть, которая велась после смерти Ленина в ЦК и окончилась расправой с оппозицией, вызывала еще большие подозрения к различным спецам, в том числе и к комсоставу армии. Правящая верхушка тщательно следила за настроениями в армии, создав институт политкомиссаров и политруков, пользовавшихся в частях гораздо большими правами, чем строевой комсостав. В помощь политрукам, следившим за поведением и настроениями офицеров, в каждом подразделении, начиная с рот, были созданы комячейки, шпионившие за солдатами. Роль воспитателей перешла целиком к политрукам и их помощникам, а офицеры превратились в инструкторов, которым доверялось лишь строевое обучение солдат.

Воспитывая солдат, политруки обращали главное внимание на политграмоту и внедрение коммунистического духа в солдатские массы, игнорируя развитие патриотических чувств. Если в своих беседах с солдатами они говорили о военной истории, то останавливались преимущественно на эпизодах гражданской войны. Старую царскую армию они представляли, как орудие помещиков для порабощения народа, царских офицеров, как палачей и держиморд, а генералов и полководцев, как неспособных карьеристов, обогащавшихся солдатскими пайками. Дисциплина поддерживалась страхом жестоких наказаний и расстрелами.

Такое воспитание армии и принудительное насаждение в ней коммунизма привело к тому, что в 1941 году, как только началась война, советская армия отказалась защищать и родину и власть.

Пришлось спешно перейти к другим методам воспитания и реорганизовать политаппарат. Вожди поняли, что без развития и укрепления патриотических чувств у защищающих родину бойцов, армия обречена на полное поражение. Отечественная война 1812 года, Севастопольская оборона, даже русско-японская и первая мировая войны были использованы

для поднятия патриотического духа солдат. «Палачи и держиморды» — обратились в героев. Суворов, Кутузов, Нахимов, Скобелев и другие царские генералы стали великими полководцами и патриотами. В честь их были установлены ордена. Черно-оранжевая георгиевская ленточка, почитавшаяся русским народом как эмблема храбрости, снова появилась для ношения на ней ордена Славы и медали за отвагу. Права командиров были восстановлены, хотя политический аппарат не потерял своего значения, прикрытого внешним подчинением политруков строевым начальникам.

Мероприятия эти очень быстро достигли положительных результатов. Конечно не только они, но также поведение немецких оккупантов, отношение их к пленным и населению, природная ненависть русского народа ко всяким завоевателям и, наконец, помощь союзников, сыграли не меньшую роль в укреплении боеспособности советской армии и привели ее к победе.

Одержав таковую и убедившись в доверчивости и мягкотелости уставшего от войны Запада и чрезмерной его уступчивости, советские вожди решили воспользоваться этим для достижения своей заветной цели. Насадив коммунизм в отданных им во власть западными демократиями и оккупированных советской армией восточно-европейских странах, советская власть начала готовиться к последнему этапу коммунистической программы — подчинению всех остальных народов диктатуре партии,

Опыт первого периода второй отечественной войны показал ошибки, допущенные при создании советской армии. А так как большевики понимали, что без надежной вооруженной силы достичь своей цели они не смогут, то принялись за реорганизацию советской армии, поднятию ее боеспособности и вооружению усовершенствованным оружием. И первыми их шагами в этом направлении явилось изменение системы воспитания офицеров и солдат, реорганизация политического контроля и введение железной в ней дисциплины.

**
*

Как наемные армии в средние века служили не народу, а тому или другому феодалу, так и советская армия служит не народам Советского Союза, а КПСС, защищает не свободу своих соотечественников, а диктатуру партии над страной и народом.

Поэтому все воспитание призываемых в ряды советской армии военнообязанных преследует слепое повиновение партийному руководству. Старший командный состав состоит теперь исключительно из проверенных контрольными органами партии коммунистов и главной его обязанностью является такая же проверка младшего комсостава и политического воспитания солдат.

Воспитательная роль среднего и младшего комсостава учтена коммунистами. Прежде всего они обратили поэтому внимание на усвоение партийной идеологии офицерским составом.

Требования, предъявляемые офицерам советской армии — чрезвычайно велики. Они должны быть не только настоящими мастерами боевой техники, но и пропагандистами, во всякой обстановке — в казарме и в поле, в караулах и на маневрах — обязанными вбивать в головы подчиненных так называемую политграмоту и необходимость поддержания strongest дисциплины.

Требования эти заставляют офицеров все остающееся у них, после строевых занятий, время уделять партийной идеологии, внимательно следить за выступлениями партийных вождей, резолюциями партийных съездов, пленумов Верховного и других советов и статьями, появляющимися не только в органе министерства обороны СССР «Красной звезде», но и в другой руководящей партийной печати. И одновременно они должны совершенствовать свои военные и технические познания.

Казалось бы, что такие напряженные и постоянные занятия должны создать из советских офицеров высоко культурных и образованных людей.

Однако оказывается, что образование советских офицеров — однобокое. Практически хорошо овладевшие военной техникой, изучившие обязанности взводных и ротных командиров, выучив наизусть великие изречения Маркса и Ленина, резолюции XX съезда партии и поучения Хрущева, офицеры не только не разбираются в гуманитарных науках, но очень поверхностно знакомы с русской классической литературой и даже не знают грамматики русского языка. Об этом свидетельствует «Красная звезда», возмущающаяся тем, что, не говоря уже о сержантах, младшие офицеры пишут неграмотно и в разговорах прибегают к грубо нарушающим грамматические правила выражениям.

Как видно, военные училища не уделяют внимания изучению общеобразовательных наук и русской словесности, а в высшие военно-учебные заведения командируются лишь высококвалифицированные партией и строевым начальством офицеры.

Политическое воспитание воинской части лежит на обязанности заместителя ее командира (по политической части, являющегося своего рода «оком партии» в полку или другом соединении). По уставу он подчинен командиру, но такое подчинение исключительно внешнее. На самом деле заместитель по политчасти исполняет не приказания командира, а указания, получаемые им от замполита высшего соединения и партийных органов.

Так как и бойцы и младший комсостав состоит из молодежи, то в армии проведена комсомольская организация. Роль прежних политруков передана комсомольским секретарям подразделений. Такие секретари имеются в каждом взводе, роте, команде и батарее и подчиняются они заместителю по политчасти. Более пожилые офицеры и сверхсрочные сержанты являются членами партии, подчиняются парторгу роты, а через него — тому же заместителю по политчасти.

Политическое воспитание младшего и среднего комсостава и бойцов проводится на ежедневных политзанятиях. Приводим в сокращенном виде инструкцию для таких занятий.

«Содержание политзанятий должно полностью отвечать задачам воспитания солдат, матросов, сержантов и старшин в духе преданности социалистической Родине, делу Коммунистической партии, в духе сознательного выполнения ими воинского долга, соблюдения крепкой дисциплины и беспрекословного повиновения командирам и начальникам. На политзанятиях надо шире пропагандировать славные боевые традиции нашей армии и флота, воспитывать у воинов любовь к своей части, верность боевому Знамени, чувства братской дружбы с народами и армиями стран социалистического лагеря и глупую ненависть к империалистическим агрессорам...

Учебными планами не предусматривается время для чтения учебных пособий в классе. При подготовке слушателей к беседе следует использовать вечернее время. Командиры и политработники обязаны проявлять больше заботы о подготовке воинов к политзанятиям, оказывать практическую помощь руководителям групп в организации и проведении чтения учебных пособий и другой литературы в неучебное время.

Особое внимание нужно обратить на подготовку руководителей политзанятий. Для них в частях организуются семинары. К руководству семинарами привлекаются наиболее подготовленные пропагандисты, работники политорганов, заместители командиров частей по политчасти. На семинарах необходимо обсуждать наиболее сложные вопросы темы и методики проведения занятий. Задача руководителя семинара — практически учить офицеров, как осуществлять связь изучаемого материала с практическими делами воинов. Надо давать офицерам конкретные советы относительно того, чтобы учеба побуждала у воинов стремление трудиться как можно лучше, развивала боевую активность, способствовала дальнейшему росту боевого мастерства, ревностному несению службы...

Большую помощь командиру в укреплении дисциплины, повышении качества политзанятий призваны оказывать партийные и комсомольские организации. В частности, они могут организовать в часы массовой работы чтение воинами учебных пособий и другой литературы по темам политзанятий...

Известно, что успехи в боевой и политической подготовке в решающей степени зависят от состояния воинской дисциплины. Поэтому командир должен уделять серьезное внимание вопросу поддержания и дальнейшего укрепления уставного порядка в роте. Он строго требует от подчиненных высокой дисциплинированности, самым решительным образом пресекает отступления от уставных правил, умело пользуется предоставленными ему дисциплинарными правами. Высокую требовательность командир сочетает с заботой о подчиненных, уделяет повседневное внимание повышению их политической сознательности...

Большую помощь командиру в укреплении дисциплины и повышении боевой готовности подразделения оказывают партийная группа и комсомольская организация. Коммунистов в армии сравнительно немного. Но они — подлинная опора командира».

**

*

Большевики не скрывают роли, которую они предназначают советской армии для покорения мира. Они прикрывают ее лишь пропагандными лозунгами и статьями, доказывающими якобы хищнические намерения западных «империалистов». Советскому народу и солдатам своей армии они стараются внушить, что не Советский Союз, не советская власть и не

компартия замышляют завоевания, а напротив — свободный мир готовится напасть на миролюбивые коммунистические страны, уничтожить в них социалистические завоевания и насадить старый капитализм.

Вот какие заявления изо дня в день помещаются в «Красной звезде»:

«Советский народ хорошо знает, какой лютой злобой к социалистическим странам одержимы империалистические захватчики. Разбойничье нападение Англии, Франции и Израиля на Египет и фашистское выступление в Венгрии свидетельствуют, что силы, заинтересованные в развязывании войны, вновь поднимают голову, угрожая свободе и независимости социалистических народов...»

«В планах империалистической реакции, мечтающей о военных авантюрах против СССР и стран народной демократии, важная роль отводится фактору внезапного нападения. Это обязывает советских воинов неустанно повышать боевое мастерство, настойчиво овладевать техникой, крепить дисциплину и в любой момент быть готовыми дать врагу сокрушительный отпор...».

Вопрос заключается в том, понимают ли проходящие и прошедшие ту партийную школу, в которую превращена советская армия, что такие внушаемые им утверждения, как и цитаты из партийного катехизиса, — являются смазкой для бесперебойной работы механизмов роботов, в которых партия и власть хотят превратить советских бойцов?

Превратить в роботов колхозников большевикам не удалось. Из советской печати видно, что рабами не хотят больше быть не только молодежь и тот самый Комсомол, на котором покоится теперь все политическое воспитание армии, но также шахтеры Донбасса и рабочие крупнейших предприятий тяжелой промышленности. А из последних статей «Красной звезды» можно понять, что и бойцы советской армии, несмотря на все старания комсостава, в роботов еще не превратились.

Условия казарменного быта и связанного с ним непрерывного надзора за солдатами являются благоприятными для умственного порабощения личного состава армии. Не нужно однако забывать, что, даже находясь на действительной службе, солдаты все же иногда встречаются с гражданским населением и воспринимают их настроения. А по окончании службы они возвращаются в свои колхозы, фабрики, заводы и шахты и очень быстро ассимилируются со своими товарищами.

Поэтому, несмотря на железную дисциплину и постоянную политучебу, советская власть все же не может заставить солдатскую массу «глубоко ненавидеть империалистов» и «быть искренне преданной коммунистической партии».

Кремлевские вожди прекрасно это сознают. Понимают они также и то, на что мы указывали выше — что принуждение вызывает сначала недоверие, затем подозрение и наконец — сопротивление.

Об этом свидетельствуют совершенно новые, не появившиеся до усмирения венгерской революции, тревожные нотки в руководящих статьях «Красной звезды».

«Особенно важно обеспечить новый подъем всей идеологической работы в армии и искоренить из нее элементы догматизма и начетничества» — заявляет в одной из своих последних статей передовик органа министерства обороны СССР.

Такая тревога вождей вызвана установленными фактами дезертирства из рядов оккупационных советских армий, проявления бойцами сочувствия венгерским повстанцам и даже содействия побегам из-под стражи арестованных венгерских «крамольников».

Возлагать особых надежд на пробуждение в широких размерах таких «контрреволюционных» настроений и выступлений в советской армии пока не приходится.

Однако можно положительно утверждать, что, создав сильную, прекрасно обученную и великолепно вооруженную армию, большевикам не удалось до сих пор превратить ее в вполне надежную, слепо повинующуюся не только приказам, но и партийной идеологии, машину. Не надо быть оптимистом, чтобы свидетельствовать указывающие на это симптомы: во-первых, завоевательным стремлениям власти — советские солдаты не сочувствуют. Во-вторых, — усмирять внутренние восстания в СССР они не будут. Никакая политграмота не сможет отделить советскую армию от своего народа. И, если солдаты советской оккупационной армии в Венгрии уклонялись в целом ряде случаев применять оружие против чужого им народа, то от применения его против своего — они подавно откажутся. Все это указывает на то, что советская военная машина может совершенно неожиданно для вождей остановиться.

А остановка этой машины — повлечет за собой крушение власти. Ибо, как видно из исторических примеров, диктаторская власть без надежной вооруженной силы существовать не может. Особенно, если она преследует чуждые народу и неразделяемые им цели.

Два полюса мировой борьбы

В одной из своих, как всегда интересных, речей Уинстон Черчилль провел параллель между характером политики в прошлые века и в наше время. В прошлом, сказал Черчилль, политическая сцена мира являла картину «великих мужей, руководивших делами, поддававшимися контролю»; в наше же время политика превратилась в необходимость «держаться в повиновении массу грандиозных и бурных событий». Эту перемену, в политической картине мира Черчилль объяснил прежде всего огромным увеличением числа людей, причастных к развитию политических событий и тем, что «наука дала человеку колоссальные новые силы, но одновременно создала условия, оказавшиеся в значительной мере непонятными и еще в большей мере не поддающимися человеческому контролю»¹.

Мне думается, что описанная Черчиллем перемена в характере политической деятельности и условий, определяющих развитие политических событий, дает какой то нужный ключ к пониманию того грандиозного конфликта, который разыгрался в двадцатом веке между силами тоталитаризма и демократиями. Этот конфликт не ограничивается борьбой между так называемыми коммунистическими государствами и союзом держав, возглавляемым западными демократиями. Итальянский фашизм и германский нацизм были сметены «механическим», а не «политическим» путем: военное поражение так называемых держав оси показало, что неразумная внешняя политика может привести тоталитарное государство к гибели, но оно не доказало политической нежизнеспособности тоталитарных систем. При объективном политическом анализе нашей эпохи было бы неправильным сбрасывать нацизм и фашизм со счетов только потому, что они были раздавлены (и то только после очень упорной и продолжительной борьбы) величайшей военной коалицией в истории. Напротив, мне ка-

¹ Выступление У. Черчилля перед Технологическим Институтом Массачусетса 31. 3. 1949 г.

жется, что конфликт, разделивший в послевоенные годы мир на два враждебных лагеря можно понять, только учитывая также и опыт фашистского и, в особенности, нацистского тоталитаризма.

Как я сказал выше, корни тоталитаризма следует искать в перемене характера политической жизни. Уже во второй половине 19-го века под влиянием технического прогресса и связанного с ним процесса индустриализации, социальные и политические отношения начали заметно усложняться. Но две объединяющих идеи: идея национального освобождения народов, находящихся под чужеземной властью и идеал демократии (то есть власти, облеченной свободно выраженным доверием народа) пользовались почти универсальным признанием.

Своего апофеоза эти идеи достигли в политической философии и деятельности американского президента Вудро Вильсона, имевшего огромное влияние на политические решения, принятые победителями после первой мировой войны. Вильсон считал, что установление прочного мира возможно только в условиях всемирной демократии, основанной на принципе, что «не должно быть различия между правами великих и малых народов» и на всеобщем признании, что «всякая власть должна быть основана на согласии управляемых»². Огромная популярность Вильсона у народных масс (но не у всех правителей) была мерилom той власти над умами, которые идеи демократии и народно-освободительный идеал приобрел к концу второго десятилетия нашего века.

Хотя идеи Вильсона были претворены в жизнь неполно, Версальский мир, как сначала многим казалось, создал предпосылки для их дальнейшего развития. Была создана Лига Наций, основанная на принципе, что «нет различия между правами великих и малых народов». (В Лиге Наций все народы имели право вето). На обломках трех империй — Российской, Германской и Австро-Венгерской — были созданы (а частично восстановлены), в согласии с принципом национального самоопределения, суверенные государства: Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехословакия, Венгрия, Югославия.

Однако, конец первой мировой войны ознаменовал не начало победоносного развития демократических идей, а их медленное, но неуклонное отступление перед новыми силами, которые теперь получили название тоталитарных. В России эти

² Выступление Президента Вильсона 22. 1. 1917 г.

силы победили еще во время войны. В промежутке между первой и второй мировыми войнами, тоталитарные (или полутоталитарные) режимы восторжествовали во многих странах Центральной и Западной и Восточной Европы³. Теперь же около половины всего населения земного шара живет под тоталитарным строем.

Победе тоталитарных революций во многих случаях несомненно способствовали и случайные обстоятельства: так, в Германии росту революционных настроений способствовали безработица, национализм, подогревавшаяся памятью о поражении в первой мировой войне и неразумной внешней политикой западных демократий. В Китае коммунисты победили не без помощи Сталина, как в самой России не без помощи Вильгельма. Но сводить все победы тоталитарных идей и сил к простой игре исторических и политических случайностей или к национальным «особенностям» некоторых народов (русская пассивность, немецкий милитаризм), значит закрывать глаза на самую грозную проблему нашей эпохи. В основе побед тоталитарных сил лежит «политико - психологические» причины, уходящие своими корнями в большей степени в особенности нашей эпохи, чем в национальные особенности народов.

**
*

Как я уже отметил выше, еще в конце 19-го века техническая и промышленная революция привели к растущему усложнению социальных и политических проблем. Но несмотря на усложнение жизни, политическая арена еще являла картину «великих мужей, руководивших поддающимися контролю делами», которые, казалось, разворачивались в каких-то стройных рамках, значение которых можно было определить общепринятыми терминами.

После первой мировой войны эта стройность стала быстро сменяться беспримерной путаницей политических, экономических и социальных понятий. К хаосу экономических понятий: инфляция, дефляция, депрессия, экономические циклы, свободное хозяйство, плановое хозяйство, экономика Адама Смита, экономика Кейнса, проблема распределения и т. д. при-

³ Помимо Италии и Германии тоталитарные или полутоталитарные режимы были установлены и в ряде других стран.

соединился хаос социальных терминов: социальная справедливость, социальное равенство, социальная обеспеченность, и путаница политических концепций: марксистский социализм, советский социализм, истинный социализм, национал-социализм, капитализм, государственный капитализм, международная солидарность, пролетарская солидарность, коллективная безопасность и т. д.

Путаница и хаос политических и экономических идей, конечно, явление не новое. Но новым было влияние запутанных и трудно объяснимых фактов и событий, крившихся за этими терминами, на жизнь миллионов людей ставших причастными к политике; инфляция подрывала веру в возможность обеспечить свое будущее честным трудом; экономическая депрессия создала массовую безработицу; социализм сулил социальную справедливость, всем, всем, всем.

И без того сложная картина политических, экономических и социальных отношений сильно усложнилась еще тем обстоятельством, что между политическими и в особенности экономическими событиями, происходившими в различных частях света была какая-то трудно уловимая, но явная связь. Экономическая депрессия в Соединенных Штатах привела к депрессии во всех странах Европы; колебания курса фунта стерлингов отражались на экономической жизни всех европейских и многих заокеанских стран. Политическая активность Москвы ощущалась во многих других странах, потому что все коммунистические партии состояли в связи с руководством Советского Союза.

Мировая война 1914 г. привела мир к политическому или вернее к «политико-психологическому» парадоксу, вызывающему в памяти многие древние мифы и народные сказания о том, как смертные, получившие всемогущество, неизменно оказываются бессильными воспользоваться им: народы получили политическую власть в свои руки к тому моменту, когда техника «создала условия, оказавшиеся в значительной мере непонятными (для людей) и в еще большей мере — неподдающимися человеческому контролю».

В то же время техническая революция привела к росту сознания, что нужно действовать и действовать быстро и решительно. Воспоминания о первой мировой войне и сознание, что технический прогресс ведет к положению, при котором следующая война (как Эйнштейн сказал еще в двадцатых годах) «продлится несколько минут и в результате ее

погибнут целые народы», настойчиво говорили о том, что нужно искать каких-то новых путей в международных отношениях; экономическая неустойчивость и массовая безработица неустанно напоминали о необходимости срочных и решительных мер в самом широком государственном масштабе.

Когда ясно осознанная необходимость действия сочетается с сознанием сложности создавшейся обстановки, обычным выходом из положения является упрощение. В такой обстановке, вместо того, чтобы ломать голову в поисках продуманного и справедливого решения, мы склонны принять упрощенную схему, сулящую возможность быстрого действия, и дающую выход нашему нетерпению. Такой упрощенной схемой для действия и является тоталитаризм.

Все тоталитарные системы, пришедшие к власти в течение последних сорока лет, были попыткой дать *простой* и убедительный ответ на вопрос: «что происходит и что делать?» Что делать в сложной и напряженной обстановке, при невозможности для демократического правительства действовать с той быстротой и решительностью, которых жаждала наиболее решительно настроенная (и поэтому наиболее неразборчивая в средствах) часть населения?⁴

Поражение, нанесенное тоталитарным странам во второй мировой войне, не было радикальным средством борьбы против тоталитарных идей и настроений, потому что это поражение не устранило — да и не могло устранить — ни возрастающей сложности политических, экономических и социальных отношений, ни нетерпеливой жажды действия, порожденных не Лениным, Муссолини и Гитлером, а главным образом головокружительными темпами технического прогресса и промышленной революции, коренным образом изменившими жизнь народов. Политикам становилось все труднее угнаться за инженерами. Как очень метко заметил Токвиль, тяготы, которые люди готовы безропотно переносить до тех пор, пока они кажутся неизбежными, становятся невыноси-

⁴ Не безинтересно отметить, что Токвиль высказал еще задолго до появления каких бы то ни было тоталитаризмов мнение, что американской демократии будет грозить кризис, если создастся обстановка, в которой Соединенным Штатам придется принимать решение в вопросах, в которых средний обыватель, являющийся носителем власти, будет не в состоянии разбираться.

мыми в тот момент, когда у нас появляется мысль, что они устранимы. Огромный прогресс, достигнутый техникой за последние десятилетия и успех тоталитарных режимов в освоении техники и создании новых форм отношений между государствами, якобы, сулящих вечный мир и быстрый рост благосостояния, создали в целых народах убеждение, что многие тяготы, казавшиеся раньше неустрашимыми, превратились в зло, которое теперь можно избежать.

Совершив чудеса в области производства, техника вызвала в целых народах нетерпеливое желание осуществить миф Нового Века: сказку о золотом завтра.

С политической и психологической точек зрения важно знать не насколько это убеждение и порожденное им нетерпение обоснованы, а насколько сильно нетерпение, порожденное в народах этим мифом. И совершенно также важен не вопрос можно ли избежать войны и осуществить вечный мир, а вопрос, как велика динамичность стремления избежать войны и веры в возможность осуществить прочный мир тем путем, который предлагает ось Москва - Пекин. В какой мере это стремление и эта вера способствует готовности принять «упрощенную схему для действия». Только принимая во внимание эти политические и психологические факты, можно объективно анализировать теперешнюю борьбу между тоталитарным коммунистическим блоком и союзом демократических стран.

На страницах этой статьи я, разумеется, не могу остановиться на всех этапах и на всех государствах-участниках этой борьбы. Ограничусь лишь кратким обзором политики Вашингтона и Москвы — общепризнанных вождей двух борющихся лагерей.

Соединенные Штаты и Советский Союз сильны поддержкой или по крайней мере благожелательным нейтралитетом большого числа государств. Они в значительной степени зависят от этой поддержки. Если развалится НАТО, международное положение Соединенных Штатов может стать очень шатким. И не менее критическим станет положение Советского Союза, если Китай перестанет быть союзником СССР. Поэтому и для Соединенных Штатов и для Советского Союза очень важно сохранить единство своего лагеря и добиться изоляции противника, подорвав единство в его лагере.

Как я указывал выше, основным стремлением президента Вильсона было обеспечение прочного мира, который по его

мнению следовало искать на пути распространения на весь мир демократической формы правления и осуществления национального самоопределения. Хотя и не полно, идеи Вильсона были осуществлены Версальским договором после первой мировой войны. Вскоре, однако, события показали иллюзорность предположения, что создание суверенных демократических государств в согласии с принципом национального самоопределения может гарантировать свободу и прочный мир. Однако, многие вновь созданные суверенные государства почти без сопротивления отказались от демократического строя. Что касается сохранения прочного мира, то новые государства были так увлечены сохранением всей полноты и даже всех внешних признаков национального суверенитета, что проявили полную неспособность действовать сообща и согласованно в защиту от агрессии. Достаточно напомнить здесь, что даже балтийские государства не смогли договориться об общей внешней политике и общем плане обороны. Польша не только не противилась захвату Чехословакии Гитлером, но была с ним в тот год в союзе (пакт Бек-Риббентроп), и даже захватила небольшую часть Чехословакии (Тешенскую область).

Эти события не прошли незамеченными в столицах великих держав. И хотя защита принципа национального самоопределения никогда не была официально вычеркнута из программы внешней политики Соединенных Штатов, руководители американской политики признали если не полную политическую несостоятельность принципа национального самоопределения, как одного из руководящих принципов американской внешней политики, то всё же его явную недостаточность и непригодность как средства достижения прочного мира.

Анализируя в 1941 году «Атлантическую Хартию», обещавшую восстановление национальной независимости всем государствам, захваченным Гитлером, теперешний государственный секретарь США Джон Форстер Доллес писал: «Для поддержания духа (народов, покоренных Гитлером), мы даем им надежду на политическую свободу и материальное благосостояние, лишь бы они восстали против нового режима в Германии (т. е. против нацизма).. (Но) восстановление в Европе старой системы многих суверенных государств (означало бы) восстановление системы, которая всегда и неизбежно вела в

Европе к войнам и неизбежно должна будет вести к войнам»⁵.

**
*

Внешняя политика Рузвельта и принципы, положенные в основу *практической работы* «Объединенных Наций» были в значительной степени порождены отрицанием философии Вильсона (хотя это было скрыто за многими вильсоновскими лозунгами). Рузвельт положил в основу своей внешней политики (военного и послевоенного периода) план обеспечения длительного мира путем тесного сотрудничества великих держав (прежде всего Соединенных Штатов, Советского Союза и Великобритании), которые должны были взять на себя опеку малых народов.

Он предполагал, что, не имея никаких претензий друг к другу, великие мира сего без труда найдут общий язык в деле защиты малых стран, ни одна из которых не сможет встать на трех гигантов. Это была концепция мира в рамках всемирной патриархальной демократии, под благожелательным попечением трех великанов. В соответствии с этой концепцией в Объединенных Нациях главную и самую ответственную роль в поддержании мира поручили Совету Безопасности, в котором великие державы были не только единственными постоянными членами, но и единственными членами с правом вето.

Когда выяснилась иллюзорность этой концепции, все западные великие державы остались без какой-либо большой концепции внешней политики и без реального общего плана как установить прочный мир. А Вашингтон вернулся к вильсоновским идеям (за исключением новой концепции) об обеспечении прочного мира путем распространения демократических идеалов и осуществления принципа национального самоопределения. Но всё это осталось каким-то половинчатым. Вашингтон до сегодняшнего дня не сделал выбора между Вильсоном и Рузвельтом. С одной стороны, руководители американской внешней политики говорят о необходимости освобождения всех «нерусских» народов от советской власти, как о важном шаге к установлению мира, а с другой стороны, они же подчеркивают, что залог мира в сотрудничестве между СССР и

⁵ A statement submitted to the Commission to Study the Bases of a Just and Durable Peace by its Chairman, Mr. John Foster Dulles, September 18, 1941.

Западом. Так как ожидать, что Советский Союз когда-либо согласится искать сотрудничества с Западом путем национально-го раздробления не приходится, внешняя политика США ведет к международному тупику.

Ставя Советскому Союзу условия для соглашения, которые Москва не принимает и едва ли когда-либо примет, Соединенные Штаты и Англия вызывают растущее недовольство многочисленных «нейтрально» настроенных народов, жаждущих «действия» в смысле разрешения международного конфликта, грозящего ужасами атомной войны, в рамках «реальностей», то есть не в плане попыток восстановления послеверсальской геополитической карты Европы, а в плане сохранения ныне существующей после - постдамской Европы.

В то время, как «реалисты» и «нейтраллисты» не могут простить Вашингтону непримиримости (с их точки зрения) американской внешней политики в отношении СССР, те, кто видит в советском строе неприемлемое для них зло и те, кто верит в вильсоновский идеал универсальной демократии, не могут примириться с готовностью Америки договориться с Советским Союзом.

Таким образом, демократический лагерь не имеет реалистической стратегической концепции т. е. такой, которая имела бы серьезные шансы на успех. Внешняя политика, не построенная ни на реальном плане как договориться с Советским правительством, ни на реальном плане как обойтись без его согласия. В революционную эпоху, отмеченную растущей потребностью политического «действия», такая политика имеет мало шансов на успех у народов, каковы бы ни были ее моральные и юридические преимущества перед советской.

Совершенно иной является позиция тоталитарного лагеря: у тоталитарного блока есть стратегическая цель дальнего прицела и последовательная тактика. Стратегия Москвы построена на стремлении ослабить и изолировать Соед. Штаты до такой степени, чтобы американское общественное мнение разочаровалось в теперешней внешней политике Америки и в конце концов пошло на соглашение с СССР на условиях, приемлемых для последнего. Что касается советской тактики, она заключается в том, чтобы сеять рознь между народами некоммунистических стран, пользуясь действительно существующими противоречиями между многими их интересами. В виду того, что в условиях демократии никого нельзя удержать насильно в союзе свободных народов, советская тактика использова-

ния противоречий, существующих в некоммунистическом лагере, несомненно реалистична и эффективна.

В недавнем прошлом, победе тоталитарных партий над демократическими правительствами способствовал ряд причин, из которых я отметил как главные: усложнение политической сцены, приведшее к тому, что люди перестали понимать, что движет политикой, в совокупности с жадной простого ответа на вопрос «что происходит и что надо делать?»; сознание необходимости быстрого и решительного действия среди наиболее активной части населения, в совокупности с невозможностью для демократического правительства действовать с достаточной быстротой и решительностью.

На политическо - психологической эксплуатации именно этих элементов в международных отношениях построена сейчас тактика тоталитарного наступления на лагерь народов, возглавляемый США. В то время, как советская дипломатия всячески затрудняет и затягивает попытки демократических переговоров в ООН, советское правительство и советская дипломатия подчеркивает простоту и ясность своего плана, как избавиться от ужасов атомно-водородной войны простым «запрещением» атомно-водородного оружия или выходом народов некоммунистического лагеря из военных союзов, возглавляемых США. В то же время тоталитарный лагерь ведет политику, которая способствует появлению местных конфликтов, таящих угрозу мировой войны, постоянно напоминает населению некоммунистических стран об ужасах атомной войны и, обостряя в народах жадность какого-то «действия», сулящего положить предел перспективе бесконечного продления жизни на вулкане, увеличивает соблазн нейтралитета.

Всё, сказанное здесь, конечно, обобщения.

Сила советской внешней политики заключается в том, что эта политика пользуется ростом революционного нетерпения, охватывающего в наше время целые народы, с необычайной тактической гибкостью. В своей речи на XX съезде партии Микоян дал лучшее определение советской внешней политики, какое мне когда-либо довелось слышать: «Наша внешняя политика строится с учетом конкретных особенностей обстановки, реального соотношения сил, при правильной оценке разницы и оттенков политики отдельных стран в определенный период и прежде всего в главном для нас вопросе — в вопросе борьбы за мир».

**

Для успешного применения этой политики в «планетарном» масштабе необходимы два условия: во-первых, необходимо, чтобы советская дипломатия проявила известную умеренность. Ведь возмущение агрессивной политикой Сталина было главным, если не единственным, объединяющим фактором в коалиции стран, возглавляемых западными демократами. Исчезновение этого фактора должно привести в движение все центробежные, узко-национальные интересы и страсти в странах, входящих в эту коалицию. И, во-вторых, необходимо, чтобы революционные настроения и международное напряжение, способствующее росту сознания необходимости решительных действий, не шли на убыль, потому что тоталитарные антидемократические настроения поддерживаются сознанием необходимости действия.

В диалектическом использовании в международной политике и элементов умеренности и элементов напряжения Москва достигла большого мастерства. По крайней мере, в последние годы и умеренно и революционно настроенные элементы во многих странах мира стали проявлять все меньше симпатий к американской политике: все ищущие выхода как-то отходят от Америки, если не в буквальном смысле слова, то эмоционально.

И я думаю, что международные события будут развиваться неблагоприятно для ведущих демократических стран, до тех пор, пока их внешняя политика будет оставаться противоречивой, непоследовательной, не продуманной до конца. И быть может, самое главное, — пока не будут придавать достаточного внимания реалистической оценке «политико - психологических» факторов действующих в нашу эпоху, являющихся одной из самых революционных в истории.

**

Это конечно, не значит, что в развивающейся на наших глазах грандиозной битве между системами тоталитаризма и силами демократии победит тоталитаризм. Он сам внутри себя взращивает своего могильщика — человека, рвущегося к свободе. Как показали события последнего года, центробежные силы, которые подрывают единство западного мира, действуют и в коммунистическом стане. Если единство некоммунистического лагеря в значительной степени подрывается отсутствием последовательной борьбы Вашингтона за идею по-

литической и экономической интеграции США с остальными некоммунизированными народами и нежеланием или неумением «руководить», то единство коммунистического лагеря поддается чересчур рьяными усилиями Москвы интегрировать с Советским Союзом остальные коммунизированные народы и приказывать им. В результате сейчас происходит процесс дробления обоих лагерей на многочисленные очаги строптивного национализма. В атомно-водородный век это сулит мало хорошего. История поставила перед нашим поколением максимальную задачу: обрести и свободу и политическое единство в международном масштабе.

Народ и власть

1. Народ

Хрущевская «оттепель» в поработанных диктаторами-коммунистами странах Восточной Европы вызвала взрыв ненависти к... русскому народу. Эта жгучая ненависть, как расплавленная лава, растекается по всему демократическому Западу и, в особенности, после вмешательства Кремля в гражданскую войну в Венгрии и после учиненной там советскими войсками чудовищной расправы.

Каждый русский честный человек и подлинный патриот, где бы он не был, — в самой России или в изгнании — переживает муку венгерского народа, как свою собственную, и живет той же надеждой на освобождение родины от тоталитарного ига, как и его братья по проклятой доле, братья, которые, ослепленные отчаянием, яростно кричат — «долой русских палачей». А, ведь, эти «палачи» первые радовались бы освобождению, как предтече — своего собственного. Ведь, не эти воображаемые палачи, а Мао Це Дун и Тито поставили свой гриф под расправой с венграми. Ведь, уничтожение коммунистической тирании в пограничной стране неизбежно вызвало бы детонацию и в Югославии.

Надо понять наконец, что тоталитарный коммунизм, — а иным на практике коммунизм и быть не может, — единое раковое образование на теле всего человечества. Оно пронизывает одну страну за другой, как рак — один орган за другим в живом и борющемся с ядом теле человека.

**
*

Проклинать народ, сопротивляющийся неустанно коммунизму, значит: ставить знак равенства между палачем и его жертвой. Разве понадобилось бы вождям интернационального коммунизма держать десятилетиями страну в тисках неслыханного физического, политического, социального и духовного террора, если бы ненависть к тоталитарному насилию, во-

ля к свободе русского народа были сломлены и мучимые с мучителями слились бы в одно, — оправдав в сердце своем все злодеяния и гнусности режима, ныне разоблаченные Хрущевым?

Нет! Не русский народ, миллионами принесенный в жертву грядущему торжеству «мировой революции», а свободный демократический мир — сначала пел Осанну великим насадителям совершенной «социальной демократии» в стране примитивных варваров, любящих жить под кнутом, без понятия о том, что же значит человеческая свобода. А потом, — когда интернациональный коммунизм во всеоружии появился на мировой сцене, — не русский народ, а тот же просвещенный Запад превратил оберпалача Сталина в «обоготворенного» народом выразителя «русского империализма» и носителя исконной страсти «русских к мировому владычеству»...

**

Только пропитанные такими нелепыми легендами, некоторые корреспонденты руководящих иностранных газет послали траги-комические сообщения о том, как в Москве толпы народа, узнав о смерти Сталина, наполнили храмы и на коленях, в слезах, молили Бога об упокоении души «отца народа».

И это известие полетело на Запад, как раз, в то время, когда наследники «отца» обратились к своей партии с призывом не впадать «в смущение и панику» и старались разными поблажками смягчить ненависть страны к ком-тоталитарному строю...

Так началась знаменитая ныне политическая «оттепель», завершившаяся хрущевской посмертной казнью Сталина. «Обоготворенный отец народа» оказался профессиональным лгуном, обманщиком, подложных и пыточных дел мастером, насильником и убийцей. Свободный мир содрогнулся, но... взгляда своего на русский народ, над которым все эти манипуляции производились, не изменил: он остался «палачом» свободы.

Да, и сам Хрущев в своем секретном обвинительном акте ни слова не сказал о народе. Он ни слова не сказал о том начальном времени диктатуры, когда первая, «героическая тройка» — Ленин, Троцкий, Держжинский — выглаживали Россию каленым, — по слову Троцкого, — утюгом; когда — по приказу Ленина — в первый раз уничтожалось крестьян-

ство, как охвостье уже истребленного в городах капиталистического класса; когда по его же, Ленина, приказу ограблялись и уничтожались церкви; сотнями расстреливались и тысячами ссылались продавцы «опиума народа», священнослужители. Когда заливали матросской кровью Кронштадт, как недавно Будапешт; когда больше года истребляли в центре России восставшее крестьянство; когда уничтожались все права рабочих союзов.

Хрущев не сказал о том, что за всю эту беспощадную расправу с народом Россия заплатила жутким голодом с людоедством и миллионами голодных смертей.

Хрущев не сказал, что после вызванной паникой в Кремле «передышкой» НЭПа, — Сталин вернулся к маниакальной идее Ленина о капиталистическом черепе мужика и занялся истреблением, — ожившего за краткие годы Нэпа, — экономически независимого крестьянства и, под вывеской «коллективизации», организовал второе «монгольское нашествие» на деревню (слова Бухарина на «суде» перед казнью) через 700 лет после — первого!

Он ни слова не сказал, как долгими годами вырывались в России с корнем все побеги независимой мысли в литературе, науке, искусстве; как и за что был перед самой второй войной истреблен казнями и ссылками весь высший командный состав...

Обо всех этих, и многих других, перед народом и Россией, смертных грехах террористического строя, коего и он сам был и остается участником, Хрущев не говорил. Во всех расправах с народом Сталин остается для его наследников восхваляемым героем наряду с первоучителем-Лениным. Он становится преступником только тогда, когда расправляется со своими вчерашними помощниками и прислужниками.

**

Ибо, «следуя заветам Ленина, коммунистическая партия — как гласит резолюция ЦК КПСС от 30 июня 1956 года — направляет свой курс к индустриализации страны, к коллективному земледелию и к осуществлению культурной революции. Выполняя эти великие задачи, советский народ и коммунистическая партия должны были преодолевать невообразимые трудности и препятствия... Сложность внутреннего и внешнего положения требовала железной дисциплины, неусыпной бдительности и самой строгой централизации руководства, что

неизбежно отрицательно влияло на некоторые стороны развития демократии... И. В. Сталин, вместе с другими вождями, действительно боролся за осуществление заветов Ленина. Он был предан марксизму-ленинизму и, как теоретик и хороший организатор, возглавлял борьбу». Так это и было: Сталин, как верный и самый способный исполнитель «заветов Ленина», был беспощадным душителем свободы народа, крепким охранителем железной дисциплины в партийно-террористическом аппарате и незаменимым стратегом мирового коммунистического движения.

Объем власти Сталина, по этой резолюции, является пересказом одного из коренных «заветов» Ленина, а именно, что «Советский социалистический демократизм единоличию и диктатуре нисколько не противоречит; что волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один больше сделает и часто более необходим». [В. Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 89; изд. 1923 года].

**
*

Так, неужели же его наследники, ясно сознавшие и роль его при жизни и значение ореола его имени во всем коммунистическом мире, после смерти решили ни с того, ни с сего надругаться над трупом их действительного вождя и учителя, ткнуть его ослиным копытом, только для того и только потому, что захотели в отместку за его невежливое с ними обращение посмертно над ним поиздеваться и реабилитировать несколько десятков партийных сановников, которых они же, в свое время, при Сталине всовывали в мясорубки Ягоды-Ежова-Берии?!

Очевидно, нет! Смягчение террористического режима началось за три года до позорящей и Сталина, и все «коллективное руководство» речи Хрущева; началось сейчас же после смерти Сталина; началось с паники среди кремлевских сидельцев.

Начавшись внутри самой перепутанной партии («коллективное руководство»), с отказа от культа личности и ограждения безопасности и неприкосновенности членов ЦК — «оттепель» перекинулась на высшую военную и штатскую бюрократию (отказ от бессудных расправ); раскрыла концлагеря — сначала партийным, а потом и всем политическим пленникам; разрушила почти целиком всемогущий аппарат пытательной тайной полиции; полу-раскрепостила рабочих; повы-

сила голодный паек государственным крепостным-колхозникам; утешила увеличением пенсии стариков и старух; притупила чуть-чуть цензорское рвение и т. д.

**
*

Знаток Советского Союза, проф. Филипп Мозли полагает, что смягчение тоталитарного режима в России, — хотя и шло навстречу «глубокоскрытым» чаяниям многих советских интеллигентов, — произошло не под их «давлением», не по их «требованиям» — это случилось по доброй воле Кремля, по надобностям (как можно догадаться по осторожному тексту) его иностранной политики: смягчение внутренней политики должно было содействовать смягчению международных отношений. («Foreign Affairs», Октябрь 56 г., стр. 82).

Однако, такое толкование «оттепели» никак нельзя связать с «секретным» докладом Хрущева. Ибо, как раз, он нанес непоправимый удар по престижу советского правительства во всем культурном мире и парализовал «революционную» активность всех правоверных ком. партий во всей Европе и США. На самом же деле, все, случившееся после хрущевских цинических разоблачений, несомненно доказывает одно: не добрая воля Кремля, преследуя свои международные интересы, случайно пошла навстречу глубокоскрытым чаяниям народа, а эта глубокоскрытая воля страны освободиться от жизни в терроре и нищенстве вынудила Хрущева сказать страшную Правду.

**
*

Ибо секретная речь Хрущева, предназначавшаяся только для партийцев, стала с молниеносной быстротой достоянием тысяч и тысяч. Она — легализовала резко отрицательное отношение к порядкам, существовавшим при Сталине — легализовала открытый разговор на эту тему, — свидетельствовал «советский» профессор, приехавший этим летом за границу. («Соц. Вестник», июнь 56 г.). Втихомолку разговаривали чуть ли не со дня сталинской смерти, но «с оглядкой». Теперь громко заговорила Москва, заговорила за ней вся Россия.

«Казалось, — пишет сотрудница лондонского Би-Би-Си, дважды приезжавшая в Россию и по-русски немного говорящая, — люди просто не могут не говорить, как будто, им

нужно все рассказать о себе, кто они, что с ними случилось. Их рассказы о страданиях во время войны и о том, что означает слово террор — заливали меня ужасающим потоком трагедий. А, рассказывая их, люди не верили, что человек, сам не испытавший ими пережитого, может хоть немного понять, что они говорят... О будущем они говорят: да, все может пойти лучше, если не будет войны. И о чем бы не шел разговор с иностранцами, они все говорят о своей потребности мира. Они хотят — смягчения международного напряжения, уже потому только, — что угроза войны — оправдание террора...» («Листнер», 9 авг. 56 г. ББС — Лондон).

Да, — у русских людей — очень сильны усталость от пережитых ужасов и желание отдохнуть, пожить мирной жизнью. Именно потому — «весь мир работников науки и литературы единодушен: ни в коем случае нельзя допустить ни военных авантур против Запада, ни возвращения сталинского террористического режима... Если кто-нибудь сделает попытку повернуть курс назад ко временам Сталина, — он будет иметь против себя, не только всю интеллигенцию, не только огромную интеллигенцию техническую, но и офицерство, рабочих и многих коммунистов. Наиболее будирующим элементом, кроме «возвращенных» (из конц-лагерей) и их близких, являются студенты и младший командный состав армии». («Соц. Вестник», июнь 1956 г.).

Я привел только два свидетельства — их можно множить до бесконечности — чем живут, что чувствуют и о чем думают сейчас живые русские люди, а не выдуманные «русские палачи».

Вся интеллигенция — академическая, чиновная, техническая, военная, молодое командование и студенчество, рабочие, а за всеми ними — затихшее, как дубовый бор перед бурей, — изнасилованное, как никто, крестьянство — вся думающая Россия, без сговора, еще без возможности политически сплотиться — едины в общей воле к освобождению. По старому оставаться не может, «все надо менять».

**
*

Вот, образ современной России, России — новых поколений, выпестованных в тенетах коммунистического и террористического изуверства и это изуверство отринувших!

И эта Россия завтрашнего дня, — будет строить новое государство и новый склад отношений с внешним миром.

И тогда исцелится весь мир от охватившего его снова безумия!

2. Власть

Какую основную цель преследует «советское правительство», т. е. коммунистическая тоталитарная диктатура, все тридцать девять лет своего владычества в России.

Такой вопрос многим покажется странным, даже неуместным: государственная власть по самой природе своей, по самому своему назначению есть верховная власть в государстве, блюдущая его интересы, охраняющая его целостность и независимость, пекущаяся о благосостоянии, о благе, всего населения. Конечно любое правительство, служа государству, может жестоко ошибаться — и ошибается — в своем понимании интересов страны. Отказываясь же от самого своего долга служить государству — и только ему — власть, распоряжающаяся страной, является чем угодно, но не государственной властью.

Вожди коммунистической диктатуры признавали ли — хоть на одно мгновение, — благо России или Сов. Союза верховной и единственной целью своего пребывания у власти? — Никогда.

**
*

В конце 1915 года в России — и на фронте и в тылу — уже начало нарастать оппозиционное и революционное настроение. И в ноябре этого года Ленин писал: «освобождением буржуазии России от царизма, от земельной власти помещиков, пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельскими рабочими (?), а — для совершения социальной революции в союзе с пролетариатом Европы». («Социал-Демократ», № 48, Женева)...

**
*

Во имя этой «пролетарской мировой революции» — Россия была предана на растерзание Германии; едва родившаяся на обломках взорвавшейся монархии демократия растоптана; города и деревни разграблены; несчитанные тысячи людей всех классов и состояний первый раз попали под раскаленный утюг террора...

Крестьянская, самая отсталая, — по слову Ленина, — страна в Европе была превращена в «базу для авангарда» той пролетарской социальной революции, которая, — если не сегодня, так завтра, — должна была обязательно начаться в передовых индустриальных странах и, в первую голову, — в Германии и Англии.

С тех самых «октябрьских» дней и до ныне все интересы и самое существование переделанной в «базу» России подчинены единой, чуждой ей и губительной для нее, верховной цели — торжеству мирового коммунизма.

Однако, сумасшедшая уверенность ленинского Кремля в том, что в заключение Первой Войны западный пролетариат молниеносно разгромит всю «капиталистическую» Европу, — сразу разбилась об обывательскую косность европейского рабочего класса и о «предательство» его вождей, «купленных» подачками капиталистов. Да, и сама «база» давала все новые трещины (гражданская война, паралич индустрии, крестьянское сопротивление, голод...).

**
*

«Базу» удалось спасти и укрепить недолгой передышкой — Нэпом. А для уничтожения буржуазной заразы внутри рабочего класса индустриальных стран, для возрождения революционной энергии западного пролетариата было решено, — на Втором и Третьем конгрессах Коминтерна, в 1920 и 21 гг., — подрубить самые корни политической и социальной мощи капитализма вне Европы и Америки.

Ибо, — гласят принятые Вторым конгрессом тезисы Ленина, — «европейский капитализм черпает свою силу, главным образом, не из промышленных европейских стран, а из своих колониальных владений. Сверх-прибыль, получаемая с колоний, является главным источником средств современного капитализма в Европе. Рабочему классу удастся только тогда свергнуть капиталистический строй, когда этот источник иссякнет... Путем сверх-эксплуатации населения колоний европейский капитализм в состоянии предоставить целый ряд подачек-компенсаций рабочей аристократии в Европе... Следовательно, Комм. Интернационал должен расширить сферу своей деятельности. Ком. Интернационал должен находиться в тесном контакте с теми революционными силами которые в настоящий момент принимают участие в деле свержения импери-

ализма в политически и экономически угнетенных странах. Для полного успеха мировой революции необходимо совместное действие этих двух сил»...

«Отделение колоний и пролетарская революция у себя дома свергнет капиталистический строй в Европе... Революционное движение в Индии и других колониях, — говорит резолюция Третьего конгресса (21 г.), — является ныне такой же составной частью мировой революции, как и восстание пролетариата в капиталистических странах старого и нового Света».

Так, тридцать шесть лет тому назад был утвержден в помощь западному «пролетариату» — восточный вариант мировой революции.

**

Когда же этот бумажный вариант стал воплощаться в жизнь и Коминтерн встал твердой ногой в Китае, Сталин в «Правде», 4-го июля 1925 г., во всеобщее сведение объявил, перефразируя конгрессовые резолюции, новый развернутый план уничтожения «капитализма». — «Колониальные страны есть основной тыл империализма. Революционизирование этого тыла не может не подорвать империализма не только в том смысле, что империализм будет оставлен без тыла, но и в том смысле, что революционизированный Восток должен дать решительный толчек к обострению революционного кризиса на Западе. *Атакованный с двух сторон* — и с тыла и с фронта — *империализм должен будет признать себя обреченным на гибель*».

Теперь, на наших глазах, «революционизированный тыл» исполняет, как будто, превосходно поставленную ему в 1921 году задачу.

**

Конечно Коминтерну и Кремлю изрядно помогла вторая война. Но, ведь, она сама входила в развернутый план завершения незавершенного — после первой войны — «дела Ленина»!

Доказывать здесь этого не надо. Всякий, — кто хоть скольконибудь следил в годы «меж двух войн» за деяниями и писаниями всех столпов Коминтерна, знает, что не только наши сталины, но и все горезы и толиатти, твердо усвоили

«гениальную» мысль Ленина о том, что современные тотальные войны лучшее орудие для ускорения мировой революции. Эти войны «повивальные бабки», как сказал Сталин, этой «революции», рождающейся в потоках крови и в вихре ненависти...

**
*

Недавно я прочел в «Соц. Вестнике», (сент. 56 г.), довольно неожиданную именно в этом органе, но давно очевидную для меня истину: «пакт с Гитлером был агрессией против мирового капитализма».

Но, ведь, «спаянный кровью» союз с Гитлером был только последним шагом к предсказанной Сталиным «новой волне войн и революций», волне долженствовавшей вынести на своем гребне все человечество на новый блаженный материк, ввести в новую эру — «эру коммунизма». Как только подули предвоенные ветры, как только капиталистический мир стал терять равновесие — экономическое (биржевой крах и соц. кризис в США), политическое (Гитлер) и военное (маньчжурский «инцидент» и Абиссиния), так в России пошла на смарку передышка Нэпа, пришла новая волна террора: выкорчевывались все очаги наличной и возможной оппозиции в деревнях, на заводах, в армии, среди интеллигенции, внутри самой правящей партии...

Страна застыла в ужасе ежовщины!

За то, расшатавшаяся за короткое время нэповской передышки «база», была отремонтирована и мобилизована.

**
*

А в это страшное для России время, — свободный мир заполнялся, сверху до низу, платными агентами и добровольными энтузиастами. Они упорно и успешно разлагали и усыпляли свободную демократию соблазнительными призывами к «народному фронту», к «общей борьбе с фашизмом», к «защите свободы и демократии».

Коммунизм внешне и временно «отказался от своего идеального существования». (Молотов и Каганович могли бы вспомнить, откуда я взял эти слова). А сам Сталин, подавая пример революционного самоотречения, «предал, — как кричал левый Запад, — пролетарскую мировую революцию Ленина и Троц-

кого»; объявил невинный «социализм в одной стране» и даже, перечеркнув писания Покровского, издал «патриотический» учебник русской истории!..

Нажитый на Западе Сталиным — под слезы и муки истязуемого дома народа, — авторитет был так велик, что даже и союз с Гитлером мог только на мгновение поколебать его... Как только германские полчища ворвались в Россию, вчерашнее «предательство демократии» превратилось в «мудрое, кутузовское отступление под стены Москвы» для того, чтобы собраться с силами и броситься спасать свободу и демократию. А, когда гитлеровская рать покатила назад, Сталин, — был признан «гениальным полководцем» и стал членом «Великой Тройки», взявшей на себя задачу переустройства мира на твердых началах демократических принципов — свободы, права и справедливости. Этот новый совершенный порядок на всем Востоке Европы должен был, по решению всей Тройки — Рузвельта, Сталина и Черчилля — установить... Сталин.

**

Цель была достигнута! Огромная часть Старого Света оказалась в руках Коминтерна и Кремля. Не даром, еще перед Второй войной коммунистические вожди Западной Европы стали скапливаться в Москве и там готовиться к послевоенной миссии у себя, на разных родинах¹.

Теперь, после победы, они все на самолетах помчались домой занимать там предназначенные им посты или во главе правительств «народных демократий», или в руководстве подпольными, «патриотическими» движениями против фашистских и нацистских армий и штатных оккупантов.

**

Так закончилась двадцатипятилетняя (1921-46), умная и ловкая подготовка к завершению дела Маркса-Ленина. Оба фронта — и западный и восточный — были готовы. Вступление мира в «эру коммунизма» было объявлено Молотовым в «октябрьскую годовщину», в 1946 году.

¹ Это хорошо описано в воспоминаниях испанских коммун. генералов, после победы Франко засевших в бест в Москве.

Провозглашая эту новую эру, Молотов знал, что народ русский не станет защищать коммунизма, — как сказал Сталин вскоре после вторжения гитлеровских войск одному знатному иностранцу, а Молотов знал, что не только для надобностей заграничной пропаганды, но и для того, чтобы вероломно обмануть народ и толкнуть его на бесконечные жертвы во имя «вечной России» (слова Сталина) советское правительство на время «перестало быть коммунистическим в своих действиях и мероприятиях». Он знал — и теперь непоколебимый «сталинист», — что только таким «патриотическим» маскарадом, да еще и с помощью свободного мира, сохранила свою власть ком. диктатура внутри России и спасла вне России «огромный резервуар коммунистических кадров для... решительного наступления против мирового капитала».

И, как только кончилась вторая война, решительное наступление началось. Мир разделился на два, вооруженных атомными и водородными бомбами, лагеря с двумя центрами — в Вашингтоне и Москве. Единый мировой рынок тоже распался — на два. И корни мощи капиталистического империализма, как писалось в резолюции 35 лет тому назад, действительно теперь подрублены в колониальных странах.

С безумной щедростью Кремль выбрасывает миллиарды, выжатые из нищенствующего народа, на скорейшее оснащение московско-пекинского блока военной и индустриальной техникой. — «Хрущев и Булганин, — пишет председатель французской социалистической делегации, побывавшей этим летом в России, — все внимание сосредоточили на тяжелой промышленности, главным образом, для *вытолнения контрактов по оборудованию Китая и «народных республик»* (кавычки автора). Капиталовложение в тяжелую промышленность с 53.3 проц. в 1954 г. поднялось до 60 проц., а вложение в легкую промышленность с 8.3 проц. в 54 г. упало в 55 г. до 4.8. (Андрэ Филипп, «Нью Лидер», 1-го окт. 56 г.).

В иностранной печати передавалась суть наблюдений французского корреспондента недавно побывавшего в Китае. «То, что он сообщает — говорится в «Соц. Вест.» сент. 1956 г. — о развитии китайской промышленности сейчас, дает чрезвычайно внушительную картину всей обдуманности, целеустремленности и реальности гигантского усилия ускорить индустриализацию страны с 600 миллионами населения. Около

170 гигантских промышленных предприятий построено там в короткий срок (среди них ни одного для легкой промышленности — А. К.)...

Все они построены при помощи новейших и очень хороших машин советского производства по планам, разработанным советскими инженерами и техниками под руководством советских, польских и чехословацких инженеров и инструкторов».

А для создания тоже гигантской — по размерам стран — тяжелой промышленности в страны «народной демократии» брошены еще новые сотни миллиардов, выжатых из русского населения, главным образом, из ныне «пролетаризируемого», — колхозного крестьянства. И в самом Советском Союзе «государственная власть» не жалеет все новых и новых миллиардов на стройку, развитие и усовершенствования всяких заводов и лабораторий для выработки современного сверх-истребительного оружия всех родов.

Вся эта безумная растрата богатств России пойдет прахом!..

**

Уже после своей расправы с устрашающей население тенью Сталина, Хрущев, во время идеологической дискуссии с французской социалистической делегацией, говорил — «Вы нас ни в чем не переубедите. Сталин был великий человек, несмотря на его отвратительные преступления. Теперь новые люди критикуют и исправляют его способы действий, но не его доктрину. Мы делаем иногда безрассудства, даже совершаем серьезные преступления, но основы наших действий здоровы» («Нью Лидер» 8 окт. 56 г.).

Все эти рацеи — пустые, хлестаковские фразы! Они ни как не подействовали на французских социалистов, которые увидели сами русскую действительность. И тот же Андрэ Филипп пишет: «Теперь (в России — А. К.) есть много коммунистов, даже на высоких постах, которые, только на словах, номинально, принимают марксизму доктрину. И что еще важнее, поднялся новый класс техников, который вовсе не интересуется коммунизмом и лойялен власти только потому, что может развивать свои возможности, развивать производство на пользу народных масс, на службу которым он отдал свою жизнь».

Вот, эти не-коммунистические коммунисты и могущественная, незаменимая в научной, военной, индустриальной и хозяйственной жизни техническая интеллигенция, опираясь на настроения народных масс, и вынудили Кремль, устами Хрущева, разоблачить все отвратительное содержание «доктрины Сталина» (Ленина тож), т. е. великую преступность перед Россией и народом всех «здоровых основ» деятельности коммунистической тирании.

**
*

Со дня партийной паники после смерти Сталина, Кремль лихорадочно искал и ищет: какими безопасным для себя уступками можно сберечь власть в своих руках — в России до победы «эры коммунизма» — вне России.

Кремль знал, что такое же отвращение к «доктрине Сталина» нарастает и в «народных демократиях», где оно усугубляется еще и чувством национального порабощения. А надо было во чтобы то ни стало сохранить в Европе все нужные силы для приближающейся фронтальной — в помощь необходимому движению в Азии — атаке на разделившийся «на ся» капитализм. Отсюда — знаменитая поездка — Булганина и Хрущева в Белград для примирения с югославским коммунистическим, тоталитарным диктатором.

Надо помнить, что «триумфальное» возвращение Тито в Москву, как победителя, было устроено Кремлем. Оно было сигналом коммунистическим вождям в странах «народной демократии». Теперь они могут освободиться от своих со-товарищей, слишком упрямых «сталинистов», и ввести у себя титовский «независимый от Москвы» коммунизм.

**
*

Эта операция перегруппировки сил внутри правящей партии в Польше прошла вполне, пока, благополучно.

Но ненависть к коммунистическому режиму и к «русско-му игу», была так сильна в пограничных с Советским Союзом странах, что в Венгрии только что взявшие власть «титоицы» были сметены жесточайшим народным восстанием против всякого коммунизма.

Венгрия доказала, что в политике доказать возможность квадратуры круга также невозможно, как и в математике: сочетать видимость свободы с тоталитарной сущностью — невозможно.

Хрущевская речь о Сталине и позорная расправа с венграми — разложили до конца коммунистические партии в Европе и Америке; уничтожили навсегда европейский фронт «мировой революции», так удачно созданный Сталиным, организатором «свободной демократии» в отданных ему в удел странах.

**
*

Остался, замышлявшийся только в помощь западному пролетариату, фронт в Азии. Но там его сила и авторитет опираются исключительно на освободительные и национальные чаяния народов, в своем подавляющем большинстве непроницаемых для какой либо коммунистической идеологии.

**
*

Разгром, хоть и на кратчайший срок, коммунизма в Венгрии может, а м. б. и должен, восстановить или, точнее, установить единство действий титоистов и сталинистов во всех странах Восточной Европы. Но эта Европа, вслед за Россией, навсегда потеряны для «пролетарской мировой революции».

Эта проклятая идея оказалась, как и должно было случиться, бредом изуверов и фанатиков, уверенных в том, что безграничное насилие над свободой, волей и совестью человека дает им неограниченную над ним власть! Нет!

По марксову учению, всякий господствующий в данную историческую эпоху класс, — по неизменному закону диалектического развития человеческого общества, выделяет, из своего классового организма новый класс, предназначенный стать могильщиком своего родителя.

Так, вот! Могильщиком «бесклассовой» коммунистической диктатуры в бесклассовой, по давнему декрету Сталина, России — будет не новый класс, а вечная, неискоренимая потребность и воля человека — жить в свободе, праве и правде.

**
*

Еще одно. — Уходя в небытие, коммунистическая тирания оставляет России страшное наследство. За него не она будет расплачиваться, а — русский народ.

Исстрадавшиеся и измученные народные массы в коммунистических странах, за рубежом Советского Союза, неведая правды о судьбах нашего народа под таким же игом, как у

них, — ставят знак равенства между истязателями и истязуемыми у нас. Они праведное и законное отвращение к коммун. диктатуре у себя дома превращают в ненависть к русскому народу, почитая его прилежным соучастником всех кремлевских злодеяний... Как могло случиться такое недоразумение; недоразумение трагическое не только для судеб России, но — и для всего свободного мира?

Оно случилось потому, что на Западе — одни по возрасту своему не знают, а другие вычеркнули из своей памяти то, что знали и даже видели.

Весь мир видел, как сорок лет тому назад, в тягчайшую для нее Первую мировую войну, Россия превратилась в самое свободное, по признанию самого Ленина государство в Европе. Видели, как эта — рожденная на благо всего мира свобода была растоптана и уничтожена.

Коммунистический строй в России зачался в союзе Ленина и его интернациональных сотоварищей с императорской Германией. Он начался разгромом всего накопленного веками достоинства России и беспощадным террором, уничтожением Учредительного Собрания и двухлетней открытой гражданской войной.

Террористическим ужасом и голодом открытое физическое сопротивление города и деревни было сломлено. Но дух сопротивления не был уничтожен. Ибо с тех пор и до смерти Сталина тоталитарная комм. диктатура жила истреблением в стране всех, без единого исключения, гражданских и политических свобод, вечной беспощадной борьбой с крестьянством, с интеллигенцией, с рабочими — со всем духовно живым.

Все наветы и клеветы на наш народ были бы оправданы только при одном условии, обязательном для всякого честного человека, когда он судит свой или чужой народ. Народ отвечает только за свое правительство, т. е. за правительство, созданное его свободной волей или, по меньшей мере, признающее существование в государстве свободного общественного мнения, опирающегося на незыблемый правопорядок. Этого нет в Советском Союзе, и именно этого порядка сейчас добиваются новые «советские» поколения.

И если сейчас народы в «народных демократиях» начинают освобождаться от ига своих коммунистов, то не только потому, что сильна их воля к свободе, но и потому, что под нарастающим давлением очнувшегося от «гипноза стра-

ха» своего собственного народа раскалывается, разлагается и слабеет диктатура в Кремле.

Как никогда, нужно помнить теперь: кто не борется за чужую свободу, предает и свою. Нужно крепко помнить: борьба между свободой и коммунистическим рабством — не есть борьба между народами, между отдельными — «праведными» и «грешными» — государствами. Нет! Борьба идет между двумя непримиримыми «путями жизни» — жизни в свободе и жизни в рабстве, рабстве не только физическом, но и духовном. Тоталитарное ярмо — фашистское или коммунистическое — одинаково душит всякого человека и коммунистическая власть одинаково чужда всякому народу.

Повторяю: за поношения русского народа ни один русский человек не осудит пострадавших и в неведении о правде русской пребывающих народных толп, идущих сейчас в отчаянии под штыки чужих солдат.

Но те правители свободных стран и руководители общественного мнения на Западе, которые знают, убедившись на опыте последнего десятилетия, что судьбы Запада также связаны с судьбами России, как судьбы России — с Западом, должны понять, что между режимом и народом в России — пропасть! Что там нарастают новые творческие силы свободы и человечности. К ним они должны обращаться.

Не на эмоциях сегодняшнего дня, не на сказках, злые чувства разжигающих, должна сейчас строиться «русская политика» Запада, а на очевидной действительности, эти легенды разрушающей; на предвидении завтрашнего дня и на учете тех неизменных исторических факторов, пренебрежение которыми дважды вело победителей — в тупик.

Надо понять совсем простую истину: ненависть родит ненависть и в ненависти погибнет человеческая свобода — всюду.

Но как ненависть родит ненависть, так любовь родит любовь и только любовь даст людям мир и свободу в правде и справедливости.

21 ноября 56.

Станфорд.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
М. М. КАРПОВИЧ — Традиции русской общественной мысли	5
Ф. А. СТЕПУН — «Бесы» и большевистская революция . .	26
Н. О. ЛОССКИЙ — Критика диалектического материализма .	40
Н. С. ТИМАШЕВ — Религиозность в Советской России . . .	49
Н. В. НАРОКОВ — Ненависть и коммунизм	55
В. А. НИКИТИН—Коммунистическая партия в Советской России	65
И. А. КУРГАНОВ — Крестьянство в судьбах России	87
В. Ф. ТОТОМИАНЦ — Кооперативное движение в России . .	124
В. А. ЛЕВЧЕНКО — Перелом в сознании народа	132
В. К. ЗАВАЛИШИН — Освобождение от страха	148
Н. В. ВОРОНОВИЧ — Армия и власть	157
О. В. АНИСИМОВ — Два полюса мировой борьбы	170
А. Ф. КЕРЕНСКИЙ — Народ и власть	182

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Авторы статей, помещенных в этом сборнике, не только не получили за свои труды никакого гонорара, но и большинство из них сделали денежные взносы на издание сборника. Сделали денежные взносы и все члены Объединения российских народников, возглавляемого А. Ф. Керенским. На эти средства и был издан сборник.

Предполагая продолжать издание сборников и увеличить их тираж для отсылки в Россию, Объединение российских народников обращается и к читателям с просьбой оказать ему в этом начинании материальную поддержку.

Подписку на сборники и пожертвования, а также переписку с редакцией направлять секретарю Объединения И. Курганову по адресу: I. Kurganoff, 147-47 Jasmine Ave. Flushing 55. L. I., New York.

Цена: \$ 2.00